

ЭНДИ

КЕЙДЖ

СЛОВА КОТОРЫХ НЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Энди Кейдж
Слова, которых нет

«Автор»

2021

Кейдж Э.

Слова, которых нет / Э. Кейдж — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-96619-2

Обернись, прошлое небезобидно! Когда земля под ногами начнет терять цвета — беги без оглядки или исчезнешь, как исчезли родители юного журналиста Ника Эрхарта, а вместо тебя, как вместо них, появятся «серые». Тоже люди, только черно-белые, как герои фильмов 40-х годов. Но кто они? И что им нужно? Узнай ответы, исследуя аномалию вместе с Ником и его друзьями из «Клуба тех, кого нет» и разгадай загадку времени пока не поздно.

ISBN 978-5-532-96619-2

© Кейдж Э., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	6
Принимая	7
В тени человека	7
Одна из девяти лириков	16
Металлическое танго	58
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Энди Кейдж

Слова, которых нет

Посвящается той, кто есть.

Делай, что должно, и будь, что будет.

Кто-то, кого нет

Иногда, когда ты стоишь на краю и смотришь вниз – в бесконечную черноту – пропасть тревожным голосом просит тебя остановиться, найти силы и жить дальше. А ты улыбаешься и все равно делаешь шаг вперед. Ведь пропасть слишком добра к тебе, а реальность позади чрезмерно зла.

Кто-то, кто здесь

Пролог

Она стояла в толпе посреди танцевального партера и замороженно смотрела на сцену, где пел Джек Уайт. Но не на него. Нет. Откуда-то из-под крыши вдруг начал падать снег крупными хлопьями. Прямо ей на голову. Одна из снежинок опустилась на заколку в форме подсолнуха в ее волосах и тут же растаяла.

Казалось, что мира вокруг этой странной девушки в черном пальто не существовало. Она была совершенно одна, и в то же время вокруг нее безумствовали люди. Но стоило мне моргнуть, как она исчезла, а вместе с ней и снег.

Только тогда я понял, что эта девушка была... черно-белой. Как героиня фильма сороковых годов.

Принимая

В тени человека

– Что за чушь, Ники-мальш?! – Мистер Келлерман ударил кулаком по столу, да так, что грохот разнесся по всему кабинету, но юноша в черной бейсболке, стоявший напротив него, ничего не ответил. – Перепиши эти розовые сопли, я плачу тебе не за то, чтобы ты сморкался. – Он скомкал листок бумаги, на котором был напечатан репортаж, а затем бросил его в мусорную корзину.

Точное попадание.

Так мистер Келлерман показывал своим подчиненным, что их тексты дрянь. Иной необходимости в печати материалов на бумаге просто не было.

– Ладно, – тихо произнес Ник. Он выглядел немного отрешенным и зажатым.

– Снег в это время года, да еще и в клубе на рок-концерте, – мистер Келлерман развел руками. – Серьезно? Может, тебе взять выходной? За свой счет, конечно. Буду я еще платить сопляку-внештатнику с галлюцинациями. Ники-мальш, приведи мозги в порядок, у нас все-таки здесь серьезное издание. Не забывай!

Он указал на Ника пальцем, а сам бросил взгляд на стакан с коньяком. Как же ему хотелось выпить, но в присутствии подчиненных он этого никогда не делал. Кодекс чести алко-голика или вроде того. В ответ Ник лишь опустил взгляд на свои черные кеды с красными шнурками, а потом как пристыженный школьник вышел из кабинета начальника по ковровой дорожке. Тоже красной. Словно на премии «Оскар».

«Это еще кому мозги нужно привести в порядок», – подумал он.

За дверью с надписью «Самый главный редактор Макс Келлерман» Ника ждала светловолосая девочка в голубом платье и белом корсете. На вид лет четырнадцать. Не было похоже, что разговор, доносившийся из кабинета начальника, ее как-то тревожил, в отличие от всех остальных работников издания. Она внимательно смотрела в окно.

– О! Бабочка, – сказала девочка и навела объектив фотокамеры на насекомое, прикрыв один глаз.

Щелк. Щелк. Щелк.

Ник потрепал ее по голове, и только тогда она наконец обратила на него внимание.

– Пойдем, Элизабет, – сказал Ник. – Пора домой.

– Макс все еще носит хоккейные шлем и свитер? – спросила она по пути из офиса.

– Ага. Даже защиту пододел. Хоть сейчас на лед выпускай.

– Зачем он это делает?

– Может быть, он просто сумасшедший?

– Угу.

Подростки спустились на первый этаж офисного центра, выполненного в светлых тонах. *«Как больница», – подумал Ник не в первый раз.*

– А можно, мы зайдём повидать Дости? – спросила Элизабет, и в ее голубых глазах появился блеск.

Ник тяжело вздохнул, но все-таки ответил:

– Ладно.

– Дости, Дости, Дости, – радостно говорила Элизабет и двигалась вприпрыжку к выходу.

Выйдя из офисного здания, друзья некоторое время молча шагали по тротуару вдоль Бикон-стрит под звуки автомобильных клаксонов. Похоже, на дороге образовалась серьезная

пробка. Может быть, авария? Элизабет вдруг остановилась. Но не из-за этого. Ник прошел футов десять, прежде чем заметил, что подруга отстала. С ней такое часто случалось.

Ник повернулся и вопросительно приподнял бровь. Элизабет стояла на тротуаре с протянутой в его сторону рукой. На ее ладони что-то лежало.

– Жвачку? – спросила она, наклонив голову, так что очки на ее лице немного перекошились.

Ник пожал плечами, подошел к ней и взял жвачку. Он неспешно развернул обертку – кроме самой жвачки там еще был вкладыш с картинкой и надписью. Ник внимательно изучил его.

– Любовь – это... – прочел он вслух, – неизбежное разочарование. – И усмехнулся. – И где ты только берешь эту жвачку?

Элизабет не ответила, вместо этого она перевела взгляд с Ника на пустую банку газировки, которая лежала на брусчатке.

– О! Баночка, – воскликнула она и тут же полезла в рюкзак за фотоаппаратом.

Элизабет навела объектив на банку, положила палец на кнопку и просто зависла на месте. Это продолжалось несколько минут.

Ник театрально закатил глаза.

– Да пойдем уже, – сказал он ей.

Щелк.

Элизабет повернулась и поспешила за Ником.

– Красивая, – заметила она.

– Просто мусор, – возразил Ник.

– Красивый мусор!

Палящее солнце в этот летний день, как и в несколько предыдущих, стало дополнительным мотивом для друзей, чтобы заглянуть в кафе «Букер» на Бикон-стрит, где они часто ошивались после работы. В основном из-за пристрастия Ника к кофе. Но в этот раз подростки решили взять только мороженое в стаканчиках и не стали задерживаться. Они вышли из заведения через несколько минут и отправились в конец улицы. Выйдя на Скул-стрит, они повернули направо – в проулок Чапман Плейс. Там между синими мусорными баками и тележкой из супермаркета, наполненной одеждой и консервами, на аккуратно застеленной картонке спал старик. Он был укутан в черное подгнившее пальто, а на его голове лежал черный английский котелок, прикрывавший его бородатое лицо от света.

Элизабет уверенно подошла к старику и протянула ему мороженое.

– Ты что делаешь? – спросил Ник, но ответ он знал. В конце концов, можно было догадаться, ведь пока они шли, Элизабет ни разу не лизнула мороженое.

– Альфред любит сладости, – пояснила она. – Да, Альфред?

Старик наконец продрал глаза и посмотрел на девочку в голубом платье.

– О нет! – он замахал руками. – Я опять в Зазеркалье!

– Я не Алиса, – ответила Элизабет с некоторым смущением.

Альфред пригляделся и с облегчением вздохнул. А потом его взгляд переместился на мороженое – шоколадное с орехами, как он любит.

– Это мне? – спросил Альфред хриплым, но полным любви голосом.

– Да, Альфред! – воскликнула Элизабет.

Лицезреть этот акт благотворительности Нику не хотелось. Он прикрыл глаза козырьком бейсболки, на которой были изображены красные губы. Издали можно было подумать, что это логотип The Rolling Stones, но Ник не слушал такую музыку.

– Хватит прикармливать этого бомжа, – сказал он. – Он сам виноват, что все потерял. Нельзя поощрять таких людей, Элизабет.

– Но он добрый, – возразила она.

– Этим должны фонды заниматься, люди, которые знают, что делать. Дашь этому бомжу двадцатку – он пропьет ее тут же и будет клянчить еще. Пойми, Элизабет, давая таким людям деньги, им не поможешь. Ты просто будешь спонсировать их неправильный образ жизни. У всего есть последствия, и не всегда у, казалось бы, добрых дел они хорошие.

– Но это мороженое, мороженое нельзя пить, только если растает. Но оно все еще холодненькое.

Ник поднял указательный палец, чтобы продолжить лекцию о благотворительности, но нужных слов не нашел.

– Ладно, ты права, – согласился он, как вдруг откуда-то снизу донеслась приглушенная мелодия.

Кто-то звонил.

Ник достал из кармана смартфон.

– Да, – ответил он на вызов.

Альфред не растерялся и взял мороженое из руки Элизабет.

– Это изумительно, госпожа Франк, – сказал он после дегустации. – Для счастья не хватает только глотка из фляги безудержной радости.

Альфред повернул голову направо, а потом налево, но, кажется, не увидел того, чего ожидал. Он нахмурил брови и прохрипел довольно грубым голосом:

– Сэр Достоевский! Где вы?!

Один из перевернутых мусорных баков издал шум. Крысы?

– Дости! – воскликнула Элизабет. – Иди сюда, маленький!

Нет, не крысы. Из горстки мусора вылезла собака породы корги – рыжая с белыми пятнами. Она стремительно побежала вперед, таща за ремешок черную флягу, от вида которой глаза Альфреда заблестели. Но вот беда, Дости пробежал мимо него. А потом и мимо Элизабет. Чего же он задумал?

Собака бросилась к Нику.

– Нет, я предпочту работать в соляных шахтах, чем на рынке крипты в команде профессионалов, которую... – Он дернулся от испуга, не успев договорить, когда Дости встал на две лапки и полез к нему обниматься. Смартфон выскочил из рук Ника, а сам юноша свалился на асфальт.

– Чертова собака, – выругался он, глядя на телефон, лежавший на земле дисплеем вниз. – Она же меня убьет!

Элизабет подбежала к телефону и подняла его. По всему экрану пошла трещина.

– Ей не понравится, – сказала она. – Очень не понравится.

– Глупая собака, – проворчал Ник, и корги заскулил.

– Дости не виноват, что любит тебя.

– Видимо, жвачка не врала. Любовь и правда полное разочарование.

Ник поднялся на ноги, отряхнул джинсы, а потом прищурился и посмотрел на собаку, чтобы пристыдить ее. Но Дости уже всю обнимался с Элизабет, и было не похоже, что его грызла совесть. Разве что блохи. Они могли.

– Пойдем, – недовольно проговорил Ник.

Элизабет ухватила обеими руками за мордочку корги и посмотрела ему в глаза.

– Береги Альфреда, Дости, – сказала она. – И не давай ему много пить. Он старенький.

Альфред посмотрел на собаку так, как нашкодивший ребенок смотрит на родителей, которые вот-вот накажут его.

Но друзья ушли, так и не узнав, получит ли Альфред флягу радости сегодня или будет наказан, как на прошлой неделе.

– Может, завтра зайти к ней? – спросил Ник, но скорее самого себя, нежели подругу.

– Макс разозлится, – заметила Элизабет.

– Пожалуй, если мистер Келлерман не дозвонится до меня, то мне придется искать новую работу.

Через несколько минут Ник и Элизабет уже были возле многоэтажки с магазинами на первом этаже, где располагался сервисный центр, куда им и нужно было, но не хотелось. Они прошли вдоль строения – в самый конец – к воротам, над которыми висела черная табличка с белой надписью «Доктор Рок». Внешне эта часть торговых помещений выглядела как гараж, строго говоря, раньше она им и являлась.

Ник подошел к дверям, расположенным рядом с воротами, и постучал. Зачем? Он и сам не знал ответа. Не в гости же шел. А может быть, просто надеялся убедить себя в том, что «ее нет дома».

Дверь была открыта.

Друзья вошли внутрь, и на них обрушился громкий поток звука. Тяжелые гитарные риффы чуть ли не разрывали им перепонки, пока Лемми Килмистер пел «Рок-н-ролл». Это дополняло атмосферу хаоса и бесконтрольности, которые можно было ощутить, глядя на инструменты и металлические коробки с запчастями, которые валялись по всему помещению, как пехотные мины на поле боя. И это в каком-то смысле было так, потому что лучше бы на них не наступать.

Из колонок заиграло гитарное соло, но звучало оно недолго. Музыка вдруг прервалась.

Наступила тишина. Но не успел Ник насладиться ей, как услышал грубое приветствие.

– Чего приперся?! – сказала темноволосая девушка с накрашенными в черный цвет губами. Ее можно было бы назвать готессой, хотя бы из-за пирсинга на лице и мрачного макияжа, если бы только она не носила белый халат и спецодежду – черные брюки и рубашку, что явно не укладывалось в образ.

«И все-таки к такому приветствию привыкнуть нельзя», – подумал Ник в очередной раз. Дар речи он не потерял, но говорить вслух боялся. К его счастью, Элизабет нашла нужные слова для описания ситуации. Или к несчастью.

– Трещина, – сказала она невозмутимо. – Большая-большая! – и развела руками, чтобы показать насколько.

Не обязательно было видеть лицо Рокс, чтобы понять, что в этот самый момент ее карие глаза налились кровью.

– Ты разбил телефон?! – она резко обернулась. Ее взгляд устремился на изрядно побледневшее лицо Ника. И все бы ничего, если бы она не держала скальпель в правой руке, который как бы говорил о том, что лучше бы Нику не делать резких движений.

В другом конце помещения сидел упитанный мужчина в белом халате. Все это время он почесывал свою рыжую бороду и хихикал, разглядывая картинки в интернете. Его можно было и не заметить, если бы он не любил вмешиваться в чужие дела.

– Тебе бы лучше ответить, она сегодня не в духе, – сказал мужчина, не отрываясь от монитора. – Хи-хи-хи, смешная курица.

– А тебе кто слово давал, внебрачный сын Хагрида? – рявкнула Рокс, и ее коллега затих, словно его только что облаяли.

Напряжение, которым был пронизан воздух, ощущали все, кроме Элизабет. Она неприступно разглядывала инструменты, лежащие на столе Рокс. Пинцет, зонд, отвертка и медиатор не привлекли ее внимания, в отличие от небольшой башенки, из крыши которой росла буква «Т».

– Ого! – восхитилась она. – Как красиво!

Элизабет тут же достала камеру и около минуты выбирала правильный ракурс, чтобы сделать снимок.

Щелк.

Ник наконец вышел из ступора.

– Послушай, Рокс, – сказал он тихо-тихо. – Это несчастный случай.

Ник осторожно вытащил смартфон из кармана джинсов.

– Это сделала собака, – продолжил он оправдываться.

– Какая собака? – спросила Рокс. И судя по ее хмурому взгляду, оправдание не нашло должного отклика.

– Дости.

– Дости?

– Ну... Сэр Достоевский.

– А... И не стыдно тебе обвинять столь милое существо?

– Но...

– Молчи, просто давай сюда телефон.

Ник протянул смартфон Рокс. Она выхватила устройство из его рук, посмотрела на телефон внимательно и почему-то усмехнулась.

– Ты кретин, Ники, – сказала Рокс. – Но это даже хорошо.

Ник озадаченно посмотрел на нее.

– Разбилось только защитное стекло, – пояснила она.

– Но он отключился... – неуверенно проговорил Ник.

В ответ Рокс приблизила экран телефона к его лицу и демонстративно со всей театральностью нажала на кнопку.

– Щелк, – сказала она, и дисплей загорелся. – Я либо волшебница из Хогвартса, либо ты идиот. Но как тебе известно, никакая сова ко мне с письмами не прилетала. В следующий раз проверь смартфон, прежде чем нести его сюда.

– Прости... – Ник второй раз за день устался на свои черные кеды с красной шнуровкой.

– С тебя пять баксов, – сказала Рокс.

– За что? – возмутился Ник. В основном потому, что с деньгами у него были проблемы. И иной раз вовремя сказанное «За что?» снижало цену услуги.

– За новое защитное стекло, тупица.

Рокс взяла отвертку со стола и помахала ей как волшебной палочкой.

– Алохомора! – сказала она, а потом сняла старое стекло и аккуратно наклеила новое.

– О! – удивился Ник. – Ты все-таки волшебница. – Он хотел перевернуть бейсболку козырьком назад, но Рокс остановила его, пригрозив отверткой.

– Деньги давай, а язык будешь заговаривать кому-нибудь другому.

Ник нехотя порылся в карманах, а потом бросил купюру с изображением президента Линкольна на стол рядом со странной башенкой, которая так приглянулась Элизабет.

– Держи, надеюсь, ты будешь хорошо спать, зная, что лишила меня возможности посещать курс психологической помощи.

– Запомни уже, продавец комиксов не твой психолог, а газировка не лекарство. – Рокс взяла купюру и засунула ее в карман халата. – А теперь проваливай! И научись уже приходить, когда песня заканчивается, а не во время гитарного соло.

Из другого угла помещения послышался смешок бородатого мужчины. Он снимал видео на фронтальную камеру своего телефона так, чтобы его собственное лицо заняло большую часть кадра.

– Ко мне и моей подчиненной пришли цыгане, – сказал мужчина. – Хотят забрать ее в цирк на колесах. Я не отдал. – А потом пробормотал: – Хэштеги: «женщина не вещь», «Фриз толерантный».

– Что ты несешь, Джаред? Сейчас вломлю! – возмутилась Рокс, и по помещению вновь разнеслась тяжелая музыка.

«Рок-н-ролл», – пел Лемми.

* * *

Этот день, как и многие другие, закончился для Ника возле белого трехэтажного дома на Восток 5-я стрит, где жила Элизабет. Он проводил ее до белой деревянной двери с золотистой каймой на окне, позвонил трижды в звонок и дождался ее матери.

Когда мисс Франк – именно мисс, потому что мистер Франк здесь не жил, – когда мисс Франк вышла на крыльцо, Ник махнул ей рукой на прощанье и ушел к себе домой, где его ждал сюрприз.

Войдя в гостиную, он увидел незнакомую девушку. Такое часто случалось. Она выглядела помпезно из-за яркого макияжа и вызывающего платья, а потому показалась ему глупой.

– А ты, похоже, не очень умна, раз связалась с Тони, – Ник указал пальцем на мужчину в розовой клетчатой рубашке и черных брюках, который только что вышел из кухни с бокалом вина.

– И тебе привет, брат, – сказал Тони.

Ник быстро прошел до конца гостиной, миновав помпезную особу, и повернул налево – на лестницу – тем самым избежав бури негодования, которая совсем наверняка разнеслась по помещению, когда он поднялся на второй этаж.

Войдя в свою комнату, Ник сразу же лег на кровать и уставился в белый потолок. А потом его взгляд сместился вправо на огромный плакат с изображением Марии Бринк – его не очень тайной любви – супердевушки, как он сам считал. Подпись черным маркером указывала, что это не просто плакат, а сокровище.

– Как же я устал, – сказал вслух Ник. Но он имел в виду совсем не работу, дела и прочие вещи, от которых люди обычно устают.

Ник задремал.

Прошло около часа.

Стук-стук. Стук-стук.

– Входи, – в полудреме произнес Ник.

Из-за двери показался Тони. Он улыбался.

– Что тебе? – проворчал Ник.

– Где же ты потерял свою вежливость, брат? – вопросом на вопрос ответил Тони.

– У меня ее никогда и не было. Тебе ли не знать.

– Пожалуй, что так. Но все-таки мог бы быть и полегче с Кэтрин.

– Если ей плевать на кольцо на твоём пальце, то это значит, что она дура. И что ты только в них находишь...

Тони коснулся обручального кольца на безымянном пальце, а потом начал его теребить.

– Очевидно, то, чего не находишь ты, – сказал он.

– Но гораздо интереснее, что они находят в тебе, – сокрушался Ник. – Как ни посмотри, но ты отвратителен.

– Не все является тем, чем кажется.

Ник закрыл глаза и покачал головой.

– Если ты пришел, чтобы пофилософствовать, то, может, в другой раз? – сказал он. – Я слишком устал.

Тони добродушно усмехнулся.

– Может, пора уже? – произнес он серьезным тоном, который так ненавидел Ник.

– Что?

– Ты знаешь.

Ник знал, но решил промолчать. Не первый раз. Он демонстративно повернулся лицом к стене, чтобы показать, насколько ему не нравится эта тема для разговора.

– Прошло уже полгода, как ты сбежал от них, – сказал Тони.

– И что с того? – тихо пробормотал Ник.

– Да так. Не пойми неправильно, ты можешь жить у меня сколько захочешь, но Ники, они же твои родители.

– И твои тоже.

– Повидайся с ними.

– Да к черту. Не хочу скандалить. Надоело.

– Хотя бы просто поздоровайся и скажи, что у тебя все в порядке. Это-то ты можешь?

– О боги, – застонал Ник. – Если я это сделаю, ты отстанешь от меня?

– Да. Мы закроем эту тему.

– Ладно, завтра заеду к ним.

Тони уже собирался уходить, но Ник его окликнул:

– С тебя кексы на завтрак.

– Ладно, – усмехнулся Тони и ушел.

* * *

Яркие лучи солнца падали на лицо Ника, намекая ему, что пора просыпаться. Он нехотя поднялся с кровати, зевнул и потянулся, а потом посмотрел на доску, висевшую возле двери.

– Забыл, – сказал он.

Ник подобрал джинсы с пола, а затем вытащил из кармана билет с концерта Джека Уайта. Он подошел к доске и прикрепил его к остальным своим трофеям. Здесь были билеты с концертов In This Moment, Diamante, Halestorm, The Pretty Reckless и многих других групп, которые так ненавидели его родители, потому что это не укладывалось в «План жизни Ника Эрхарта». Но, кажется, туда не укладывалось вообще все, что нравилось ему.

Даже эти черные джинсы.

– Слишком мрачно, – любила повторять мать Ника. – Такое носят только наркоманы.

– Спешащие на собственные похороны, – любил поддакивать ей муж.

Но больше всего они ненавидели футболку, в которой Ник часто ходил. Во-первых, она была черная, а во-вторых, на ней была изображена обнаженная девушка в белом колпаке с надписью «шлюха», сидящая на стуле спиной к зрителю. А по мнению четы Эрхартов, это было в крайней степени постыдно и пошло. Разве человек, который такое носит, может чего-то добиться в жизни, говорили они.

Ник ехидно улыбнулся, вспомнив недовольные лица родителей, и надел эту самую футболку на встречу с ними.

– То что надо, – заверил он себя.

После завтрака Ник отправился на Савин-Хилл-Авеню, где жили его предки. Сидя в автобусе, он много думал о том, что скажет родителям, как объяснится. Станет ли извиняться. Как примет его отец, а что скажет мать. Как он сам отреагирует на их слова и к чему сведется разговор...

– Да к черту, – вдруг сказал Ник вслух, и на него покосились несколько человек в автобусе.

Старушка, сидевшая перед ним, даже осуждающе покачала головой и поцокала языком. Из-за смущения Ник поспешил выйти из автобуса.

«Это не твоя остановка, дурак, – подумал он, оказавшись на тротуаре. – Вот и иди теперь».

Не без труда, но Ник все-таки добрался до Савин-Хилл-Авеню и увидел дом №206, из которого сбежал полгода назад. Он остановился. Три дерева на зеленом участке навевали воспоминания о детстве и приключениях, в которые его увлекал Тони. Стоило признать, что за красной дверью этого дома скрывалось не только плохое.

Прежде чем продолжить путь, Ник глубоко вздохнул. Нужно было морально подготовиться к встрече или битве, смотря как посмотреть.

– Ну давай, Ник. Соберись. Ты сможешь.

Его сердце колотилось от волнения и никак не хотело успокаиваться.

– Просто скажи им, что у тебя все в порядке. Скажи, что ты знаешь, чего хочешь, и будешь стремиться к этому. Хотя нет, это лучше не говорить.

Ник медленно зашагал в сторону дома с серой крышей. Он остановился перед дорожкой, идущей от тротуара к входной двери, и посмотрел на окна второго этажа.

– Может, стоило предупредить, что я приеду, – его взгляд переместился на красную дверь.

Ник закрыл глаза и глубоко вздохнул. Он услышал, как из дома доносятся знакомые голоса – мелодичный мамин и неотесанный папин. Здесь было не только плохое. На миг в его груди зажегся теплый огонек, а на лице появилась легкая улыбка, но стоило ему открыть глаза, как она пропала. Пропала туда, куда пропадают все улыбки, когда видишь кошмар наяву.

Ник не сразу понял, что произошло, но что-то точно было не так и с участком, и с самим домом. Первое, что бросилось в глаза, – зеленый газон. Он стал серым с заметными проплешинами и небольшими сугробами снега. Но изменился не только газон. Казалось, что все, что находилось в границах участка дома №206, потеряло цвета. Даже дверь стала серой.

Но хуже всего было не это.

Ник протер глаза, полагая, что у него что-то случилось со зрением.

– Черт, да что со мной? – спросил он себя вслух. – Почему все черно-белое? Как в тех старых фильмах с Хамфри, как его... которые любит брат. Ерунда какая-то.

Ник несколько раз поморгал, но это ничего не изменило, участок с тремя деревьями все еще был черно-белым. Он посмотрел на соседский дом, с ним было все в порядке – дом окружал идеальный зеленый газон. Да и садовых гномов едва ли можно было назвать черно-белыми. А главное, там не шел снег.

Взгляд Ника вновь сместился на родительский дом. Он потряс головой, но ничего не изменилось.

– Бред какой-то, – сказал он и все-таки сделал шаг вперед. – Неужели мистер Келлерман прав и у меня галлюцинации? А может быть, мне не стоило есть те кексы с сюрпризом, которые приготовил брат?

Ник рыгнул и постучал себя по груди.

– Да, не стоило. Но они такие вкусные.

Он перешагнул невидимую границу, где черно-белый участок земли стыковался с цветным. Но оказавшись там полностью, его тело не потеряло цвета.

– Странно. Галлюцинации я еще могу объяснить, но почему здесь так холодно?

Несмотря на это, Ник зашагал к двери, которая раньше была красной.

– Может, я задремал в автобусе? – спросил он себя, а затем трижды постучал.

Дверь открылась в тот момент, когда Ник начал трясти головой, пытаясь в последний раз развеять иллюзию. Ему бы стоило смутиться, но на его лице отпечатались совсем другие эмоции.

– Кто вы? – не скрывая удивления, спросил он у темноволосой женщины, стоявшей перед ним.

Она смотрела на него с не меньшим удивлением.

– Я здесь живу, – ответила женщина. – А кто вы?

– Подождите, но это же бред какой-то. Это дом моих родителей!

– Боюсь, вы ошиблись, молодой человек. Этот дом я купила еще год назад.

Ник посмотрел за спину женщине и увидел, что гостиная дома, в котором он вырос, выглядит совсем иначе, чем полгода назад. Учитывая консервативные взгляды его родителей, это было крайне маловероятно.

– Это ведь дом №206 по Савин-Хилл-Авеню? – спросил Ник, надеясь на недоразумение.

– Да, – ответила женщина.

Но недоразумения не было. Тогда что это?

– Бред какой-то, – прошептал Ник, и тут до него наконец-то дошло, что женщина, стоявшая перед ним, тоже черно-белая, как и весь участок, как и весь дом, как мебель в нем, как все здесь.

– Простите, – сказал он дрожащим голосом и убежал.

Одна из девяти лириков

– И зачем я только тебя повысил, Ники-малыш. – Мистер Келлерман скомкал листок бумаги со статьей и точным броском отправил его в корзину. – Ты такой же паршивый журналист, как я отец, муж и виолончелист. Тебя не должно быть в статье. Засунь свое «Я» обратно в задницу, чтобы оно больше не выглядывало из твоей черной норки никогда! И перепиши все! Понял?!

– Да, сэр, – ответил Ник, сжав кулаки. На левой руке он носил черную атлетическую перчатку и красный браслет. Из-за этого со стороны казалось, что Ник готов устроить поединок в октагоне.

Но его редактору было плевать на это. Все его внимание было занято бумажным кубком Стэнли, который стоял у него на полке над диваном для посетителей.

Когда грезы мистера Келлермана все-таки развеялись, он заметил, что Элизабет как-то странно смотрит на него.

– А ты чего вылупилась, малышка? – спросил мистер Келлерман.

Элизабет сделала два шага вперед по ковровой дорожке, остановившись возле странного табурета, у которого одна из ножек давно треснула, и протянула правую руку ладонью вверх. На ней что-то лежало.

– Жвачку? – предложила Элизабет.

Мистер Келлерман почесал шлем на своей голове и сказал:

– Эй, Ники-малыш, чего она от меня хочет?

– Возьмите жвачку, сэр, иначе она не уйдет, – ответил Ник.

– Ээ... ладно.

Мистер Келлерман взял жвачку так осторожно и трепетно, как брал клюшку Уэйна Гретцки в молодости после драки, которую сам же и затеял из-за этой клюшки. Но Элизабет не отошла от стола, а ее взгляд все еще был направлен на мистера Келлермана. Она хотела чего-то еще? Тогда мистер Келлерман открыл упаковку и достал вкладыш.

– Любовь – это... развод, алименты и неблагоприятные дети, – прочитал он и озадаченно посмотрел на Элизабет.

Она почему-то улыбалась, как будто услышала что-то веселое.

– И где ты только берешь эту жвачку? – спросил мистер Келлерман.

– Никто точно не знает, – ответил Ник. – Но это еще не самый бредовый вкладыш.

– Бред?! Что?! Не говори глупости, Ники-малыш, да если бы мне кто-то раньше дал эту жвачку, то я, может, и не женился бы никогда! Она пророческая!

Ник молча направился к выходу. Элизабет сделала реверанс и поспешила за ним.

– А фотографии классные, – окликнул друзей мистер Келлерман до того, как дверь закрылась.

Элизабет засияла и поклонилась.

Выйдя на улицу, Ник заметил:

– И так всегда, меня ругают, а тебя хвалят.

– О! – воскликнула Элизабет.

– Что?

– Трехлистный клевер.

Элизабет присела возле газона и принялась фотографировать траву.

– Серьезно? – развел руками Ник. – Это не редкость, Элизабет. Он ничем не особеннее миллиарда других клеверов.

– Красивый, – только и сказала Элизабет, а потом встала и пошла за Ником.

Несмотря на палящее солнце, друзья несли с собой зимнюю одежду и обувь, словно готовились к восхождению в горы. Но остановились они не у гор, а у клуба «Рояль» на Тремонт-стрит, где в прошлом проводили немало вечеров, делая репортажи и фотографируя знаменитостей.

Только клуба больше не было. На его месте расположилась лишь черно-белая деревянная сцена, сугробы и мусор, окруженные строительным забором.

– Неплохой был клуб, – с грустью произнес Ник.

– Угу, – согласилась Элизабет.

Друзья с ностальгией смотрели сквозь проем в заборе на заснеженную сцену и молчали. Ведь всего год назад они слушали здесь Джека Уайта. Это был их последний концерт в этом месте, но один из лучших.

– Ладно, – сказал Ник. – Пора заняться делом.

Он вытащил из пакета зимнюю куртку, шарф и обувь.

– Опять будем в снежки играть? – спросила Элизабет, надевая белый пуховик.

– Сколько раз можно повторять, – Ник замотал шарф вокруг шеи. – Мы не играем, мы проводим исследования. Это наука!

Элизабет пожала плечами, а затем совершенно непринужденно перешагнула через границу и оказалась в сумеречной зоне, как называли эти объекты блогеры-конспирологи. Ник проследовал за ней, но в его шаге не было столько же уверенности.

Друзья дошли до лавочки и остановились. Она располагалась совсем недалеко от строительного забора.

«Похоже, до начала стройки или сноса клуба здесь был сквер или будет», – подумал Ник.

Но это было неважно, потому что строительные работы здесь либо не велись, либо были заморожены на неопределенный срок. Ник это понял, еще когда приглядывался к этому месту. Он ни разу не видел здесь людей.

Бросив пакеты с летней обувью на лавочку, друзья отошли в сторону.

– Начнем, – сказал Ник.

Но Элизабет замерла, уставившись на падающую снежинку.

– Соберись, Элизабет. У нас важное дело.

И она нехотя обернулась.

– В прошлый раз мы выяснили, что можем взаимодействовать с предметами из сумеречной зоны, – продолжил Ник.

– Красивый получился снеговик, – заметила Элизабет и указала на него пальцем.

– Но сегодня мы пойдем дальше.

– Слепим подружку для снеговика?

– Нет.

– Дружка?

– Нет.

– Собачку?

– Да нет же.

– Кошечку?

– Нет, Элизабет, мы ничего не будем лепить.

Элизабет сложила руки домиком и грустно-грустно посмотрела на Ника. Устоять он не мог.

– Может быть, в другой раз, – сказал он, и на ее лице появилась довольная улыбка.

– Сегодня мы попробуем перенести что-то из сумеречной зоны за ее пределы, – Ник достал смартфон из кармана, кликнул на приложение «Диктофон» и включил запись.

– 13 мая 2022 года, 6:05 вечера. Я – Ник Эрхарт – и моя помощница Элизабет Франк начинаем эксперимент с кодовым названием «Фиолетовое небо». Сейчас мисс Франк слепит

снежок и бросит им в прохожего за границей сумеречной зоны. Я буду наблюдать за происходящим из-за елки. Приступайте, мисс Франк.

Ник сделал жест рукой, который у джентльменов прошлого значил «после вас», но в ответ Элизабет завертела головой.

– Не хочу кидаться снегом в прохожих, – сказала она.

Ник склонил голову и вздохнул.

– Мисс Франк отказалась от первоначального эксперимента в силу своих гуманистических взглядов. Поэтому она кинет снежок мимо прохожего.

Элизабет принялась лепить снежок.

– На сегодняшний день сумеречные зоны слишком сильно пугают горожан, поэтому нечасто кто-то делится информацией по взаимодействию с ними. Лишь несколько местных СМИ и блогеров с плохой репутацией. Но, в отличие от них, мы видео не записываем, потому что стесняемся, зато...

Ник посмотрел на Элизабет.

– Ты чего так долго возишься? – спросил он.

Элизабет посмотрела на Ника, а потом ее взгляд сместился вниз – на ладони, в которых лежал снег.

– Совсем не липкий, – сказала она.

– Вот черт.

Ник подошел к снеговика и от досады пнул его ногой.

– У нас возникли сложности с погодными условиями, – сказал он в микрофон телефона. – Сейчас мисс Франк насыплет снег в свои перчатки.

– Нет-нет-нет, – Элизабет зажмурилась и замотала головой, скрестив руки.

– Мисс Франк отказалась сыпать снег в свои перчатки. Это связано с ее болезненными воспоминаниями о детстве в Канаде.

– Но я не жила в Канаде. Я жила в *комнате*.

В одно мгновение ухмылка смылась с лица Ника.

– Нет больше *комнаты*, Элизабет, – сказал он слишком серьезно.

Но она была.

Ник схватил свою помощницу за плечи и посмотрел в ее голубые глаза. Они казались опустошенными.

– Повтори, – сказал он.

– Нет больше *комнаты*, Элизабет, – повторила Элизабет.

– Ладно, давай продолжим.

– Угу.

Ник поднес телефон к лицу и вновь начал записывать ход эксперимента.

– Сейчас мисс Франк возьмет мою перчатку и насыплет в нее немного снега, я подчеркиваю, *немного*, а потом швырнет ее на тротуар.

Элизабет взяла перчатку Ника и принялась заполнять ее снегом.

– Я готова, – сказала она.

– Приступайте, мисс Франк. Это маленький бросок для человека, но большой для человечества!

Элизабет подбежала поближе к строительному забору – к самой границе сумеречной зоны – посмотрела на то место, где не хватало фрагмента ограждений, и бросила туда перчатку. Перчатка пролетела границу и оказалась на тротуарной плитке – в мире, где светило летнее солнце.

Ник вышел из сумеречной зоны все с той же осторожностью, с которой заходил в нее. Он присел рядом с красной зимней перчаткой и внимательно осмотрел ее. На первый взгляд, ничего необычного с ней не произошло. Но внутри...

– Ничего нет, – удивился он и надел перчатку на руку. – Совершенно сухая.

Ник вернулся в сумеречную зону, где под запись подытожил:

– Эксперимент «Фиолетовые небеса» показал, что перенос предметов из черно-белой зоны в цветную невозможен. Так что мисс Франк совершенно беспочвенно опасалась кидаться снегом в прохожих. Но куда-то снег все-таки переносится во время перехода. Это нам еще предстоит выяснить. Отчет окончен.

Элизабет чихнула как раз в тот момент, когда Ник сказал последнюю фразу.

– Ну вот, запись испортила.

– Ой, – Элизабет прикрыла рот ладонью.

Ник поднес смартфон ко рту.

– Мисс Франк совершила непростительную, тотальную ошибку, – сказал он. – Увы, мне придется повторить все заново. Повторяю: отчет окончен. Точка. Что до мисс Франк, то сегодня она останется без любимой бельгийской вафли.

– Но я хочу вафельку.

– Исключено!

Элизабет посмотрела на Ника щенячьим взглядом.

– Ладно, – сдался он.

– Ура!

К сожалению, статьи о сумеречных зонах, над которыми почти каждый день работали Ник и Элизабет, не освобождали их от написания других материалов для «Бостон Дей». Мистер Келлерман продолжал отправлять их на различные мероприятия, то на выставку собак, где Ника всего обшлюнявили, то на фестиваль цветов, где Элизабет зависла от увиденной красоты на целый час. Правда, любовалась она пятном на стекле фудтрака, стоявшего неподалеку, а не на цветы.

И все же в этой работе были свои плюсы. Например, бесплатные концерты.

Так, сегодня в «Бостонском доме блюза» должно было состояться шоу рок-группы Diamante.

Ник и Элизабет стояли возле бара и разговаривали о том, что случилось в сумеречной зоне.

Ник отпил латте из стакана, а потом сказал:

– Нужно выяснить, как аномалия влияет на предметы из нашего мира.

– Зачем? – спросила Элизабет, довольно жуя бельгийскую вафлю.

– Потому что люди боятся этих зон, даже журналисты из «Бостон Глоб». Но это только пока.

– Я не боюсь.

– Я тоже.

– Но побаиваешься.

– Побавиваюсь.

– А я нет.

– А ты нет.

Ник отпил еще немного кофе.

– Если мы успеем узнать как можно больше об аномалиях, то сможем сделать отличную статью раньше конкурентов.

– Но мы не ради статьи этим занимаемся, – сказала Элизабет, а потом присела и что-то подняла. – О! Медиатор.

Через полчаса на сцене зазвучала музыка.

* * *

Сумеречная зона, образовавшаяся на месте клуба «Рояль», стала для Ника и Элизабет своего рода игровой площадкой. Раньше таким местом был парк «Бостон Коммон», где они

проводили кучу времени после работы, гуляя, общаясь, наблюдая за миром. Вдвоем. Но все изменилось, когда президент Байден разрешил взаимодействовать с сумеречными зонами.

Так начались эксперименты.

Ник и Элизабет приходили в сумеречную зону на Тремонт-стрит практически каждый день. В основном их эксперименты были безобидными. Например, сегодня Элизабет установила морковку снеговика в качестве носа, чтобы выяснить, во что превратится овощ через день. С той же целью Ник оставил стакан с недопитым латте под лавочкой.

Через двадцать четыре часа стало понятно, что черно-белая аномалия никак особенно не влияет на предметы извне. Это лишний раз подтверждало, что правительство не врало о безопасности этих странных объектов. Тем не менее блогеры трубили об обратном. Кто-то говорил, что в сумеречных зонах высокая радиация (хотя счетчик Гейгера не показывал отклонений от нормы), кто-то утверждал, что все, кто заходил туда, тут же распались на атомы, а кто-то уверял, что если, находясь там, съесть снег, то получишь суперсилу. Но правда была в том, что морковка осталась на месте, а стакан с кофе...

– Эксперимент с кодовым названием «Ты всегда верил» показал, что латте под воздействием холода сумеречной зоны все-таки замерзает, – сказал Ник, поднеся телефон ко рту. – Сейчас мисс Франк вынесет стакан с замороженным напитком за пределы черно-белой границы, чтобы развеять наши самые смелые предположения.

Элизабет перешагнула границу, и в этот момент со стакана в ее руках исчез слой снега, но напиток как был замороженным, так и остался.

– В ходе эксперимента «Ты всегда верил» нам удалось выяснить, что при переходе границы влияние сумеречной зоны сохраняется. А сейчас мисс Франк выпьет содержимое стакана, и мы посмотрим, что произойдет.

Элизабет замотала головой так, что ее очки чуть не слетели.

– Это же лед, – сказала она. – Я не могу пить лед.

– Ну лизни разок. Ради науки!

– Не хочу ради науки.

– А ради чего хочешь?

– Ради Бобби Фишера.

– Ээ...

Эксперимент пришлось отложить как минимум до следующего дня.

* * *

Тони заканчивал готовить ужин, пока Ник задумчиво смотрел на микроволновку, в которой ничего не было. Он так погрузился в себя, что не сразу услышал брата.

– На днях видел твою статью о сумеречных зонах, похоже, тебя все-таки повысили, – сказал Тони.

Ник промолчал.

– Эй! – окликнул его брат.

– Да... да, повысили, – пробормотал Ник.

– Разве не принято такое отмечать? Ну знаешь, шампанское, девочки, Лас-Вегас, немного кокаина, оргии и, конечно, игры в «Плейстейшен» до самого утра.

– Не знаю, – все так же отрешенно произнес Ник. – «Плейстейшен», да, поиграю с тобой. Тони помахал рукой перед лицом брата, и тот наконец-то обратил на него внимание.

– Когда ты на своем месте, Ники, успех хочется отметить, – заметил Тони. – Но может быть, не так, как я сказал, потому что это не совсем законно.

Ник вопросительно приподнял бровь.

– Приятного аппетита, – сказал Тони и поставил поднос с двумя порциями рамена на стол. – И не забудь поблагодарить повара.

– Пф...

– Тебе нравится журналистика?

Ник покачал головой и принялся накручивать лапшу на вилку. В отличие от брата, палочками он есть не умел.

– И по твоим статьям, и по тебе самому видно, что не особо, – продолжил Тони.

– Может, хватит? – сказал Ник, пережевывая лапшу. – Ты... ты сейчас как...

Но он не смог договорить и просто замолчал.

– Как *они*? – Тони усмехнулся, а потом отправил в рот немного лапши. – Да брось, они хотели, чтобы ты рос по их великому плану. «Плану жизни Ника Эрхарта», который никак не согласовывался с интересами Ника Эрхарта. Им-то было виднее, какую музыку тебе следует слушать. Но в любом случае это в прошлом.

– Ошибаешься.

– О чем ты, Ники?

Но Ник предпочел доесть рамен в тишине, оставшись наедине со своими мыслями.

Выйдя из-за стола, он сказал:

– Я верну их, вот увидишь.

Тони проводил Ника взглядом.

– Однажды прошлое тебя погубит, Ники.

* * *

Как и у любого странного объекта, у сумеречной зоны на Тремонт-стрит со временем появилось особое название. Это произошло как-то само собой, когда Ник с Элизабет засиделись в кафе «Букер» после работы. Элизабет спросила: «А когда мы пойдем...», но не смогла сказать куда. И тогда Ник понял почему. Говорить о сумеречных зонах на людях было не очень этично, потому что из-за них кто-то, и таких было не так уж и мало, потерял своих родных и близких. Не стоило лишний раз об этом напоминать. Тогда Ник ответил: «В клуб тех, кого нет?». Именно так гласила загадочная надпись, вырезанная ножом на нижней части сцены, которую он заметил пару дней назад. И это было идеальное название для места, где раньше стоял клуб «Рояль», которого не стало.

– 16 мая 2022 года, 6:03 вечера, – сказал Ник под запись смартфона. – Мы проводим эксперимент под кодовым названием «Великое разделение». Его суть заключается в том, что мы попробуем дозвониться из цветного участка города в черно-белый – в сумеречную зону, а также попробуем отправить сообщение, но может быть, в другом порядке. Сейчас мисс Франк выйдет из «Клуба тех, кого нет», чтобы позвонить мне.

Элизабет подняла руку с такой довольной физиономией, что была похожа на школьницу, которая знает ответ на вопрос учительницы, обращенный к классу.

– В чем дело, мисс Франк?

– Смартфон один. Нас двое.

Элизабет показала эту нехитрую математику на пальцах.

– Точно, ты же не ладишь с техникой, – Ник ударил себя ладонью по лбу. Ну как он мог забыть?

– Угу.

– Неужели придется опять идти к Рокс... – Ник поднес смартфон ко рту и сказал: – Эксперимент «Великое разделение» переносится на более благоприятное время.

– Идем слушать хэви-метал? – спросила Элизабет.

– Да, идем к Рокс.

Но в сервисном центре было необычайно тихо, никакого тяжелого метала и зубодробительных гитарных соло. Это настораживало. Как и то, что в помещении находился только Джаред. Он сидел в своем уголке и хихикал как ребенок, смотря на планшете какой-то аниме-сериал про рецензентов борделей в фэнтезийном мире.

– Эй, а где Рокс? – спросил Ник, войдя внутрь сервисного центра.

Джаред дернулся от испуга, зажмурился и опрокинул миску с лапшой.

– Только не бей меня, – хныкал он, пока бульон разливался по столу.

Наступила тишина. Неудобной ее назвать было нельзя, потому что Джаред был не из тех людей, с кем хочется общаться.

Спустя секунд тридцать Джаред все-таки открыл глаза.

– А, это ты, цыган, – с облегчением произнес он. – Что надо? Хочешь узнать, как подкатить к девушке? Не получится, забудь об этом. Таким, как ты, я предлагаю промокод на порносайты.

– Где Рокс? – спокойно спросил Ник, хотя внутри он весь кипел от желания осадить обидчика.

– Ушла, неудачник, я тут главный!

Джаред ударил себя кулаком по массивной груди.

– Это вряд ли, – заметила Элизабет.

– Вряд ли, – грустно проговорил Джаред и поник. Он быстро схватил телефон и начал записывать видео для «Инстаграм». – Даже Фриза можно ранить. Сраные цыгане.

Джаред вздохнул, а потом пробормотал себе под нос названия хэштегов, среди которых были «Фриз сентиментальный» и «я свободен, детка».

– А когда вернется? – спросил Ник. – И мы не цыгане.

– Только потому что вы сраные цыгане, – Джаред залился смехом.

Ник сжал кулаки и уже хотел вмазать по этой упитанной роже, но сдержался.

– У нее тут, случаем, не завалился какой-нибудь ненужный смартфон в одном из этих ящиков в стеллажах? – спросил он стиснув зубы. – Нам он нужен на время.

– Может, и завалился, но я не уверен.

– Чего ты хочешь?

– Недалеко отсюда на Бикон-стриг есть кафе, называется «Букер», – Джаред похотливо захихикал. – Может, слышал? Там работает интересная официантка. Ее зовут Кристина. И я ей явно небезразличен.

– И чего ты хочешь от нее?

– Не твое дело, сопляк. Маленький еще для этого. Твое дело – устроить мне свидание с ней, и тогда ты получишь смартфон. Нет свидания – нет смартфона. Понял?

Ник чуть не рассмеялся, но успел прикрыть рот рукой, чтобы подавить приступ смеха.

– Невозможно, – вдруг сказала Элизабет. – Она красивая, но не так, как ты.

– В смысле? – уточнил Джаред.

Ник и Элизабет переглянулись.

– Это значит, что ты жирный урод, – ответил Ник.

– Я не так сказала, – возразила Элизабет.

Но к тому времени лицо Джареда уже покраснело от злости.

– *Проваливайте, сраные цыгане!* – завопил он и начал швырять в своих обидчиков запчасти от смартфонов, которые находил у себя на столе.

Ник схватил Элизабет за руку и побежал к выходу, уклоняясь от аккумуляторных батарей и других предметов. Когда же в ход пошла тяжелая артиллерия, Ник притормозил. И тут планшет прилетел ему прямо в голову, но жертва не была напрасной, потому что за планшетом летел смартфон.

«*То что надо*», – подумал Ник и поймал устройство.

– Спасибо! – выкрикнул он напоследок.

К счастью для друзей, смартфон оказался рабочим. По крайней мере, у него горел экран.

По пути к «Клубу тех, кого нет» юные исследователи раздобыли сим-карту и еще раз обговорили детали эксперимента. Их роли поменялись. Теперь Элизабет должна была оставаться в сумеречной зоне, а Ник должен был ей позвонить.

– Помнишь, что делать? – спросил он, стоя в шаге от границы, где мир становился черно-белым, и Элизабет, которая находилась там.

Она выглядела слегка растерянной.

– Я сейчас наберу сообщение на этот телефон, – продолжил Ник. – А ты держи свой так, чтобы я видел экран.

Элизабет покачала головой, а потом ее губы зашевелились, словно она пыталась что-то сказать, но ничего не было слышно. Ник даже подумал, что она изображает рыбку в аквариуме.

– Хватит дурачиться, – проговорил он, но никакой реакции не последовало. Странно. Элизабет нельзя было назвать непослушной девочкой. Временами она, конечно, упрямылась, но тому были объективные причины. А сейчас она как будто и вовсе издевалась.

И тогда Ник громко произнес:

– Элизабет, Бобби Фишер не лучший шахматист Америки!

Никакой реакции.

Ник задумался на секунду, а затем включил приложение «Диктофон» на своем смартфоне и сделал очередную запись.

– Неожиданно для себя мы провели эксперимент с кодовым названием «В свете», который показал, что звуки не проникают в сумеречную зону, равно как и наоборот. Мисс Франк сейчас смотрит и не понимает, что происходит, поэтому я могу наговорить про нее все, что вздумается, а она об этом даже не узнает. Да, мисс Франк? Она не слышит.

Ник шагнул в черно-белую область, где медленно падал снег, и еще раз объяснил Элизабет, что от нее требуется.

– Угу, – сказала она и оттопырила большой палец.

Ник вернулся в мир, где светило яркое солнце, и начал набирать текст на своем смартфоне, а затем нажал кнопку «Отправить».

Сообщение не дошло.

Прошло пять минут, результат не изменился.

Ник вновь включил «Диктофон» на телефоне.

– В ходе эксперимента «Великое разделение» нам не удалось отправить сообщение на смартфон в сумеречную зону. Правда, пока не ясно, это аномалия так влияет или просто сети перегружены. Но звук туда не доходит, так что...

Он жестом руки позвал подругу, и она тут же шагнула через границу. Телефон в ее руке издал звук – пришло новое сообщение.

– Так и знал, – сказал Ник. – Элизабет, вернись в сумеречную зону.

Но Элизабет застыла на месте.

– Эй! – окликнул ее Ник. – Если на экране появится два символа – красный и зеленый – нажми на зеленый. Но прежденими перчатки.

Элизабет запротестовала.

– Ручкам холодно, – пояснила она.

– Можешь клюнуть носом по кнопке, если тебе так удобнее. А теперь шагни назад.

И Элизабет переступила границу. Пока она находилась в сумеречной зоне, Ник пробовал набирать ее номер, но ни один из звонков не прошел. Однако стоило ей выйти на тротуар, как ее смартфон завибрировал и зазвучала мелодия.

– Ясно, – сказал Ник и вновь включил «Диктофон». – Нам стало известно, что звонить в сумеречную зону мы не можем. Конец отчета.

Он задумался.

– И что это все может значить... – пробормотал Ник.

– Надо вернуть, – вдруг сказала Элизабет.

– Что?

– Смартфон. Сейчас.

Ник махнул рукой.

– Да ладно, на неделе забежим, – сказал он. – Нужно подумать, что делать дальше.

Возникла пауза.

– Только не говори, что Джаред привез сюда свою тушу на самокате и стоит у меня за спиной.

Элизабет медленно покачала головой.

– Не он? – спросил Ник.

– Нет.

– Жаль.

Кто-то положил руку на плечо Ника, и его тут же пробрала дрожь, но поворачиваться он совершенно не хотел.

– Так-так-так, прыщавый засранец, – послышался до боли знакомый женский голос.

Ник закрыл глаза, перевернул бейсболку с логотипом фирмы «Шугарпова» козырьком назад и заткнул уши пальцами.

Наступила приятная тишина.

Но все хорошее конечно.

Кто-то ухватил Ника за плечи и заставил обернуться.

– Привет, Рокс! – воскликнул Ник. – Рад тебя видеть. Какими судьбами? Неплохо выглядишь. Новый халат?

– Старый, – сухо ответила Рокс. – Знаешь, кто-то украл у меня телефон.

– Да быть не может! И ты пришла за помощью ко мне? Где ты его видела в последний раз?

– Я тоже помогу, – сказала Элизабет. – Вместе поищем.

Ник довольно улыбался, пока Рокс не вернула его бейсболку в прежнее положение.

– Что теперь скажешь? – спросила она.

– Прости, Рокс, я бы вернул тебе смартфон, ты же меня знаешь, – ответил Ник.

– Знаю, но еще хоть раз возьмешь мои вещи без спроса, ходить ногами ты больше не сможешь. В конце концов, мог бы и позвонить.

– Он боялся, что ты откажешь, – заметила Элизабет.

– И поэтому он решил украсть смартфон?

– Нет, все было не так, – практически шепотом проговорил Ник.

– А как? – спросила Рокс.

– Мы разозлили Джареда, – объяснила Элизабет. – Он кинул в нас телефон. И не только телефон.

Рокс перевела взгляд на Ника. Тот кивнул.

– Я его поймал, – пояснил он.

– Джаред сказал, что ты тайком украл смартфон, пока он увлеченно чинил планшет, – сказала Рокс.

– Это вряд ли.

– Вряд ли.

– Вряд ли, – поддержала их Элизабет.

– Так для чего тебе нужен был второй смартфон? – Рокс решила понизить градус напряжения. Хотя из-за черной губной помады и мрачного макияжа ее лицо выглядело все еще злым, а взгляд убийственным.

– Не могу сказать, – противился Ник. – Это секретная информация.

– Ты хорошо подумал, Ники? – спросила Рокс.

На лице Ника выступил пот.

– В рамках журналистского расследования мы проводим эксперименты в сумеречной зоне, – пояснил он. – Чтобы выяснить, с чем столкнулось человечество и как вернуть все, как было.

– Но это же опасно, – заметила Рокс.
– Ты разве не слышала, что власти заявили о безопасности этой аномалии? К тому же мы там надолго не задерживаемся.

– Слышала, но все равно как-то страшновато находиться там. Да и слухи ходят.

– Слухи распускают ненормальные с «Ютуба».

– Это правда.

– Но я думал, тебе неведом страх.

– Эй, ты на что намекаешь?

– А разве не ясно?

Рокс шлепнула Ника по голове так, что у него слетела бейсболка.

– Неужели тебе не интересно, что это, откуда взялось и что там за люди живут? – Ник поднял бейсболку с тротуара и отряхнул ее. Затем надел на голову.

– Не особо, – ответила Рокс. – Рано или поздно ученые разберутся с этим и расскажут нам.

– Они уже год разбираются, а результата нет.

– Не думай, что ты самый умный.

– Да и с чего ты взяла, что они расскажут правду?

Рокс закатила глаза.

– Как ты можешь ругать ненормальных блогеров, которые охотятся за хайпом, и при этом верить в теорию заговора? – спросила она.

– Пока сумеречные зоны не объявили безопасными, их целый год охраняли военные, – напомнил Ник. – А потом они внезапно ушли, и нас как-то уж слишком легко подпустили к аномалиям. Здесь что-то нечисто.

* * *

Из кухни дома, куда только что вошел Ник, доносился вкусный запах выпечки.

– Как раз вовремя, – проговорил Тони, выглянув из дверного проема. – Попробуешь мои фирменные такояки.

– Если они фирменные, то почему я их еще не пробовал? – спросил Ник.

– Потому что я их готовил в *тот день*.

– Ясно.

Ник бросил пакет с зимней одеждой у входа, а сумку с ноутбуком закинул на диван в гостиной. Потом он зашагал на кухню и молча сел за стол. Напоминание о *том* дне немного перебило его аппетит, но лишь немного.

Тони постучал по часам на руке. На них была трещина, и кажется, они показывали неправильное время.

– А ты пунктуален, когда речь заходит об ужине. Всегда приходишь вовремя.

Он подошел с подносом к столу.

– Давай уже сюда, – сказал Ник. – Есть хочу.

Тони положил четыре шарика такояки на тарелку. Ник тут же насадил один из них на вилку и откусил. Вкусно, подумал он. Ради этого можно и потерпеть морализм брата.

– А где Стэйси? – спросил Ник.

– Ты хотел сказать, Шэрон, – ответил Тони.

– Да неважно. Стэйси, Шэрон, у тебя их столько, что я уже давно запутался.

– Мы расспросались.

– Опять?

– Поэтому сегодня мы едим эти прекрасные такояки.

– А я-то думал, что мы отмечаем. А у тебя, оказывается, горе, хоть по твоей тупой ухмылке этого и не скажешь.

– Шэрон – специфичная девушка.

– Да у тебя все либо специфичные, либо... не знаю... может, найдешь кого-нибудь, кто тебе реально подходит?

– А кто подходит тебе, Ники?

Ник замер на несколько секунд, а потом продолжил жевать такуюяки.

– Какая разница? – сказал он.

– Не думал начать с кем-то встречаться? – спросил Тони. – Например с... как же ее звали...

– Кого?

– Ну... ту девчонку, которая была тебя в школе.

– Ее звали Джесс.

– Да, точно. Она ничего такая.

– Вот и встречайся с ней. А у меня другие предпочтения.

– Какие?

Ник смутился. Как же ему не хотелось говорить об этом.

Тони щелкнул пальцами.

– Эй, – сказал он. – Ты все еще с нами?

– Да, – ответил Ник.

– Ну так что?

– Предпочитаю супердевушек.

– Что?

– А вот думай, что хочешь.

Тони усмехнулся. Они с Ником еще какое-то время обсуждали разные темы, иногда предаваясь воспоминаниям о детстве. И вроде бы все было отлично, но, когда ужин закончился, когда Ник поднялся из-за стола и собирался уже уходить, Тони вдруг сказал:

– Прошел уже почти год с того дня.

– И что с того? – ответил ему Ник.

– Пора их отпустить.

Образовалась тишина.

– Да что ты, черт возьми, несешь?! – взорвался Ник. – Может, тебе и плевать на них, но мне – нет. И когда я их верну, когда приведу сюда, что ты тогда скажешь? Что, Тони? Привет, мама, привет, папа, а я вас уже похоронил? Я вас отпустил! Вас для меня нет! Это скажешь? Может быть, ты им еще счет за их собственные похороны выставишь, придурок? И за все те цветы, что ты носил на их могилы?

Тони нахмурился.

– Держи себя в руках, ты все-таки... – не успел договорить он.

Иногда неосторожные слова становятся катализатором для протекания неприятной реакции. Это был тот случай.

– Что все-таки, Тони? – Ник смотрел на брата насупившись. – Что я в *твоем доме*, так ты хотел сказать? Да иди ты к черту со своим домом. Не нужна мне твоя помощь! И советы твои не нужны, и нравоучения засунь себе в задницу. Обойдусь!

Ник схватил пакет, с которым пришел, и покинул дом. Тони лишь едва приподнял руку и попытался что-то сказать, как сцена была закончена. Ему оставалось лишь надеяться, что его брат не наделает глупостей.

– Черт, – проговорил он. – Вот я болван.

Ник шел по улице и злился – сначала на Тони, потом на мир, но больше всего его сводила с ума собственная беспомощность.

«*Да идите вы все к черту*, – думал он. – *Как же мне это надоело. Отпустить их? Да как я могу? Это не ты стоял там в тот день, не на твоих глазах они исчезли.*»

Проходя мимо фонарного столба, Ник вдруг замахнулся и ударил по нему рукой. Боль пронзила костяшки пальцев. Спасало одно: на этой руке он носил атлетическую перчатку. Как раз после одного из таких случаев, когда ему не удалось совладать с гневом, он ее и купил.

– Черт, – выругался Ник вслух.

«Да и не нужен мне твой дом, – подумал он. – Вечно все пытаются управлять мной. Говорят, что делать, как жить, как чувствовать».

– *Да задалбало все!* – закричал Ник посреди улицы, а потом так же внезапно притих и, склоня голову, пошел вперед по тротуару вдоль Вашингтон-стрит.

Он не знал, куда движется, но ему казалось, что делать шаги просто необходимо, чтобы не сойти с ума. Трудно убежать оттуда, куда ты прибежал, убегая от других проблем.

Так Ник и скитался по ночному городу минут сорок, пока в конце концов не пришел к сумеречной зоне, где в последние дни вместе с Элизабет проводил эксперименты.

Там было тихо и спокойно.

Но прежде чем войти туда, Ник надел шапку, накинул зимнюю куртку и повязал шарф. Перешагнув границу, он сел на лавочку, которая располагалась между двух елок, и начал переобуваться, поглядывая на сцену сонными глазами. На нее, конечно, никто не собирался выходить, но как было бы здорово, если бы там появилась, например, Мария Бринк и согрела его своим пением под звуки мощных гитарных риффов.

Но, к сожалению, мечты обычно рождаются мертвыми.

«Интересно, какие сны будут сниться в сумеречной зоне?» – подумал Ник незадолго до того, как решиться вздремнуть на морозе.

Тьма окутала его сознание.

Он заснул.

Идея была плохая.

Но по крайней мере, здесь его никто не трогал.

* * *

– Рэвей-туа¹, – кто-то прошептал Нику на ухо – голос был приятный и мелодичный – но он не понял ни слова. Что это вообще за язык?

– Ты должен отгадать загадку, – вновь послышался женский голос. На этот раз он звучал грубее, но зато понятнее. – Тебя ведь привел сюда демон Лапласа?

Ник никак не отреагировал, и тогда незнакомка громко сказала:

– Мерд²! Некогда объяснять. Возьми меня за руку! Быстро!

Ник дернулся, приоткрыл глаза и увидел перед своим лицом руку в вязаной варежке. Он не понимал, что происходит, но по инерции ухватился за ладонь, словно выполняя команду, а потом незнакомка потащила его за собой.

Ник заморгал, протер глаза, пытаясь прийти в себя, и наконец-то разглядел перед собой девушку в черном потрепанном пальто. Кажется, оно было мужским. Но тогда он не придал этому значения и просто шел за ней.

Вопрос «Зачем?» в его голове созрел позже.

– Быстрее! – говорила девушка. – *Он* мог проследить за мной!

– Что... кто? – пробормотал себе под нос Ник. А потом его сознание окончательно прояснилось. Он посмотрел на затылок девушки – ее длинные темные волосы развевались – и заметил заколку в форме подсолнуха у нее на голове.

– Сюда! – сказала незнакомка.

Внезапно тело девушки начало исчезать. Она буквально проходила сквозь кирпичную стену, разрисованную граффити, словно в какой-то волшебный мир за гранью, ведя за собой

---

¹ Проснись [Réveille-toi] (пер. с франц.).

² Дерьмо [Merde] (пер. с франц.).

гостя. Но никакой Нарнии там не оказалось. Незнакомка исчезла, а Ник впечатался в стену и разбил себе нос.

– Ау, – только и сказал он, свалившись на холодную землю. – Черт, какая еще загадка? Кто тебя преследует? Что происходит? Кто ты вообще такая?

Ник осмотрелся, но никого не увидел. Только снеговика, грустно склонившего голову.

– Что это было, приятель?

Ник ухватился за свой нос. На перчатках остались следы крови.

– Неужели я ходил во сне? – Он поднялся с земли и пошел в сторону границы, где заканчивалась черно-белая область. – Или, может быть, так на мое тело влияет сумеречная зона?

Утро для Ника не задалось, а может быть, и весь год, смотря как посмотреть. После странного инцидента с загадочной девушкой в сумеречной зоне он отправился в кафе «Букер» на Бикон-стрит, чтобы согреться и позавтракать.

Это было необычное заведение, где персонал наряжался в костюмы известных персонажей поп-культуры и создавал какую-то особенную теплую атмосферу, в которую хотелось погружаться вновь и вновь.

– Похоже, жизнь тебя потрепала, Ники, – сказала беловолосая девушка в костюме Цири из видеоигры The Witcher. Она улыбалась.

«Фальшивая», – подумал Ник и вытер нос, чтобы убедиться, что кровь уже не идет.

– Привет, Крис, – ответил он. – Все в порядке.

– Выглядишь неважно.

– Не бери в голову.

– Ладно. Что будешь заказывать?

– Как обычно. Латге и чизкейк.

– Хорошо, скоро вернусь, не успеешь и статьи написать.

Ник усмехнулся и продолжил набирать в телефоне текст будущей публикации. Это было неудобно, но все удобные варианты остались в доме его брата. Так он и писал, иногда отвлекаясь от работы, чтобы собраться с мыслями. Но чаще всего в такие моменты ему удавалось собирать отнюдь не свои мысли.

Ник не любил подслушивать, но иногда слова сами находят твои уши, словно знают шифр от твоего внимания.

Какой-то мужчина в сером костюме, сидевший с девушкой в красном платье за столиком недалеко от Ника, заговорил о сумеречных зонах, разбросанных по Бостону.

– Говорят, это вторжение, – сказал он. – Я видел ролик на «Ютубе». Там говорилось, что пришельцы, которые посещали нас в 2004-м, вернулись и нашли способ захватить наши ресурсы.

– Я тоже что-то такое слышала, – ответила девушка. – Но крупнейшие СМИ умалчивают об этом.

– Говорят, захватчики истощили свою планету и решили истощить еще и нашу.

– Странно, что власти отозвали военных из сумеречных зон. Ведь очевидно, что в них скрывается опасность для нас.

– Да власти нас просто продали! Ведь ресурсы – это не только нефть и газ, но и люди! Вспомни, что было два года назад. Что сделал Билл Гейтс на фоне якобы пандемии коронавируса?

– Точно, через вакцину он чипировал большую часть населения Земли.

– Вот именно, это и есть один из тех ресурсов, которые будут отданы захватчикам.

– Хорошо, что мы с тобой прививок не делали.

– Да. Вся надежда на таких, как мы.

– А как же люди, которых пришельцы уже забрали?

– Послушай, Кассандра, это уже не люди. Когда миллиарды наноботов через вакцину проникли в их тела, они потеряли человеческий облик. Это рабы, которым нельзя вернуть свободу. Увы.

Ник покачал головой.

«Так вот что люди думают об этом», – подумал он.

И тут к его столику подскочила Кристина.

– Твой кофе и чизкейк, Ники, – сказала она.

– Спасибо, Крис.

Ник взял чашку и сделал глоток лучшего, по его мнению, латте в Бостоне. Как же ему было хорошо сейчас после всего случившегося.

– Нельзя вечно убежать, – вдруг сказала Кристина, тем самым напомнив Нику брата. Но может быть, дело было в том, что она просто взрослее, а у них – у взрослых – есть пунктик насчет нравоучений.

– О чем ты?

– Да так... хорошего дня.

И Кристина ушла, оставив Ника с вопросом, на который он прекрасно знал ответ, но говорить вслух не хотел, потому что думал, что это его не касается. Ведь он совершенно точно не сбегал из дома дважды, просто обстоятельства вынуждали его менять место жительства, потому что, как он уверял себя, нет смысла оставаться вне зоны комфорта.

* * *

В 9:30 утра Ник нажал на кнопку звонка на белой двери дома №558 на Восток 5-я стрит. Он это делал уже полтора года. Одно и то же, но рутины в этом почему-то не чувствовалось.

Через полминуты на пороге дома появилась женщина в строгом костюме.

– Привет, Ники, – сказала она.

– Здравствуйте, мисс Франк, – ответил Ник.

– Элизабет выйдет через пять минут.

– Хорошо.

Женщина закрыла дверь и ушла в дом.

И так было всегда. Один и тот же диалог и вечные пять минут. А потом Элизабет открывала дверь, и в ее пустых глазах зажигалась искра. В этот момент она была похожа на робота, которого активировали нажатием кнопки. Или, может быть, поворотом ключа, который как раз висел у нее на шее как кулон.

– Не забыла камеру? – спросил Ник.

– Нет, – ответила Элизабет. – Я ничего не забываю, кроме мыслей.

– Хорошо, пойдем поработаем, а то мистер Келлерман будет опять на меня кричать.

– Он добрый.

– Это вряд ли.

Элизабет показала пальцами «чуть-чуть».

– Возможно, – согласился Ник.

Друзья дошли до остановки, сели в автобус и отправились к месту репортажа. За окном пролетали четырехэтажные кирпичные здания, потом появились высотки и небольшой ресторан. Следом за многоэтажной парковкой должна была располагаться «Таверна Буковски». Раньше она выделялась своим фасадом ярко-красного цвета, но сейчас он выглядел серым.

Автобус немного притормозил, и Ник внимательно посмотрел на заснеженный бар, оказавшийся в сумеречной зоне. Возле его входа валялось несколько красных банок от газировки. Вроде бы мелочь, но...

Недалеко от «Таверны Буковски» проходил мужчина в синей футболке и ел лапшу в коробке. Видимо, не успел позавтракать. Все бы ничего, но когда он прошел мимо черно-белой зоны, то быстро скомкал коробку и бросил ее к порогу бара.

«*Что это было?*» – подумал Ник, но отвлекся, когда к нему подошла незнакомая светловолосая девушка. Он повернул бейсболку козырьком назад и освободил место.

– Ты что, мне место уступаешь? – надменно проговорила девушка. – Думаешь, я не могу постоять? Думаешь, я хуже тебя?

Ник бросил взгляд на Элизабет. Та сидела у окна и задумчиво теребила ключ на своей шее. На его головке можно было заметить багровый отпечаток пальца.

– Пойдем, Элизабет, – окликнул подругу Ник. – Наша остановка.

Возмущенная девушка хотела что-то сказать, но так и застыла приоткрыв рот. Извинений с ее стороны, конечно, не последовало. Лишь неудобное молчание. Но и этого было достаточно.

Ник довольно улыбнулся.

Когда друзья вышли из автобуса, Элизабет сказала:

– Это не наша остановка.

– Я знаю, – Ник шмыгнул носом и повернул бейсболку козырьком вперед.

После фестиваля мороженого, где Элизабет переела сладкого, а Ник едва нашел слова для репортажа, подростки отправились в парк «Бостон Коммон».

– Какие интересности будем делать сегодня? – спросила Элизабет, шагая по асфальту вдоль зеленых лавочек и деревьев.

– Не знаю... мы и без того уже многое сделали, чтобы изучить аномалию, – ответил Ник. – Нам нужен человек, который живет по ту сторону. Подопытный. Иначе будет трудно продолжать эксперименты.

Друзья дошли до «Эстрады Паркмана», крыша которой держалась на величественных белых колоннах, обошли ее по кругу и двинулись к выходу из парка.

– К сожалению, в интернете пишут сплошную чушь, которая идет вразрез с тем, что нам уже удалось выяснить, – сказал Ник. – Похоже, журналисты просто боятся контактировать с черно-белыми людьми, а блогеры просто идиоты.

– Даже «Бостон Глоб»? – спросила Элизабет.

– Да, даже «Бостон Глоб».

– А мы?

– А мы смелые.

– Но мы там одни. Как же мы будем контактировать с другими людьми?

– Обычно да, но рано или поздно там обязательно кто-нибудь появится. Кто-то же вырезал надпись на доске. Правда, может быть, это сделали строители или...

– Крыски выгрызли.

– Ээ... Вряд ли. Знаешь, можно, конечно, заявиться в «Таверну Буковски» и найти там человека. Но что-то мне подсказывает, что оттуда можно и не вернуться. Да и едва ли кто-то из выпивох станет отвечать на наши вопросы, не говоря уже о том, чтобы что-то делать.

Элизабет остановилась в девяти футах от выхода из парка.

– Кругло, но красиво, – сказала она, глядя на канализационный люк под ногами.

– Не знаю, о чем ты, но сегодня я отведу тебя домой пораньше. Мне нужно разобраться с кое-какими непредвиденными делами.

На самом деле Ник не хотел, чтобы Элизабет узнала, что он сбежал из дома. Опять. Да и с сумеречной зоной на Тремонт-стрит все было не так просто, чтобы идти туда с ней. Поэтому ближе к ночи он отправился туда один.

«*Может быть, и сегодня мне приснятся необычные сны?*» – подумал Ник, ложась на деревянную лавочку. Это все еще была плохая идея и хороший способ получить обморожение, но после прошлой ночи она стала куда более притягательной, потому что девушка могла быть и не сном. А ради этого стоило и рискнуть, к тому же бостонские зимы не такие уж и холодные.

«*Это же не Россия, – подумал Ник и начал отключаться. – И медведей белых здесь нет.*»

Мир превратился в черную массу, когда Ник почувствовал, что кто-то или что-то касается его одежды. Был ли это сон? Может, и нет, но его глаза не хотели открываться. А стоило бы, потому что кто-то осторожно ухватился за его шарф и закинул ему за шиворот горсть снега. «Белый медведь», – подумал Ник, вскочив со скамейки. Теперь это точно было непохоже на сон, но, чтобы прийти в себя, ему нужно было больше времени. А где его взять, когда кто-то хватается тебя за руку и тащит непонятно куда.

Точно медведь.

– На распутье я появляюсь, по пути обо мне узнают, – зазвучал приятный женский голос. – В лесу я быстро теряюсь, на дороге нахожусь.

Нет, не медведь.

Ник уставился в затылок незнакомке.

Опять заколка в форме подсолнуха.

– Куда ты меня тащишь? – спросил он и увидел впереди проход в строительном заборе.

– Кто я? – вопросом на вопрос ответила девушка и еще сильнее потащила за собой Ника.

Он и не возражал оказаться поскорее в тепле, потому что снег за шиворотом был слишком хорошим мотиватором для этого.

Пройдя через границу, незнакомка исчезла, а Ник остался один. Он оглянулся по сторонам. Было скучное раннее утро, когда никто еще даже не собирается на работу или учебу.

Коснувшись груди, Ник понял, что снег пропал.

– Кто ты? – проговорил он вслух.

Часы показывали 5:13 утра, когда Ник отправился в сервисный центр, где работала и жила Рокс. Ему нужен был ноутбук. Хоть какой-нибудь. Свой он оставил два дня назад в доме брата на диване в гостиной. Возвращаться туда ему хотелось меньше всего на свете. Разве что с родителями, чтобы пристыдить Тони.

На двери сервисного центра «Доктор Рок» висела табличка «Закрето», но из помещения доносилась музыка.

– Закономерно, – сказал Ник вслух.

Он ударил по двери кулаком трижды.

Ничего.

Похоже, Рокс не услышала. Но нужно было, чтобы услышала, и он ей позвонил.

Гудок.

Еще один.

И еще один.

Ожидание затянулось, но Рокс все-таки ответила. Ее слова не дошли до Ника, потому что он сразу же сбросил вызов. Он решил, что лучше услышать гневную тираду слов позже и не по телефону. Потому что по телефону ноутбук получить не выйдет. А вот при личной встрече, включив обаяние, могло и получиться.

Через минуту дверь открылась.

Рокс вышла из сервисного центра в белом халате и черной спецодежде. Похоже, она всю ночь работала. Ее хмурое уставшее лицо это лишь подтверждало.

– Привет, – дружелюбно сказал Ник. Козырек его бейсболки смотрел назад. – Как жизнь, что нового? Я тут проходил мимо, дай, думаю, загляну.

Рокс указала пальцем на бейсболку, а потом двинула им в сторону. Ник понял, что фокус с преобразованием не удался, и вернул козырек на место, а вместе с тем уверенность с его лица куда-то испарилась, оставив место страху и сомнению.

– Спрошу прямо, – Ник виновато посмотрел на свои кеды. – Могу я одолжить у тебя ноутбук на время?

Рокс ничего не ответила, и тогда Ник еще больше растерялся.

– Извини? – пробормотал он. – Прости? Мне очень жаль? Ты лучший инженер в Бостоне? В стране? В мире? В галактике?

Рокс вздохнула.

– Что случилось с твоим ноутбуком? – спросила она.

– Это долгая история, – ответил Ник.

– Сейчас 5:27, Ники. И я очень зла.

– Прости.

– Так что стряслось?

– Я поссорился с братом и ушел из дома.

Недовольство на лице Рокс уступило место удивлению.

– Я знала, что ты кретин, но... – сказала она. – Возвращайся домой. Да сколько можно? За последние два года ты успел бросить школу и дважды сбежать из дома. Дважды!

– Значит, ты мне не поможешь?

– Уже помогла, только ты слишком глуп, чтобы это понять. Еще увидимся, Ники. Надеюсь, не утром. И не ночью. Днем, в обед будет нормально, но не в выходные. А теперь проваливай. Дупульсо.

Рокс захлопнула дверь перед носом Ника.

– Черт, – выругался он. – Нужно было хотя бы провод для зарядки смартфона попросить.

Ник развернулся и пошел по тротуару в сторону Чапман Плейс. У него был запасной план, на случай, если Рокс не согласится. План по имени Альфред фон Зутнер. Точнее, сэр Альфред фон Зутнер.

И этот план сегодня спал на двойном слое картона.

– Эй! – окликнул Ник старика и легонько его пнул. – Есть дело.

Но Альфред не шелохнулся.

– Дело на двадцать баксов.

Ник знал волшебные слова, которые пробуждают бездомных, но не любил их произносить вслух.

Альфред закономерно вскочил и сказал:

– Я вас слушаю, господин Эрхарт. Чая?

В этой его манере говорить чувствовались утонченность и благородство, словно он находился на званом ужине в обществе английской королевы, а не на картонке в проулке рядом с мусорным баком, в котором спала собака, и тележкой из супермаркета.

– Заберешь мою сумку из дома? В ней должен быть ноутбук и кабель для зарядки смартфона.

– Я могу это сделать, но прежде внесите предоплату наличными или на карту. Также я могу подготовить договор, если вам нужно избавиться от надоевшего безнала, который осел на счету вашей фирмы. Но в таком случае нужно оплатить всю сумму сразу.

– Для бомжа ты уж слишком предприимчивый.

Альфред пожал плечами.

– Вот, – Ник протянул купюру. – Половина сейчас, половина потом.

– С вами приятно работать, господин Эрхарт. Может быть, чая?

Ник ожидал, что Альфред спросит у него, в чем дело, но тот не задавал лишних вопросов.

– Я не собираюсь перед тобой оправдываться! – рявкнул Ник. *«И зачем я это сказал?»* – подумал он.

Но Альфреду, кажется, было плевать, он как искусный фокусник вынул из рукава пиджака маленькую флягу и сделал глоток.

– Встретимся в «Букере» через пару часов, – сказал Ник, уходя.

– Возможно, вы не заметили, но я довольно бездомен и от меня не совсем хорошо пахнет, – заметил Альфред. – Не фиалками. Полагаю, меня не пустят в заведение.

– Прикинься косплеером.

– Но я не кос... что?

– Видел фильм «Бомж с дробовиком»? Вот ты очень похож на бездомного из этого фильма. Только свитер надень.

Альфред поднял указательный палец, чтобы сделать замечание, но немного подумав, просто пожал плечами. Почему нет? Наконец-то нашелся повод надеть свитер с оленями.

Поворачивая за угол, Ник добавил:

– Передай Тони, что я в порядке.

А потом он скрылся.

– И почему все отказываются от чая? – недовольно проворчал Альфред.

Когда с работой было покончено, Ник и Элизабет вновь отправились в парк вместо сумеречной зоны. Пришлось схитрить. Чтобы подруга ничего не заподозрила, Ник повел ее мимо того места, где раньше находился клуб «Рояль», тем самым показывая, что он не избегает черно-белой зоны, просто сейчас там нечего делать. Но вдруг Элизабет выбежала на несколько футов вперед Ника – к проходу в сумеречную зону – и замерла. Но не как статуя, потому что ее голубое платье все-таки развевалось на ветру.

Ник не спеша догнал ее, подумав, что, может, она опять увидела что-то красивое там, где никто этого не видит.

– Дай угадаю, – сказал он. – Красиво?

Но Элизабет ничего не ответила и продолжила заворуженно смотреть в проход в строительном заборе, который вел в сумеречную зону, где за маленькими сугробами снега, за лавочкой меж двух елок, на сцене с надписью «Клуб тех, кого нет» сидела черно-белая девушка. Она чем-то водила по листу бумаги и слегка размахивала ногами.

– Осторожнее, – предупредил Ник. – Мы не знаем, на что способны серые.

Но Элизабет как будто не услышала этого предостережения. Она быстро накинула на себя зимнюю куртку и неуклюже побежала по направлению к незнакомке. Ник кинулся вслед за ней, позабыв переодеться. Он хотел остановить подругу, но она остановилась сама – прямо перед сценой – и начала зачарованно рассматривать черно-белую девушку, в темных волосах которой виднелась заколка в форме подсолнуха.

– *Стой!* – крикнул Ник. – *Не подходи к ней.*

– Но... – ответила Элизабет.

– Никаких но!

– Она красивая.

– Она наш враг!

«*Почему?*» – подумал Ник.

Элизабет посмотрела ему в глаза, а потом ее взгляд сместился на незнакомую девушку и на ее лице появилась улыбка.

– Нет, – возразила она.

Девушка с подсолнухом в волосах обратила внимание на Ника и Элизабет, отложила карандаш и лист бумаги в сторону, а затем спрыгнула со сцены и по колено провалилась в сугроб.

– Ты кого врагом назвал, возможный преемник Лапласа? – воскликнула она, указав пальцем на Ника. – Я не враг. Я та, кто спасет мир от погружения в средневековье, чтобы это ни значило.

«*Почему она называет меня преемником Лапласа?*» – подумал Ник, но ничего не сказал.

– Ты должен отгадать загадку. И чем скорее ты это сделаешь, тем лучше. Потому что с миром что-то не так.

С этим трудно было спорить, Ник и сам хорошо понимал, что его родной город оказался впутан в странную историю, от которой ничем хорошим не веяло. Однако при чем здесь загадка? И как отгадка могла помочь решить нависшую проблему?

Ник завис в раздумьях на какое-то время, а потом почувствовал холод по всему телу. Не стоило ему вбегать в сумеречную зону в одной футболке. Вопреки ожиданиям даже изображение Марии Бринк на ней никак не грело.

– На распутье я появляюсь, по пути обо мне узнают, – сказала девушка с подсолнухом в волосах. – В лесу я быстро теряюсь, на дороге нахожусь. Кто я?

Ник схватил Элизабет за руку и спокойно повел ее к границе сумеречной зоны. Словно ничего не произошло.

– Уходим отсюда, – сказал он. – К черту эту ненормальную.

– Тебя привел демон Лапласа! Наверно. Можешь убежать, но ты все равно вернешься. Наверно. Потому что это твоя судьба, возможный преемник Лапласа! Ты должен отгадать загадку и помочь мне возродить «Клуб тех, кого нет»!

«Отвали», – подумал Ник и перешагнул через границу.

Не зря он боялся приводить Элизабет в это место.

«Если все серые такие же ненормальные, то лучше держаться от них подальше, а тех, кто тебе дорог, держать еще дальше», – думал Ник по дороге на Восток 5-я стрит.

– Разве нам не нужен подопытный? – закономерно спросила Элизабет, подходя к двери своего дома.

Это был правильный вопрос, но Ник нашел хорошее оправдание, чтобы не связываться с этой странной особой.

– Да, но не двинутая же на всю голову! Ты слышала, что она несла? Лаплас, клуб, средневековье, загадка... да что за чушь?! Таких людей нужно обходить стороной, от них не знаешь, чего ожидать. Так что нет, такой подопытный нам не нужен. Слишком рискованно.

– Но она красивая.

– Извини, Элизабет, но даже будь она первой красавицей вселенной, что вовсе не так, нашим подопытным она бы не стала. Исключено!

* * *

У жизни на улице были свои плюсы, например, свобода и свежий воздух. Но хватало и минусов, об одном из которых Ник услышал в кафе «Букер».

– Ники, ты бы помылся, – сказала Кристина, поморщившись.

Так что вечером Ник отправился в «Доктор Рок» попытать удачу. Когда он переступил порог сервисного центра, то увидел невероятное – Джаред был занят работой. Даже удивительно, подумал он. Рокс сидела неподалеку – правее от входа.

– Что тебе надо, засранец? – спросила она, не оборачиваясь.

Ник указал пальцем на лестницу, ведущую на второй этаж.

– Можно арендовать твою ванную, Рокс? – спросил он.

– Нет! – рявкнула Рокс. – Проваливай домой! Твои проблемы меня не касаются.

Джаред захихикал.

– Сраный цыган пришел подмыться, – пробормотал он.

Ник так устал, что проигнорировал эту реплику.

– Ты всегда меня выручаешь, Рокс, – сказал он и зашагал вверх по лестнице.

– Эй! – возмутилась Рокс.

Ник оглянулся, и ему в руки прилетела связка ключей.

– Дверь заперта, дурачок.

Окунувшись в горячую ванную, Ник наконец-то вздохнул с облегчением. Как же ему этого не хватало. Вот так просто расслабиться, закрыть глаза и лежать в теплой воде с пеной,

отбросив все переживания. Но как водится, мысли мешали идиллии. Особенно та, которую озвучила Элизабет.

– Разве нам не нужен подопытный? – проговорил Ник вслух и закрыл глаза.

– Ну конечно, нужен, но... мы ничего не знаем про этих людей. Может, они из глаз лазерами стреляют или еще что пострашнее. В конце концов, они могут быть нашими врагами. Но почему тогда она меня не прикончила?

Ответа не было.

Всю оставшуюся ночь и до самого утра Ник гулял по улицам Бостона, погрузившись в размышления.

* * *

– Ники-малыш, – проговорил мистер Келлерман, махая руками в разные стороны. – Это что за дерьмо? Ты что, собака какая-то? Навалил кучу прямо ко мне на стол. – Он скомкал листок бумаги и бросил его в корзину с мусором, но промахнулся.

По его лицу было видно недовольство, оставалось лишь гадать, то ли броском, то ли статьей, а может, и собственной жизнью. Судя по одеялу с подушкой на диване для гостей, у него буквально были не все дома.

– Черт, – выругался мистер Келлерман.

Увидев, как он расстроился, Элизабет подняла листок бумаги с пола, а затем бросила его в корзину.

– Аллей-уп³, – сказала она и улыбнулась.

– Какая умная девочка, все правильно понимает, – заметил мистер Келлерман. – Не то что ты!

– Я перепишу заметку, – тихо проговорил Ник.

«Пи-ни-ни», – прозвучал звуковой сигнал.

Это была микроволновка. Мистер Келлерман подошел к ней, открыл дверцу и вытащил оттуда пластиковый контейнер с готовой едой. Он небрежно бросил его на стол, а потом уселся в кресло.

– Макс, а где бэнто, которое тебе всегда готовит жена? – спросила Элизабет. – Она заболела?

Возникла неудобная пауза.

Ник схватил Элизабет за руку и быстро увел из кабинета. Они стояли за дверью некоторое время и могли поклясться, что слышали, как навзрыд плачет их редактор.

Закончив работу над очередным репортажем о рыбалке, Ник сразу же отвел Элизабет домой, так и не объяснив, почему они вдруг перестали экспериментировать.

Правда была в том, что без контакта с серыми узнать, что же на самом деле случилось год назад, было проблематично. Но кто они? Представляют ли опасность? Может, они и правда радиоактивные, как говорили блогеры-конспирологи. Стоило быть осторожным.

Ник остановился возле сумеречной зоны – у самой ее границы, где в проходе между листами строительного забора лежала куча цветного мусора. Он посмотрел вперед и тут же прищурился – снег, подхваченный ветром, исчезал в нескольких дюймах от его лица.

«Давай, Ник, соберись. Ты сможешь. Она не выглядит опасной. Наверно».

Ник сделал глубокий вдох, повернул бейсболку козырьком назад для пушей уверенности и шагнул через границу. Было холодновато, но дрожь по его телу бежала вовсе не из-за этого.

Ник остановился возле сцены, но девушка с подсолнухом в волосах не обратила на него внимание. Она просто слушала музыку через какие-то странные наушники и рассматривала

---

³ Аллей-уп – элемент атакующей игры в баскетболе, при котором один игрок нападения отдает навесную передачу в сторону кольца, а другой в одном прыжке ловит мяч и, не приземляясь, отправляет его в корзину, как правило, броском сверху.

книжку в черной кожаной обложке. Махать ей руками или кричать что-то было бесполезно, потому что музыка гремела довольно сильно.

«Страх – это то, что затаскивает меня в пучину, заставляя думать, что реально, а что нет...»⁴ – слышалась строчка из песни.

Когда композиция закончилась, незнакомка сняла наушники.

– Ты разгадал загадку, возможный преемник Лапласа? – спросила она.

– Не поверишь, но у меня есть и другое имя, – съязвил Ник.

Не лучшее начало для разговора, но он не хотел показывать страх.

– Какое?

– Настоящее.

Девушка махнула рукой, словно собеседник сказал глупость, а потом рассмеялась.

– А у меня есть наручные часы, вот смотри, – она оголила предплечье и довольно улыбнулась. – Но я же не хвастаюсь.

Ник промолчал. Незнакомка посмотрела на своего собеседника и заметила какую-то уж совсем ядреную смесь недоумения и удивления на его лице. Ее взгляд тут же устремился на запястье, но часов на нем не оказалось.

– Не может быть! – воскликнула она. – Их украли!

– Кто? – осторожно спросил Ник, думая про себя, что особа-то особенная.

– Я не знаю. Ты их видел?

– Нет.

– Может, это *он*? Может, *он* ближе, чем я думала. Может, сорвал их, когда я была недостаточно бдительна. Но я думала, что я очень осторожна!

– Кто?

– Тот, кто ищет.

– Но кто он?

– Мне кажется, *он* работает на *них*. А у них, возможно, всюду уши, глаза и некоторые другие органы. Но не подумай о том, о чем ты подумал, глупый извращенец.

– Да что ты несешь?

– Мама говорит, что я несу свет, добро, любовь и радость этому миру!

Ник оцепенел.

– Ты не ответил, возможный преемник Лапласа. Ты разгадал загадку?

– К...какую? – заикаясь спросил Ник.

Девушка с подсолнухом в волосах закатила глаза и наигранно вздохнула.

– Сто раз уже сказала, – проговорила она голосом на октаву ниже. – На распутье я появляюсь, по пути обо мне узнают. В лесу я быстро теряюсь, на дороге нахожусь. Кто я?

– Не знаю. Есть подсказка?

– Если ты преемник Лапласа, то ты должен знать!

– Может, я не преемник Лапласа. Может, я Ник.

– Но ведь ты пришел сюда первым, почти сразу после того, как я сделала надпись на доске.

– Так это ты написала?

– Уи.

– Что?

– Уи.

– Я не понимаю.

– Переводя на твой плебейский язык, это значит «Да».

– Ээ... ясно. Но зачем ты сделала надпись?

– Чтобы найти преемника Лапласа. Так было сказано в записке к дневнику.

---

⁴ Строки из песни рок-группы Linkin Park – «Crawling».

- Что за дневник?
- Я не могу рассказать, пока ты не отгадаешь загадку.
- Но я не знаю, что это.
- Бьен⁵, я помогу. Нужно как-то подтолкнуть тебя к ответу.

Девушка с подсолнухом в волосах поднялась на ноги и уперлась руками в бока. Она выглядела уверенно, как капитан Пикард в старом сериале. Ее взгляд вдаль давал какую-то неосязаемую надежду на то, что у нее все схвачено.

- Есть идея, – сказала девушка. – Сделай пять шагов назад и отвернись.
- Ладно, – согласился Ник.
- Мерси.

Ник решил немного подыграть незнакомке и сделал все так, как она хотела. В конце концов идти вразрез желаниям невменяемого человека следует осторожно.

- Что-то еще? – спросил Ник, стоя спиной к девушке.
- Уи, выставь руки вперед, – сказала она.
- Зачем?
- Ты можешь этого не делать.
- Не буду.
- Как хочешь.

Ник не видел, но отчетливо слышал, что девушка спрыгнула со сцены. И судя по хрусту снега под ее ногами, она быстро приближалась к нему, но не успел он обернуться, как почувствовал боль. Незнакомка разбежалась и влетела двумя ногами Нику в спину. Он свалился лицом в сугроб.

Когда Ник выбрался из снега, то со всех ног рванул из сумеречной зоны, позабыв про бейсболку, слетевшую с его головы после падения.

- Да ты просто сумасшедшая! – бросил он, убегая.

Девушка уперла руки в бока и посмотрела направо, словно кто-то стоял рядом с ней.

– Робине, ты только послушай, что несет этот невоспитанный месье. Я всего лишь придала ускорение его мыслям в пространстве. А он даже не поблагодарил. Наглец!

От ее слов Ник перепугался еще больше.

– Правда не любит трусов, возможный преемник Лапласа, у которого есть настоящее имя, – сказала незнакомка.

В шаге от границы Ник все-таки остановился. Это была безопасная зона. Теперь убежать он мог в любой миг.

– Я думала, что ты преемник Лапласа, но, похоже, ошибалась. Он бы разгадал загадку и принес предмет памяти. А ты оказался всего-навсего черно-белым подопытным козликком, заблудившимся в лабиринте для хомячков.

«Черно-белым? – подумал Ник. – Но это ты черно-белая, а не я...»

Он не успел додумать, как девушка продолжила речь.

- Забери свою кепку, – сказала она и швырнула бейсболку Нику.

Тот поймал ее и тут же надел на голову, не заметив, что в ней была горсть снега.

– Вот чертовка, – проговорил он и вышел из сумеречной зоны. На сегодня было достаточно приключений и унижений. Но мысли в голове шумели и высказать кому-то их нужно было.

В такие дни, как этот, Ник всегда приходил в магазин комиксов «Комикопия» на Комонуэлт-авеню, где работал его приятель Джим Шеппард. Строго говоря, приятелем он стал, когда Ник сбежал из родительского дома полтора года назад. В тот день он злился на весь мир и не знал, куда идти. Холод лишь подталкивал найти теплое место.

---

⁵ Ладно, хорошо [Bien] (пер. с франц.).

Так Ник случайно забрел в «Комикопию». Он спустился по лестнице и увидел продавца рядом с прилавком. Больше никого в помещении не было.

Ник свернул налево – в угол, где располагались касса и стеллаж с напитками. Посмотрев на продавца, а потом себе под ноги, где был постелен серый коврик, он рухнул на пол от усталости и облокотился на стеллаж.

Ник сидел так какое-то время, а потом заплакал. Но продавец не обращал на странного гостя никакого внимания, он просто читал комикс, стоя у прилавка. Когда слезы закончились, Ник начал говорить вслух обо всем, что его тревожило, словно был на приеме у психолога. Наверно, было глупо открываться совершенно незнакомому человеку, но что еще делать, он не знал.

С того дня Ник много раз забегал в «Комикопию». Поводов хватало. Сегодня тоже.

Ник сидел на привычном месте, совершенно не обращая внимания на посетителей, которые проходили мимо и глазели на него чаще, чем на сами комиксы.

– Она точно ненормальная, Джим, – сокрушался Ник, отпивая «Нюка-Колу». – Если они там все такие, то мы в опасности. Земля в опасности, а может, и вселенная. Я таких больных на голову еще не видел. Даже в психушке, где мы с Элизабет недавно делали репортаж.

Джим Шепард был специфичным молодым человеком, увлеченным комиксами. Он всегда носил синюю футболку с эмблемой супермена и синие шорты. А на его шее висел зеленый амулет. Сам Джим говорил, что это осколок криптонита, который сдерживает его необузданную силу. Но верилось с трудом.

После недолгого молчания Джим поправил очки и взял одну из книг комиксов – «Проповедник (специальное издание)». Он пролистал пару страниц, а потом негромко сказал:

– Я тебе не психолог. Если не будешь ничего покупать, кроме газировки, то проваливай.

– Ты меня совсем не слушаешь?! – возмутился Ник.

Джим перелистнул страницу.

– А ты внимательный, – сказал он.

– Окей, я возьму стикер с Черной вдовой.

– С этого стоило начинать, дружище. Сколько тебе? Три сотни, может, четыре?

– Э... одного хватит.

– Ханжа, – пробормотал Джим и протянул стикер.

– Она говорит, что я должен разгадать загадку, чтобы помочь ей возродить какой-то клуб, – Ник взял стикер. – И почему-то называет меня преемником Лапласа. Но я не понимаю...

Джим перелистнул еще одну страницу комикса. «Проповедника» он читал уже много раз, но частенько возвращался к этой истории.

– Неплохо-неплохо, – бормотал он себе под нос.

– Она уверяет, что у нее есть какая-то записка или что-то в этом роде, которая предсказала мое появление в сумеречной зоне, а еще она сказала, что я черно-белый. Похоже, серые видят нас такими, какими видим их мы. Не знаю... это странно. Все стало странно, когда возникли сумеречные зоны. Прошел уже год, но никто так ничего и не объяснил. Что это и откуда? Почему Байден молчит? Почему город не эвакуировали? Почему?

– Из-за исчезновения нескольких сотен человек города не эвакуируют.

– Но двадцать лет назад ведь эвакуировали!

– По другой причине.

– Падения метеорита, исчезновение людей, какая разница?

– Большая.

– Но метеорит же не упал.

– Да, ученые обосрались в тот раз, и теперь к любой угрозе мы относимся скептически.

Джим усмехнулся и перевернул еще одну страницу.

– Может, и так, но у меня такое ощущение, что сумеречных зон будет становиться только больше, а мы ничего с этим не сможем сделать, – сказал Ник. – Если появились одни, то почему не появятся еще? И тогда речь пойдет не про сотни, а про тысячи, а то и десятки тысяч исчезнувших!

– Проваливай уже, – спокойно проговорил Джим.

– Но я купил стикер.

– Этого мало, чтобы я выслушивал твой бред так долго. Купи что-нибудь еще.

– Но раньше ты слушал.

– Раньше цена за аренду помещения была ниже.

Ник поднялся с пола, отряхнулся и пошел к выходу.

– Еще увидимся, – сказал он.

– Не хлопай дверью, – ответил Джим. – И не корми голубей у магазина. Задрали эти пернатые крысы.

На улице уже стемнело. Нику некуда было идти, и все же он шел – просто вперед по Коммонуэлт-авеню в сторону парка «Бостон Паблик Гарден», пока в голове крутилась загадка: «На распутье я появляюсь, по пути обо мне узнают. В лесу я быстро теряюсь, на дороге нахожусь. Кто я?»

– Я не знаю, – пробормотал он. – Указатель? Может быть, ты тропа? Хотя нет... как она может в лесу потеряться. А может быть, камень? Об него спотыкаются на дороге, он может быть указателем на распутье и его легко потерять в лесу... Но зачем его брать с собой в лес?

Ник не спеша шагал между двух дорог по озелененной улице одного из престижных районов Бостона – Бэк Бэй. Сам того не замечая, он двигался в сторону сумеречной зоны – той самой на Тремонт-стрит, хотя спроси его кто-нибудь об этом сейчас, он бы сказал: «Нет-нет-нет. Только не к этой ненормальной. Я вообще-то иду в парк». И тем не менее Ник понимал, что эта странная девушка может помочь ему разобраться с тем, что случилось в городе. Выбирать особо не приходилось. Да и неизвестность притягивала.

Когда Ник вышел на перекресток, где через дорогу виднелся парк «Бостон Паблик Гарден», а вправо и влево от него расстилась Арлингтон-стрит, его поток мыслей вновь вернулся к загадке.

– На распутье я появляюсь, – сказал он. – И что же сейчас должно появиться?

Ник посмотрел направо, а потом прямо.

– Я знаю, кто ты, – пробормотал он себе под нос.

Теперь Ник шел уже не бесцельно, а в известном направлении – в «Клуб тех, кого нет», как он его называл, пока не выяснил, что это название принадлежит какой-то организации. Только девушки с подсолнухом в волосах на месте не оказалось. Логично. С чего бы ей быть здесь в такое время?

Ник переоделся в зимнюю одежду и сел на лавочку. Он не спал уже больше суток, веки сами смыкались. Все быстро почернело перед его глазами, осталось лишь дождаться сновидений.

Сон развеялся через пару часов.

– *Разбуди меня*, – послышался уже знакомый женский голос. – *Разбуди меня...* – пела она.

– Какое старье, – пробормотал Ник в полусне. – Разве кто-то до сих пор это слушает...

А потом девушка с подсолнухом в волосах столкнула его со скамейки в снег, и он окончательно проснулся.

– Эй! – возмутилась она. – Этой песне и года еще нет, что ты несешь, возможный премник Лапласа? Совсем в музыке не разбираешься?

Ник открыл глаза.

– Какого черта? – спросил он.

– Есть две вещи, которые я не терплю, – сказала девушка. – Первая, никто не смеет издеваться над моим музыкальным вкусом.

– А вторая? – Ник встал на ноги и отряхнулся от снега.

– Лучше тебе не знать! Потому что, если узнаешь, то назад пути нет.

– Да что за бред?

– Что именно?

– Да все, что ты несешь... взять хотя бы песню... это же... как их... Evanescence. Эта песня вышла году в 2003-м. Кажется. Ей уже... – Ник начал загибать пальцы. – Лет девятнадцать. – Он посмотрел на устройство, которое держала девушка.

– Подожди... стоп, – сказал он. – Это не смартфон.

– Это плеер, амбесиль⁶, но, похоже, ты не очень смысленный. Хотя были такие надежды. Честно, были.

– Почему ты используешь такую старую технику?

– Она не старая.

– Стоп-стоп-стоп! – Ник поднял руки вверх. – Какой сейчас год?

– Отличный вопрос, возможный преемник Лапласа.

– Я же сказал, у меня есть имя! Меня зовут Ник.

– Лучше бы тебя назвали Кристоф.

Ник молча покачал головой.

– Сейчас 24 ноября 2003 года, – сказала девушка. – Это ответ на твой вопрос.

Глаза Ник расширились.

– Нет... сейчас... стоп... у вас там не 2022 год?

– Нон⁷. Я смотрю, в будущем люди используют уши как-то иначе.

– Получается, ты живешь в прошлом?

– Все относительно, – пожала плечами девушка. – У меня свое настоящее, у тебя свое. Твое относительно моего – будущее, мое относительно твоего – прошлое.

– Пожалуй, что да.

– Но знаешь, я что-то заболталась. Еще увидимся, возможный преемник Лапласа!

– Постой!

– Нон-нон, мама испекла чудесные круассаны по семейному рецепту. Я не могу позволить папе все их слопать.

Девушка махнула рукой и побежала к кирпичной стене с граффити.

– Направление! – окликнул ее Ник.

Девушка остановилась.

– Ты, наверно, сейчас подумал, что я знаю ответ, но я не знаю. И ответ не ответ, ответ – это предмет памяти. Но я не увидела у тебя его. Ты должен принести то, что тебе передал Пьер-Симон Лаплас сквозь время. Какую-то вещь, которой ты до сих пор не придавал значение, потому что не знал, куда смотреть. Лишь тот, кто видит, сможет вступить в «Клуб тех, кого нет».

– И как я узнаю, что это?

– У тебя уже есть подсказка.

– Направление, – пробормотал Ник, смотря, как девушка проходит через кирпичную стену. Он вспомнил эпизод из «Гарри Поттера». Фильма, конечно. Книгу-то он не читал.

«И что это, черт возьми?».

– Ерунда какая-то, – сказал Ник вслух.

Он осмотрелся.

---

⁶ Дурак [Imbécile] (пер. с франц.).

⁷ Нет [Non] (пер. с франц.).

– Если это 2003 год, то неудивительно, что на месте клуба «Рояль» появилась строительная площадка. Он просто еще не построен.

* * *

Встреча с таинственной девушкой многое изменила в жизни Ника и Элизабет. Она внезапно вторглась в их компанию и разделила друзей. Ник получил надежду спасти родителей, пускай и маленькую, а Элизабет пришлось отстраниться от него из-за незримой опасности. Друзья больше не дурачились в сумеречной зоне на Тремонт-стрит, редко покупали мороженое и совсем не играли с Дости и Альфредом. Элизабет пришлось с этим смириться, ведь так будет лучше? Нужно просто подождать, думала она. Просто подождать. Но сколько?

– Уже нашел предмет памяти, возможный преемник Лапласа? – Девушка с подсолнухом в волосах стояла на черно-белой сцене напротив мольберта и рисовала подсолнух, пока маленькие снежинки падали на рисунок и размывали краски.

– У меня есть имя, – недовольно проговорил Ник.

– Я помню, Тилль, но это слишком брутальное имя. Не могу я тебя называть Тиллем. Ты же не брутальный.

– Меня Ник зовут.

– А я как сказала, Пауль?

Ник покачал головой, решив, что так он ничего не добьется.

– Этот предмет памяти, он для чего-то нужен тебе или это просто... как пропуск на концерт? – спросил он.

– Пока ты не вступишь в «Клуб тех, кого нет», я не смогу тебе ничего рассказать. Ну, секретная организация, не понимаешь, что ли? Фильмов не смотрел?

Девушка водила кистью по холсту, но все цвета выглядели серыми. И сам цветок, и ваза, в которой он стоял.

– И как в него вступить? – спросил Ник.

– Ты совсем меня не слушал?

– Твой бред трудно слушать.

– Загадку ты уже разгадал, подсказку получил, стимулирующий пинок под зад тоже. Тебе осталось принести предмет памяти, который как-то связан с разгадкой.

– Ты знаешь, что это должно быть?

Девушка вскинула руки и сжала губы.

– Нон! – произнесла она раздраженно.

Ник даже отпрянул.

– Тогда как ты узнаешь, что это именно тот артефакт, который нужен? – осторожно спросил он.

– Предмет памяти может быть чем угодно, но при этом он является ключом. Не буквально. Хотя мне не стоило тебе об этом говорить. А ключ что-то открывает. И я знаю что. Поэтому проверить подлинность предмета памяти не составит труда.

– Ясно. Значит, он тебе очень нужен?

– Уи. Иначе зачем мне еще с тобой разговаривать? Собеседник ты паршивый, надо признать.

– Ясно.

Ник задумался.

– Давай заключим сделку, – сказал он наконец. – Я принесу тебе предмет памяти, а ты поможешь мне с экспериментами в сумеречной зоне.

Девушка поводила глазами из стороны в сторону.

– Идет, при условии, что ты поможешь мне бороться с ними. – Она соскочила со сцены, а затем протянула руку.

Ник пожал ее и произнес:

– Встречаемся здесь через полтора часа.

– Так ты его нашел?

Ник перевернул бейсболку эмблемой с красными губами назад и ухмыльнулся.

– Еще вчера, – соврал он, а затем покинул сумеречную зону.

Ник не знал, чего хочет получить эта странная особа, но думал, что если подыграет ей, то она может и поверить, что любая безделушка, которую он принесет, это и есть некий предмет памяти. Для пущей правдоподобности эта безделушка должна была выглядеть старой и быть связанной с ответом на загадку. План был безупречным. Да и вещица такая лежала у Ника в ящичке в столе. Он о ней не сразу вспомнил, потому что это был подарок от Тони. А думать о нем ему ой как не хотелось.

«Просто сходи в сувенирный магазин и купи то, что нужно», – подумал Ник перед тем, как пробраться в гараж своего дома за лестницей. «А что, если она не врет?» – Он помотал головой, чтобы выбросить эту мысль.

Ник приставил лестницу к стене дома, так чтобы забраться на второй этаж – в свою комнату.

– Интересно, я оставил окно открытым? – пробормотал он, поднимаясь по ступенькам.

Окно оказалось открытым, и Ник забрался внутрь. Задерживаться не стоило, поэтому он тут же открыл ящик и забрал вещь, которую ему подарил брат минувшей весной на день рождения.

«Это поможет тебе найти свое направление в жизни», – пролетели слова Тони в голове Ника, когда в его руках оказался старый компас. Он всегда думал, что это безделушка, купленная в магазине сувениров. Но рассказывать об этом девушке с подсолнухом в волосах было необязательно. Пускай она думает, что это исторический артефакт, который передал ему Пьер-Симон Лаплас сквозь время. Глупо? Но и она не казалась умной. А значит, это могло сработать.

Ник вернулся в сумеречную зону на Тремонт-стрит через полтора часа, как и планировал. К его удивлению, девушка с подсолнухом в волосах тоже пришла вовремя, но видимо, даже на несколько минут раньше – она ходила по деревянной сцене и читала какую-то тетрадь с казалась пожелтевшими страницами.

– Эй! – окликнул ее Ник, приблизившись к сцене. – Я принес предмет памяти.

Девушка закрыла старую тетрадку в кожаной обложке и незамедлительно соскочила со сцены.

– Покажи! – сказала она.

– Наш уговор в силе? – спросил Ник.

– Уи, – ответила девушка и уперлась одной рукой в бок, а другую протянула, чтобы забрать таинственную вещицу.

Ник достал из кармана джинсов старенький компас и отдал его ей. Девушка внимательно осмотрела предмет. Повертела его, потрясла, подула, а потом прищурилась, чтобы рассмотреть что-то. На миг Нику показалось, что она разбирается в антикварных вещах и его подлог вот-вот раскроют.

– Ого! – удивилась девушка. – Ты знаешь, что это, возможный преемник Лапласа?

– Ээ... старый компас? – неуверенно произнес Ник.

– Не просто старый, это восемнадцатый век! Где ты его взял? Но ты посмотри, как он сохранился. Кто-то бережно относился к нему все эти годы.

У Ника слегка приоткрылся рот от этого умозаключения. Неужели Тони мог подарить ему антиквариат? Вряд ли, подумал он, но какая, к черту, разница, если сумасшедшая девчонка заинтересовалась?

– Откуда он у тебя? – спросила девушка.

– Мне его брат подарил, а он откуда взял, я не знаю, – честно ответил Ник.

– Похоже, он хранитель предмета памяти.

– И что это значит?

– Возможно, это значит, что демон Лапласа – это не выдумка. Возможно, значит, что этот компас тебе передал один из шевалье. Возможно, значит, что эта вещь прошла через сотни лет, через разных людей и оказалась у тебя несмотря ни на что!

– Какой еще демон? Злой дух?

– Нон, амбесиль! – Девушка замахнулась рукой, чтобы стукнуть Ника по голове, но в последний момент передумала. – Если вкратце, демон Лапласа – это мысленный эксперимент, – пояснила она. – Смысл его в том, что если рассчитать направление движения всех частиц во вселенной, то можно предсказать будущее.

– И ты думаешь, этот Лаплас мог предсказать, где через много лет окажется его компас?

– Уи! Это и произошло. Демон Лапласа свел нас здесь, как и было сказано в письме.

– Ладно. Допустим, это не бред. Ты говорила, что предмет памяти – это ключ. Но от чего?

Девушка достала из портфеля старую книжицу в черной кожаной обложке, как раз ее она и рассматривала, когда Ник пришел в сумеречную зону.

– От дневника, – сказала она. – Точнее, от зашифрованных записей, которые содержатся в нем. Вот, смотри.

Девушка раскрыла дневник на первой странице. Ник взглянул на лист, но ничего не понял. Там была одна строчка рукописного текста посередине страницы на незнакомом ему языке.

– Это не английский, – Ник потянулся рукой к книжице, но девушка отдернула дневник и прижала его к груди.

– Что ты делаешь? Грязными руками касаться исторической реликвии, серьезно?

– Да не грязные они, – Ник посмотрел на ладони, они все-таки были грязными, и вытер их об джинсы. – Ладно, ты права. И все же, на каком языке написан дневник?

– Это французский. Но проблема не в этом, а в том, что буквы здесь расставлены на первый взгляд в хаотичном порядке, но если подобрать ключ, то запись станет понятной. Это шифр Виженера.

– И как тебе поможет компас?

– Пойдем сядем на лавочку.

Подростки успели пройти не больше шести футов, как девушка с подсолнухом в волосах внезапно схватилась за голову правой рукой, чуть не выронив драгоценную книжицу.

– Только не сейчас, – проговорила она дрожащим голосом. – Не сейчас.

Ник осторожно коснулся ее плеча и спросил:

– Ты в порядке?

– Ты это уже спрашивал.

– Что?

Девушка закрыла глаза, потрясла головой, а потом вдруг как ни в чем не бывало выпрямилась и пошла к лавочке.

– Ты зачем меня трогаешь, извращенец? – спросила она. – Совсем амбесиль?

Ник тут же отстранился и отвел взгляд.

– Я даже не знаю, что это значит.

Его лицо покраснело.

Девушка с подсолнухом в волосах села на лавочку, а потом хлопнула по ней ладонью, приглашая Ника. Он осторожно подошел и сел как можно дальше, чтобы сохранить социальную дистанцию и больше не слышать сомнительных обвинений.

Девушка открыла дневник на первой странице и указала на надпись посередине листа. На ее примере она как раз и хотела показать в действии метод дешифрования.

Сам компас, как пояснила девушка, не является ключом в привычном понимании, но в то же время он содержит этот самый ключ. Она повертела компас и указала на надпись на крышке.

– Это французский, – сказала она, но не стала пояснять значение. Однако эта надпись и оказалась тем самым ключом. И с его помощью удалось расшифровать несколько слов: «Направление в черно-белый мир».

– Ого! – удивился Ник и подумал про себя, что девчонка-то, может быть, и не совсем сумасшедшая. А главное, он убедился в том, что с ней можно работать, хоть и непросто.

– Дай руку, – сказала она.

Ник послушно протянул левую руку.

Девушка положила ее себе на колени, а потом начала рыться в своем портфеле, пытаясь что-то найти там среди листов, карандашей и прочих рисовальных принадлежностей, названия которых Нику были неизвестны.

– Почему ты носишь атлетическую перчатку? – спросила девушка. – «Бойцовский клуб» обсмотрелся? – Она сдвинула красный браслет ближе к локтю, затем расстегнула перчатку и сняла ее.

На кисти Ника виднелись уродливые шрамы, как с тыльной стороны, так и на ладони.

– Ты что делаешь? – спросил он.

Девушка взяла черную ручку и принялась что-то рисовать на его запястье.

– Эй! – возмутился Ник и немного задержался из-за щекотки.

– Да не дергайся. Я посвящаю тебя в шевалье «Клуба тех, кого нет». У нас так принято.

– Что ты там рисуешь?

– Увидишь.

– А нельзя посвятить меня в шевалье как-то иначе?

– Можно, но тебе не понравится.

– Скажи как, дай хотя бы выбрать.

– Клеймо.

– Что?

– Раскаленное клеймо.

– Ладно, рисуй. Не мешаю.

– Я уже закончила.

Ник посмотрел на рисунок – это был подсолнух.

– Теперь ты один из шевалье! – воскликнула девушка. – Твое тайное имя: Лаплас.

– Ээ... ладно. А что делает «Клуб тех, кого нет»? – Ник надел перчатку обратно.

– Я не знаю, все подробности в дневнике, – девушка постучала пальцами по тетради в кожаной обложке.

– А откуда у тебя этот дневник?

– Знаешь, уже поздно, я тебе завтра обо всем расскажу.

– В смысле?

Девушка встала с лавочки, отряхнула подол пальто, взяла портфель и пошла по диагонали влево.

– Постой! – попытался остановить ее Ник. – Ты обещала, что поможешь мне с экспериментами в сумеречной зоне, если я принесу предмет памяти.

И девушка остановилась. Она посмотрела в небо и театрально вздохнула, явно переигрывая.

– Бьен, раз уж обещала. Но для начала мне нужно знать, о какой сумеречной зоне ты говоришь? И где находятся порталы, из которых ты появляешься.

– Нет никаких порталов. О чем ты? Сумеречная зона – это территория клуба «Рояль», который еще не построен.

Ник провел рукой по воздуху, показывая, что вся стройплощадка является этим самым странным объектом.

– Как это? – поинтересовалась девушка. – Ты же появляешься из ниоткуда, значит, есть портал, в который ты заходишь, чтобы оказаться здесь. Как в «Скользящих».

– Видимо, с твоей точки зрения это выглядит именно так, но в моем мире, точнее, в моем времени – в настоящем, в 2022 году – это выглядит иначе.

– Я слушаю тебя, Лаплас. Как слушала бы Инцитата.

Тишина.

– Смешная же шутка, улыбнись!

Ник продолжил:

– В настоящем территория строительной площадки выделяется. Она полностью черная, как в старом кино, ну знаешь...

– Так вот откуда это название: сумеречная зона. Я смотрела этот сериал.

– Так вот, я могу зайти в нее с любой стороны, если дома не мешают или строительный забор. Можно сказать, что портал окружает этот участок.

– Это объясняет, почему в тот раз ты врезался в невидимую стену. Смешно было.

– Эй! У меня тогда носом кровь пошла.

– Будем считать это экспериментом ради науки и того, чем ты тут занимаешься в свободное от работы время. В противном случае мне может стать стыдно, а я не люблю, когда мне стыдно.

– И какой же вывод из этого эксперимента можно сделать?

Девушка скрестила руки на груди и произнесла:

– Ты не можешь переместиться в мое время, даже если контактируешь с местными.

Ник задумался. Он взял смартфон, поднес его к лицу и начал говорить:

– 20 мая 2022 года, 10:14 вечера, эксперимент «Кроличья нора», который я проводил с сумасшедшей помощницей из другого мира, точнее, из прошлого, из 2003 года, показал, что держась за руки с представителем серых переместиться в мир серых нельзя. Отчет окончен.

– Ты кого серым назвал, серый! – возмутилась девушка.

– А как тебя еще называть? – спросил Ник. – Ты не представилась.

– Если я тебе скажу свое имя, то ты мигом побежишь искать меня в своем времени, а я там старая совсем. Некрасивая. Не хочу, чтобы ты видел меня такой. Влюбишься еще. По тебе видно, что ты равнодушен к старушкам.

– Ничего, что это не так?

– Ничего, я принимаю тебя таким, какой ты есть, Лаплас.

– Я влюблюсь только в супердевушку, а ты явно не она. Поэтому можешь не беспокоиться.

– Тебя обтягивающее трико, что ли, привлекает, извращенец?

Ник поднял руки вверх, показывая, что спорить об этом бреде у него нет желания.

– Но как-то мне нужно тебя называть, – сказал он.

– Можешь называть меня: Моя главнокомандующая или капитан Подсолнух.

– Я не буду этого делать.

– Бьен, – девушка задумалась. Она бросила взгляд на портфель. – Этот дневник принадлежал некой Флёр де Солей.

– И что?

– Она первый шевалье из «Клуба тех, кого нет», созданного много лет назад. Но в двадцать первом веке я – первый шевалье. Так что, Лаплас, можешь называть меня Флёр де Солей. Это мое тайное имя.

Девушка с подсолнухом в волосах прошла вперед почти до самой границы сумеречной зоны, где был проход в строительном заборе, ведущий к тротуару.

– Здесь граница? – спросила она.

– Ага, – ответил Ник.

И тогда Флёр потихоньку начала вытаптывать линию на снегу.

– Мерси. Направляй меня, Лаплас. Хочу обозначить границу сумеречной зоны, иначе экспериментировать нам будет трудно.

– Она пролегает вдоль забора.

– Везде?

Ник огляделся и понял, что справа и слева от входа забора нет – есть только стены близлежащих домов.

– Нет, – сказал он.

– Ну вот.

– Ладно. Иди прямо вдоль забора, а потом не доходя три фута до стены сворачивай налево. Похоже, там должен быть строительный забор, но я его не вижу. Значит, он только в твоём времени.

– Уи.

– Я не стану тебя искать в настоящем, – вдруг сказал Ник после паузы. – Да и как ты себе это представляешь? Совсем наверняка людей с твоим именем куча в этом городе.

Флёр усмехнулась.

– Если имя не редкое, то да, но... – сказала она.

– Оно редкое? – спросил Ник.

– Кто знает...

– И что это значит?

Флёр свернула налево, как и сказал ей Ник. Удивительно, подумал он, неужели эта особа умеет слушаться?

– Если хочешь узнать мое имя, то просто угадай.

– Это невозможно, если ты не дашь никаких подсказок.

– Ты уверен, что я не дала тебе подсказок? – спросила Флёр и остановилась. – Дальше?

– Да, иди вперед до сцены, а затем еще шесть футов и сворачивай налево, – ответил Ник. – Ты сказала, что серые появляются через порталы. Получается, ты даже не знаешь, где находится сумеречная зона.

– Получается, что не знаю, так что у тебя и у людей из твоего времени есть возможность захватить эти части Бостона.

– Но это ты и люди из твоего времени захватили нашу землю!

– А ты смешной. Разве я похожа на захватчицу? Приглядиись, Лаплас.

– Не очень, но, может быть, ваше правительство... – Ник замялся, не зная, как продолжить мысль.

– Зачем людям из прошлого захватывать землю у людей из настоящего? Фактически отбирать у самих себя. Похоже, ты не думал об этом до этого момента.

Флёр закончила обозначать границу.

– Готово! – воскликнула она.

– И что дальше? – спросил Ник.

– Я пойду домой, перекушу и буду читать сказку сестренке про путешествие к центру Земли. Ты пойдешь домой, не знаю... заниматься всякими сомнительными делами, мечтая о супердевушке в трико. Через час я буду уже спать. Ты, наверно, тоже, но не уверена. Потом я проснусь, посмотрю на звезды и продолжу спать.

– Да я не об этом.

– А, ты про свои эксперименты. Мы уже провели целых два. Так что ты у меня в долгу.

– Когда это был еще один?

– Забыл? Я тебе снега за шиворот насыпала.

– Такое я и без тебя проводил.

Флёр рассмеялась.

– Оревуар, Лаплас, – она махнула рукой и прошла сквозь кирпичную стену в левой части сумеречной зоны.

– *Стой!* – крикнул Ник.

Но Флёр ушла, а на следующий день, как и обещала, рассказала ему, откуда у нее взялся дневник. Это было время, которое она приняла, сама того не зная. В тот день, несколько месяцев назад, Флёр сидела на автобусной остановке. К ней подошел ничем не примечательный старик и сел рядом, что-то пробубнив себе под нос. Когда к остановке подъехал автобус, он зашел в него и уехал. И вроде бы ничего не случилось, и все же случилось. Придя домой, Флёр обнаружила, что в ее портфеле лежит желтый конверт, запечатанный воском, на котором только и было написано «Клуб тех, кого нет».

В конверте находились письмо и дневник с черной кожаной обложкой. Ни адресат, ни отправитель указаны не были.

– Только тебе под силу с этим справиться, только ты можешь остановить их, – прочла фрагмент письма Флёр. – Потому что ты – мой преемник. Будем знакомы. Меня зовут Флёр де Солей. Я – основатель «Клуба тех, кого нет». Клуба, который тебе придется возродить. Иначе мир погрузится в средневековую тьму.

– Ого, – удивился Ник. – Не знаю, что и сказать.

– Не веришь?

– Честно, не особо. Выглядит как розыгрыш.

– Я тоже так подумала, но...

– Но?

Флёр никак не отреагировала.

– Эй, – окликнул ее Ник.

– Что? Заколку хочешь как у меня?

– Ээ... – Ник слегка замялся, а потом все-таки нашел слова: – Ты говорила, что тебя кто-то преследует, это как-то связано с дневником?

– Уи, шевалье де Солей пишет о нем, – ответила Флёр. – Она называет его: Тот, кто ищет. Это таинственный человек из таинственной организации, которая в письме называется *они*. В моем времени Тот, кто ищет носит шляпу и плащ. Когда я встретила его впервые, он побежал за мной (точнее, пошел), но мне удалось скрыться. С тех пор я видела его несколько раз, но не попадалась ему на глаза. Ты можешь подумать, мало ли кто за мной погнался, но я некоторое время следила за ним. Он спрашивает обо мне у людей (точнее, о девочке с моим описанием внешности). Я думаю, он ищет именно меня, но не знает ни моего имени, ни где я живу. Очевидно, ему нужен дневник.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что так написано в письме. Шевалье де Солей говорит, что дневник очень важен и его будет искать Тот, кто ищет. Проблема в том, что теперь ему нужна еще и я.

– А ты-то зачем ему?

– Потому что я могу расшифровать дневник.

– Ты бы в полицию позвонила.

– И что я скажу? За мной ходил какой-то человек в шляпе?

– Ээ... Ну да. Это вроде бы не запрещено законом.

Флёр бросила взгляд на письмо и начала читать:

– Ты готов, первый шевалье? Тогда открой мой дневник. В нем девять зашифрованных шифром Виженера записей, которые помогут тебе в предстоящей битве против них. Чтобы расшифровать записи девяти шевалье, тебе придется возродить «Клуб тех, кого нет» – для этого ты должен найти восемь преемников шевалье, у каждого из которых будет ключ от одной из этих записей. Первая запись открывается одним ключом, но вторая – двумя (сначала пер-

вым, потом вторым). Аналогично и с другими записями. Сначала найди преемника Лапласа. Для этого тебе нужно будет прийти в место, где ты видел черно-белых людей, и написать там на стене: «Клуб тех, кого нет».

– Черно-белых людей?

– Уи. Де Солей пишет: Вскоре в этом месте появится человек, которого приведет демон Лапласа. Загадай ему одну из девяти загадок, чтобы выяснить, тот ли это человек. Если он разгадает загадку и ответ будет действительно верным, то он приведет его к предмету памяти. Иначе говоря, к ключу от записи, который через поколения передал ему сам Лаплас.

– Стоп! Это же я.

– Уи.

– Подожди, а сколько лет этому дневнику?

– В первой записи, которую мне удалось расшифровать, указана дата: 14 мая 1785 года.

– Если это не розыгрыш, то это невероятно...

Ник был ошарашен.

– Значит, такое уже происходило... – сказал он спустя какое-то время. – Значит, сумеречные зоны уже появлялись когда-то давно.

– Похоже на то.

– Ясно, что еще было в письме?

– Другие преемники шевалье придут вслед за преемником Лапласа, – продолжила читать Флёр. – А если не придут, то преемник Лапласа их отыщет. Все просчитано.

PS: Когда дочитаешь до той части, где нас посвятили в шевалье и в связи с этим мы решили отметить каждого раскаленным клеймом, помни, что это больно и можно придумать что-то получше.

– И все?

– Тут еще загадки написаны и приведена таблица Виженера, а так все.

– Выходит, если это правда, то в дневнике может быть ответ, как закрыть сумеречные зоны и вернуть исчезнувших людей?

– Возможно.

– Ты сказала, что расшифровала первую запись. Что в ней было сказано?

Флёр открыла дневник, куда был вложен листок с расшифровкой, и начала читать:

– Сегодня я заходила в амбар за зерном и дровами, но, к своему удивлению, обнаружила там человека. Наверно, бродяга, подумала я. Взяв молоток, я вошла внутрь и громко спросила, кто здесь. Мне уже приходилось такое проделывать совсем недавно. Тогда это сработало. Бродяга вскочил и выбежал из амбара. Сработало и в этот раз. Но случилось кое-что странное, чему я не могу дать объяснение. Когда бродяга выбежал из амбара – он тут же исчез. Буквально исчез, просто испарился. Был, и вот его нет. Но не только это было странно. Бродяга носил странную одежду для наших мест, и могу поклясться, он был полностью серым. Его кожа была серой, его руки, голова – все было серым. Может быть, он трубочист? Допустим. Но разве трубочисты умеют исчезать?

– Вау! – удивился Ник, и его сомнения в правдивости всей этой истории с дневником начали исчезать. – Это точь-в-точь то, что происходит сейчас в Бостоне. Невероятно! А что-нибудь еще удалось расшифровать?

– Уи. Есть еще кое-что. Шевалье де Солей пишет: после случая с бродягой я начала интересоваться у людей разных профессий, видели ли они когда-нибудь что-то подобное. Но все говорили «нет». А некоторые считали меня сумасшедшей. С тех пор я каждый день ходила в амбар, чтобы увидеть этот феномен вновь, но, к сожалению, не увидела.

Мой хороший друг Пьер-Симон Лаплас, с которым я давно переписываюсь, заинтересовался произошедшим. Мы решили встретиться после одной из лекций, которую Лаплас вел

в Институте Франции. Забавно, но то, что рассказала ему я в тот день, оказалось куда более невероятным, чем то, что он рассказывал своим студентам.

Обсудив произошедшее, мы решили провести несколько экспериментов у меня в амбаре. И хоть серый человек больше не появлялся там, но мы заметили странных серых животных – это были крысы и белки. Странность заключалась не в окрасе, а в том, что они исчезали, когда выходили из амбара. Магия какая-то, подумала я, но Лаплас не верил в магию, он хотел докопаться до истины.

То, что находилось в дверном проеме амбара, откуда появлялись и где исчезали животные, мы назвали гранью. Чтобы узнать побольше об этом явлении, мы подкидывали крысам кусочки хлеба, чтобы выяснить, смогут ли они утащить их за грань. Интересно было то, что, когда крыса выбегала из амбара, держа во рту кусочек хлеба, в какой-то момент (мы прочертили границу в дверном проеме от доски до доски) она исчезала, а хлеб падал за линию. Крыса, поняв это, возвращалась назад, и, хотя хлеб был перед ней, но за очерченной границей, она его не видела. И тогда крыса пыталась утащить новый кусок хлеба, и все повторялось.

– Получается, что они делали такие же эксперименты, как я...

Ник был просто ошарашен.

– Это совпадение лишь доказывает, что нас свел демон Лапласа, – сказала Флёр. – И возможно, это не единственное совпадение. Дневник оказался не так прост.

– Если ты расшифруешь дневник, тогда, возможно, нам вообще не нужно будет делать никаких экспериментов. Ведь в нем может быть ответ, как все исправить!

– Если успею.

– О чем ты?

– Осталось восемь загадок.

– Черт. Нас же двое, а было девять...

– Загадка Флёр де Солей – последняя. Пока что я не могу ее разгадать, но даже если получится, то я не смогу расшифровать последнюю запись.

– Почему?

– Потому что нужно заполучить все предыдущие ключи. Так сказано в письме. Дневник устроен так, что каждая новая запись должна быть последовательно расшифрована разными ключами. То есть, чтобы расшифровать третью, нам нужно сначала открыть ее первым ключом, потом то, что получилось, открыть вторым, а затем третьим. Такая вот система безопасности восемнадцатого века, известная как шифр Виженера.

– Ясно. И что теперь делать?

– То, что написано в письме, – искать оставшихся шевалье. А пока ищем, будем проводить эксперименты, чтобы поскорее узнать о том, с чем мы столкнулись и как это исправить. Все, как договаривались. Ты поможешь мне, я – тебе.

Когда Ник попрощался с Флёр, ее сумасшествие больше не казалось ему таким очевидным фактом. Уж слишком убедительно она говорила. Но думая о выкрутасах одной странной девушки, Ник начал забывать о другой, жизнь которой изменилась в последнее время.

* * *

Днем позже Ник попытался сгладить вину перед Элизабет. Он позвал ее погулять в парк «Бостон Коммон» как в старые добрые времена. Вот только Элизабет не хотела старых добрых времен, она хотела быть частью новых времен.

Элизабет вдруг остановилась посреди дорожки близ монумента солдатам и морякам, опустив нос, и просто замерла.

– Ты чего? – спросил Ник, но она не ответила. Если, конечно, не считать ответом упрямое разглядывание своей обуви. – Что-то не так?

Ник знал ответ.

– Хочешь как раньше проводить эксперименты в сумеречной зоне?

– Угу, – наконец заговорила Элизабет.

– Пойми, это может быть слишком опасно.

Ник казалось, что если ты делаешь что-то ради безопасности другого человека, то считаешься с его интересами необязательно. Элизабет думала иначе. Думала и молчала.

Чтобы сгладить разговор, Ник решил дать подруге маленькую надежду.

– К тому же ты не участник «Клуба тех, кого нет», – сказал он. – Это несколько усложняет работу с ней. А без нее трудно будет проводить какие-то эксперименты.

– А ты в клубе?

– Да, я один из шевалье, – ответил Ник с какой-то необъяснимой гордостью. С каких пор его волновало, является он участником непонятного общества или нет? Он и сам не мог это объяснить.

– Я тоже хочу вступить в клуб. Хочу быть шевалье.

Ник ожидал этих слов, но все равно приподнял руки, как бы говоря «полегче».

– Это нельзя сделать так просто, – сказал он.

– А как можно? – спросила Элизабет.

– Ну... – Ник коснулся подбородка и посмотрел в небо. – Ты должна быть преемницей одного из шевалье.

– Я спрошу у мамы, – Элизабет наконец-то подняла взгляд.

– Вряд ли твоя мама это знает.

– А кто знает?

– Ээ... может быть, она.

– Кто?

– Та сумасшедшая девушка с подсолнухом.

– Давай у нее спросим, могу ли я стать шевалье?

Ник почесал затылок.

– Ладно, только обещаю тебе, если окажется, что ты не преемница одного из шевалье, то ты больше туда не будешь ходить. Согласна?

Элизабет протянула руку и оттопырила мизинец, Ник ухватился своим пальцем за ее. Он не верил в совпадения, а потому считал, что при помощи этой маленькой уловки сумеет оградить подругу от возможной опасности, которая была связана с «Клубом тех, кого нет» и его врагами, если они, конечно, существовали. Тут уверенности не было.

Флёр встретила Элизабет дружелюбно, но по-своему.

– *Отойди от него!* – крикнула она, указывая пальцем на Ника.

Ирония заключалась в том, что именно это он сам хотел сказать, если бы Элизабет слишком близко подошла к Флёр. А вышло так, что его коллега по репортажу отстранилась от него на три шага.

– Эй! – возмутился Ник, разведя руками. – Не слушай ее. Она не совсем нормальная.

В подтверждение его слов Флёр посмотрела влево, словно кто-то стоял рядом, и сказала, обращаясь к пустоте:

– Лагранж, да ты только послушай, какой бред несет Лаплас. А все потому, что он забыл барометрическую формулу! Вот и насыпало снега на крышу его пустого чердака.

Флёр усмехнулась, словно услышала ответ.

– Уи, согласна, – ответила она самой себе. – Тебе тоже кажется, что у него вши? Похоже, голову не мыл уже месяца два.

Элизабет отошла от Ника еще на шаг.

– Эй, прекрати, она все врет, – возмутился он. – Элизабет, да что с тобой?

– Но Лагранж сказал, – пробормотала Элизабет и виновато склонила голову.

– Какой еще Лагранж? Рядом с этой ненормальной никого нет. Ты разве не видишь? Она все выдумывает. И нет у меня никаких вшей.

Ник почесал голову.

Флёр и Элизабет уставились на него, а потом переглянулись.

– Что? – спросил Ник.

Но никто не ответил.

Флёр соскочила со сцены, где стоял мольберт с холстом, на котором были видны лишь карандашные наброски, и направилась к Элизабет.

– Я вижу в тебе потенциал, – сказала она. – Ты мне нравишься.

Элизабет подняла брови от удивления, а потом широко улыбнулась.

– Послушай, – Ник вышел вперед, чтобы Флёр не смогла подойти слишком близко к его подруге. – Элизабет хочет вступить в «Клуб тех, кого нет». Я ей сказал, что ты знаешь, как определить, является ли она преемницей одного из шевалье или нет.

Флёр погладила подбородок и задумчиво осмотрела Элизабет. Сначала она зашла слева, а потом и справа.

– Давай проверим, – сказала она. – Если верить письму, то вторым шевалье «Клуба тех, кого нет» является известный астроном и геодезист Пьер Мешен. Он оставил загадку для своего преемника.

Флёр достала старое на вид письмо из портфеля и зачитала:

– Я в ящике и между планет, я ограничено и нет. Кто я?

Элизабет жала губы и начала теревить ключ, который висел у нее на шее, но так и не ответила.

– Не расстраивайся, – попытался ободрить ее Ник.

– Значит, я не преемница шевалье, – грустно проговорила Элизабет.

– Да о чем ты? – сказала Флёр. – Лаплас месяц отгадать загадку не мог. Я подумала, что он отсталый. Потом поняла, что он просто амбесиль. И тем не менее он смог стать шевалье.

Элизабет обрадовалась и легонько похлопала в ладоши. А потом в знак благодарности достала из кармана жвачку и протянула ее Флёр.

– Мерси, мадемуазель Элизабет, – Флёр посмотрела на Ника. – А ты чего уставился?

– А почему я Лаплас, а она Элизабет? – спросил Ник с нотками обиды в голосе.

– Совсем амбесиль? Это ее имя, данное ей при рождении. Людей принято называть по именам.

– Но...

Флёр хлопнула в ладоши. Звук получился громким.

– Бьен, – сказала она. – Мадемуазель Элизабет, кинь снежком в Лапласа.

Элизабет скомкала снег и бросила в Ника.

– Эй, ты на чьей стороне? – спросил он, когда снежок ударился об его куртку.

Но она лишь улыбнулась.

– Лаплас, тебя определенно можно покалечить предметами из прошлого, – заметила Флёр. – ЗадOCUMENTИРУЙ эксперимент, силь ву пле⁸.

К своему же удивлению, Ник послушался, достал телефон и под запись сказал:

– 22 мая 2022 года, 3:15 после полудня. Эксперимент «Все для тебя» прошел успешно. Снежок из сумеречной зоны по дугообразной траектории попал мне в грудь. Мисс Франк, которая под влиянием мисс де Солей кидала его, не испытала мук совести. Это доказывает, что мисс де Солей пагубно влияет на персонал. Что до эксперимента, то вообще-то, мисс де Солей, я уже проводил такой эксперимент. Отчет окончен.

– Ты кидал в себя снегом? – спросила Флёр. – Совсем амбесиль?

– Нет, – ответил Ник. – Я не об этом.

– А зачем ты кидал в себя снежок? – спросила Элизабет.

---

⁸ Пожалуйста [S'il vous plaît] (пер. с франц.).

– Да не кидал я.

– А как тебе это удалось, Лаплас? – спросила Флёр. – Ты построил специальную кидательную машину?

– Нет! – разозлился Ник.

– Не злись, – попыталась успокоить его Элизабет. – Один раз можно кинуть в себя снежок. Никто плохого не подумает.

Ник демонстративно отвернулся от девушек, скрестив руки на груди. В его голове пролетела мысль, что беспокоиться за Элизабет не стоит. Флёр не проявляла к ней никакой агрессии. Более того, они находили общий язык. А вот за кого ему стоило беспокоиться, так это за себя.

После ряда странных выходов таинственной девушки с подсолнухом в волосах подростки все-таки уселись на сцене для долгожданной конструктивной беседы.

– Это неплохая идея, – Флёр достала жвачку из кармана, которую дала ей Элизабет.

– О чем ты? – спросил Ник. – Просто жвачка.

– А ты не думал, что будет, если я начну ее жевать? Как тебе такой эксперимент?

– Э... не знаю. У тебя мозги из пятки переместятся в голову?

– А ты фут-фетишист, Лаплас. Ай-ай-ай.

– Что такое фут-фетишист? – спросила Элизабет.

– Не слушай ее, – сказал Ник.

– Это когда человек мечтает вступить в брак со стопой, – ответила Флёр. – Так что, мадемуазель Элизабет, прячь стопы от этого извращенца.

Ник демонстративно закрыл уши, чтобы не слушать этот бред.

– Бьен, хватит о приятном, – сказала Флёр. – Как насчет такой идеи, Лаплас. Я принесу еду из прошлого, и ты ее съешь.

– Звучит не очень, – ответил Ник, но сама идея его заинтересовала. – И что, ты думаешь, произойдет?

– Пока ты здесь, наверно, ничего, но если ты проглотить бургер из прошлого и выйдешь в настоящее, то должно что-то произойти.

– Хм... я пробовал проносить снег в настоящее, но он исчезал из карманов.

– Куда?

– Не знаю. Наверно, за границу, как написано в дневнике.

– Завтра я принесу бургер. Нужно провести такой эксперимент. Будет интересно, исчезнет ли бургер из желудка.

– Эй! Я не буду это есть.

– Кто-то его съест, – пожал плечами Флёр.

– Элизабет точно не станет этого делать.

– Амбесиль, стану я подвергать опасности потенциального шевалье, который, возможно, приоткроет завесу тайны дневника де Солей? Да как ты такое мог подумать?

– Значит, ты ее не тронешь?

– Ну конечно.

– Обещай, – сказал Ник слишком серьезно для шутки. И похоже, Флёр это поняла.

– Обещаю, – сказала она так же серьезно.

– На мизинцах.

Ник протянул руку и оттопырил мизинец.

– Ты маленький, что ли? – спросила Флёр, и их пальцы сцепились.

Они смотрели друг другу в глаза еще какое-то время, а потом отстранились друг от друга.

– Лаплас, если ты сам не хочешь есть бургер из прошлого, то найди того, кто захочет, – сказала Флёр. – Все просто. В конце концов, это ты просил меня помочь тебе с экспериментами. Я помогаю.

– Мне не хочется привлекать лишних людей, тем более тех, кого не жалко, – проговорил Ник.

– Если мир погибнет только потому, что ты чего-то там не хотел, то потом мне претензии не предъявляй. Я пыталась.

– Откуда ты знаешь, что мир погибнет?

– Я не знаю, но ты не думал, что в перспективе в твоём настоящем будут появляться новые так называемые сумеречные зоны?

– Думал, но пока не появляются.

– Вот именно, пока. Но может быть, в дневнике об этом сказано, так что, что бы ни случилось, у нас есть козырь.

– Ладно, убедила.

– В любом случае нам нужно изучить проблему, а потом искать пути ее решения. Видимо, это то, чем занимался «Клуб тех, кого нет».

– А что насчет тех людей, которые находились в местах, где появились сумеречные зоны? Они исчезли, когда все это произошло. Думаешь, их можно вернуть?

– Думаю, можно, – Флёр подняла руку к небесам, растопырив пальцы. – Ведь нас ведет демон Лапласа!

Элизабет хихикнула, а Ник уставился в серое небо. Одна из снежинок упала ему на нос.

Он чихнул.

Наступила тишина.

И тут вдруг Элизабет сказала:

– Пространство.

Ник и Флёр переглянулись и уставились на нее.

– А ты не промах, – сказала Флёр. – Действительно, это может быть пространство. Осталось найти предмет памяти шевалье Мешена. Если ты преемница, то он у тебя точно будет.

– Что это может быть? – спросил Ник.

Флёр пожала плечами.

– Ты необучаем, Лаплас. Ну это что-то связанное с загадкой, – ответила она.

* * *

Найти человека, который бы рискнул жизнью ради науки, не так-то просто. И уж тем более такого, которого не жалко. Однако у Ника был на примете один знакомый. Вот только согласится ли он и что попросит взамен?

Музыка в сервисном центре «Доктор Рок» гроыхала так, что клиенты ждали свои смартфоны на улице.

«Нарушая закон, – пел Роб Хэлфорд. – Нарушая закон, нарушая закон...»

– Привет! – прокричал Ник, сложив руки у рта.

Музыка затихла.

– Не кричи, придурок, – рявкнула Рокс, не отводя взгляд от смартфона, который она чинила. – Что надо?

– Как грубо. От тебя ничего, я пришел поговорить с твоим дружкой.

– С кем?

– Ну с ним, – Ник указал пальцем в другой конец помещения.

– Он наказан.

Элизабет захихикала, прикрыв рот рукой.

– Наказан, – повторила она.

– Да он всегда наказан, – развел руками Ник. – Но с людьми-то ему можно разговаривать? Рокс ничего не ответила и продолжила чинить смартфон.

Ник обошел все металлические ящики с запчастями, которые попадались под ноги, и остановился в углу помещения, где и сидел наказанный, но не сломленный Джаред Сендлер, более известный как Фриз среди своих немногочисленных подписчиков в «Инстаграм».

– Есть дело, – полушепотом сказал Ник.

Джаред посмотрел направо, потом налево и напечатал что-то в блокноте на своем ноутбуке.

«*Цыганское?*» – прочитал Ник на дисплее.

– Нет. Возможно, не очень безопасное, – ответил он. – Это связано с сумеречной зоной.

«*Нет,* – напечатал Джаред. – *Не люблю этот сериал.*».

– Я не про сериал. Если ты не в курсе, то в городе уже как год появились аномальные зоны, где все черно-белое, как в старом кино.

«*Продолжай.*».

– От тебя всего-то и требуется проглотить бургер, произведенный в том мире, который через эти зоны взаимодействует с нашим.

«*Звучит вкусно, но нет.*».

– Послушай, власти заверили, что взаимодействовать с сумеречными зонами безопасно. Значит, они провели все необходимые тесты. Просто не поделились с нами подробной информацией по какой-то причине. Я всего лишь хочу убедиться в том, что они не соврали.

«*Номер.*».

– Что?

«*Добудь мне номер Кристины Ковалевской из „Букера“ и я съем хоть черно-белого мамонта.*».

– Ладно, – уверенно сказал Ник и неуверенно подумал: «*Я что-нибудь придумаю.*».

И действительно придумал. Но прежде чем оказаться в «Букере» в не самой выгодной позиции, Ник заметил, что его коллега весь день носит на правом плече белый чехол из-под штатива.

– А зачем ты носишь с собой штатив? – спросил он. – У нас практически не бывает такого типа съемки.

– Секрет, – довольно произнесла Элизабет.

Ник задумался, но не об этом. Его мысли были поглощены вопросом: как убедить Кристину, что дать номер телефона бородатому гыку Джареду – это хорошая идея? Идея-то была не очень хорошая, как ни посмотри.

Увидев черные двери кафе «Букер», друзья остановились.

– Ладно, – сказал Ник и перевернул бейсболку эмблемой назад. – Буду импровизировать. Через пятнадцать минут он вышел из кафе.

– Дело сделано, – Ник уперся руками в бока и улыбнулся. – А я хорош.

Элизабет сняла бейсболку с его головы, и в этот же момент с его лица исчезла улыбка.

– Она и правда волшебная, – сказала она.

– Дай сюда, пока Кристина не передумала.

Несмотря на то, что Джаред не выглядел надежным человеком, все же он чтит принцип «услуга за услугу», считая его священным, как последние слова магистра Йоды. Поэтому после работы он отправился вместе с Ником и Элизабет в сумеречную зону на Тремонт-стрит.

– Стоп-стоп-стоп, – сказал Джаред, увидев Флёр на сцене. – Ладно, цыгане, но она же серая, мы не договаривались, что я буду контактировать с захватчиками! Она же облучит меня гамма-излучением и сделает бесплодным!

– Да не ссы, – ответил Ник. – Она не кусается.

– Но ударить может, – заметила Элизабет.

Флёр отбросила карандаш с листком бумаги в сторону и ненормально улыбнулась, а потом раскатисто рассмеялась, как какой-то злодей из кинокомикса.

– Вкуси же этот чизбургер, неразумное животное! – воскликнула она. – Или умри!
После короткой паузы она пробормотала себе под нос:

– Хотя умереть ты можешь и во время эксперимента.

Джаред постоял в снегу секунд пять, а потом развернулся и побежал к границе сумеречной зоны, что-то хныча себе под нос.

– Стой! – крикнул Ник вслед. – Кристина не любит трусов.

Джаред остановился.

– А мертвых? – спросил он.

– Ээ... я не спрашивал, но...

Ник пожал плечами.

– Если хочешь поразить ее сердце, то рискни! – выкрикнула Флёр. – Девушки любят отважных, рискованных парней, – она понизила голос, – и мертвых знаменитостей. Но ты не знаменитость.

Как ни странно, но это прозвучало в достаточной мере убедительно, чтобы спустя считанные секунды Джаред начал жевать чизбургер.

– Холодный, – недовольно буркнул он и достал телефон из кармана, чтобы записать сторис для «Инстаграм».

Джаред поднес телефон к лицу, так что на дисплее были видны только его щеки. Он жевал какое-то время сэндвич, а потом сказал:

– Ем серый бургер. Челлендж от Фриза не для слабаков. Хэштег «Фриз бесстрашный».

– Ешь давай, – сказал Ник, а потом сам заговорил под запись, поднеся микрофон смартфона ко рту.

– 23 мая 2022 года, 6:15 вечера. Я, мисс Франк и мисс де Солей приступили к эксперименту «Потерян в море». В качестве подопытного выступил мистер Сендлер. Нет, он не родственник Адама. Просто совпадение. Суть эксперимента заключается в том, чтобы выяснить, можно ли есть пищу из прошлого, и в том, как она повлияет на человека. Хотя любая еда на прилавках магазинов, по сути, из прошлого, но я имел в виду другое. Я хотел сказать, что она как бы из прошлого, но срок годности не истек, но ей вроде как девятнадцать лет.

Когда Джаред доел сэндвич, Ник, Флёр и Элизабет его окружили, ожидая услышать что-то интересное. Но он был плохим рассказчиком.

– Ваши ощущения, мистер Сендлер? – спросил Ник и поднес телефон к лицу Джареда.

– Чувствуешь прилив героизма или легкое отравление? – поинтересовалась Флёр.

– Никаких новых ощущений, если вы об этом, сраные цыгане, – произнес Джаред и рыгнул. – Совсем никаких. Я бы еще парочку съел.

Флёр выхватила смартфон у Ника и начала говорить:

– Первая часть эксперимента с дурацким названием «Потерян в море» прошла успешно. Месье Сендлер остался жив. Это хорошо. Я забыла дома расческу. Это плохо. Почему-то бланманже захотелось.

– Отдай, – сказал Ник и потянулся за смартфоном, но Флёр успела отскочить в сторону.

– А есть еще вторая часть эксперимента? – спросил Джаред. – Я на это не подписывался.

– Месье Сендлер, похоже, не знает, что всегда есть вторая часть эксперимента, если подопытный выживает после первой. И так пока... – пояснила Флёр.

– Что?! – перепугался Джаред.

– Она говорит о смерти, придурок, – заметил Ник. – Топай через границу. Это вторая часть.

– И все?

– И все.

Джаред пошел вперед, следом за ним плелась Флёр.

– Месье Сендлер так бесстрашно шагает, что я даже восхищаюсь им, – говорила она, ведя запись. – Будто бы он не знает, что за границей его может вывернуть наизнанку, а кишки намотать на пространство-время. Эй, Лаплас, чьи кишки намотало на пространство-время в прошлый раз?

– Я не успел с ним познакомиться, – подыграл Ник. – Как же его, такой среднего роста мужчина. И усы у него были странные...

– Месье Суше! Точно!

Джаред пробрала дрожь.

– Эксперимент «Потерян в море» провалился, – сказала Флёр. – Подопытный погиб. Отчет окончен. Мне очень жаль. Нам не следовало это делать.

Ник подошел к Флёр и вырвал из ее рук свой телефон.

– Все, что сказала мисс де Солей, – ложь. Не забыть стереть ее гнусные инсинуации.

Точка. Мистер Сендлер сейчас пройдет сквозь границу и...

– Его расплющит, – сказала Флёр.

– Нет!

– Откуда ты знаешь? – спросил Джаред, остановившись в шаге от границы.

– Я верю, – ответил Ник.

– Вперед, герой, – подстрекала Флёр. – Мама тебя не забудет. Остальные забудут. Я уже забыла. Кто ты?

– Нет-нет-нет, – завертел головой Джаред.

И тогда Флёр сделала то, что делала при знакомстве с Ником. Она разбежалась и ударила двумя ногами Джареда в спину. Тот вывалился через проход в строительном заборе напрямик на тротуар, где светило яркое солнце. С ним ничего не произошло. Почти.

Ник вышел следом.

– Как ощущения, герой? – спросил он.

– Проголодался, – с досадой ответил Джаред.

Ник посмотрел за спину – там стояла Флёр и что-то говорила, но он не мог слышать. Тогда он шагнул в сумеречную зону.

– Что ты сказала?

– Угадай, – проговорила Флёр, спрятав руки за спину.

– Сдаюсь.

– Какой ты скучный.

– Что ты сказала?

– Дай я запись сделаю.

– Нет.

– Тогда ты не узнаешь, что случилось с бургером.

Флёр посмотрела в сторону и начала насвистывать какую-то незнакомую Нику мелодию. Он вздохнул, достал смартфон, включил приложение «Диктофон» и отдал его этой неутомной девчонке.

– В ходе эксперимента с дурацким названием «Потерян в море» мы выяснили, что пережеванный бургер не переместился в настоящее вместе с месье Сендлером.

– И где же он тогда?

– На тротуаре, в моем настоящем, точнее, в твоём прошлом. Как, в общем-то, мы и предполагали, иначе и не стали бы рисковать человеком. Верно?

– Джаред не совсем человек, но да. Ты права.

– Выглядит та субстанция, что из него вылетела, не очень красиво, не как бургер, а как пережеванная масса. Отчет окончен.

Флёр запустила руку в карман, но не нашла там то, что искала, и тогда она попросила у Элизабет жвачку.

– Смотри, – сказала Флёр, бросив ее в рот.

Вкладыш гласил: «Любовь – это раковая опухоль души».

Флёр сделала шаг вперед – в сторону границы – и исчезла из черно-белой зоны. Жвачка, которую она жевала, свалилась на тротуарную плитку в настоящем.

Флёр тут же вернулась назад.

– Вот так это работает, – сказала она.

Когда Джаред уехал на своем электросамокате и с экспериментом было покончено, Ник наконец-то узнал, зачем его подруга всю дорогу носила с собой чехол для штатива.

– Вот, – Элизабет протянула чехол Флёр. Внутри оказался старенький телескоп.

– Ого! – воскликнула Флёр. – Это... я почти уверена, что это артефакт Пьера Мешена.

Ник приоткрыл рот от удивления.

– Так не бывает, – сказал он.

Флёр посмотрела на Элизабет и попросила ее рассказать об артефакте.

– Телескоп был в *комнате*, но я забрала его оттуда, когда меня нашли, – ответила та.

Ник положил руку на плечо Элизабет и сказал то, что говорил уже много-много раз:

– Нет больше *комнаты*.

Но она была.

Элизабет прикоснулась к ключу на шее.

– Комната? – поинтересовалась Флёр.

– Это неважно, – ответил Ник. – Ты действительно считаешь, что телескоп – это ключ?

– Судя по всему, он очень старый и совершенно точно связан с шевалье Мешеном.

– Почему?

– Потому что он был астрономом. Он даже открыл галактику.

– Ясно. Он изучал космос, а это большое пространство.

– А ты догадливый, Лаплас.

Флёр пригляделась к телескопу – в самом низу была мелкая гравировка.

– Сова, – проговорила она. – А вот и ключ.

– Что? При чем здесь птица? Как она связана с космосом?

– Не птица, а туманность!

Флёр вытащила дневник из портфеля, отошла в сторону и попыталась использовать оба ключа, чтобы начать расшифровывать новую запись.

После пяти минут ожидания она сказала:

– Я не знаю, что здесь написано, но несколько слов разобрать удалось. Это точно ключ.

А это значит, мадемуазель Элизабет, что ты преемница шевалье Мешена.

Эти слова огорчили Ника, но не так сильно, как он думал, что огорчат. И все-таки он хотел уберечь Элизабет, а получилось, что, наоборот, впутал ее во что-то серьезное. Плохо получилось, но что теперь поделать?

– Я в «Клубе тех, кого нет»? – спросила Элизабет.

– Уи, дай мне руку, – ответила Флёр.

«Будь, что будет, – подумал Ник. – По крайней мере, ты выглядишь счастливо и я рядом».

– Было бы лучше рисовать ручкой из настоящего, – заметил он. – Тогда клеймо подсолнуха сохранилось бы подольше.

– Ты на что намекаешь, Лаплас? – спросила Флёр. – У тебя нет тайного знака подсолнуха?

– Уже нет.

– А ну давай сюда руку!

Металлическое танго

– Ники-малыш, почему ты не можешь написать статью с первого раза? – Мистер Келлерман хотел было швырнуть листок бумаги в корзину, но увидел, что та переполнена. И тогда он поджег распечатку и бросил ее в пепельницу.

«Что-то новенькое, – подумал Ник. – Не помню, чтобы редактор курил». Он осмотрел кабинет. Грязные носки и трусы, валявшиеся на полу, говорили о многом. Мистер Келлерман точно здесь спал, и не одну ночь.

– Красиво горит, – заметила Элизабет.

– Так-то это наша работа, – сказал Ник.

– Угу. Красиво горит наша работа.

Мистер Келлерман закурил сигару от догорающей статьи, а потом закашлял.

* * *

Связь с прошлым, ставшая возможной благодаря Флёр, навела Ника на мысль, как можно спасти родителей и всех тех, кто исчез год назад. Идея была банальной до неприличия. Об этом было снято так много фильмов, что сработать она была просто обязана.

– Когда Лаплас рассказал своему коллеге по Академии Наук Пьеру Мешену о странном ящике, который притащили в мой амбар крысы, тот заинтересовался и присоединился к нам, – прочла Флёр новую запись из дневника. – Ящик был из твердой бумаги. Внутри него находились... хлопья (так было написано на нем). Мы изучили ящик. Лаплас предположил, что он с другого конца света, потому что ничего подобного в нашей стране не делали. Будучи ответственным за измерение времени в Академии Наук, Мешен, конечно же, отбросил вариант Лапласа (ведь все надписи на ящике были на французском) и указал на более правдоподобный вариант, в который мы не могли поверить.

В углу ящика была указана дата – 15 марта 2020 года. Этот день же еще не наступил? Как можно в это поверить? Странный розыгрыш. Но Мешен был уверен, что это возможно, потому что мы имели дело с, казалось бы, невозможной аномалией, в которой происходили необъяснимые вещи. Если грань существует, говорил он, то почему ящик, которого не должно быть, не может существовать?

В тот день мы провели три эксперимента с этим серым ящиком и его серым содержимым. Сперва Лаплас предложил мне попробовать хлопья. Я нехотя, но согласилась. Было вкусно. Потом я решила пройти через границу, жуя эти хлопья. В результате хлопья как бы вывалились у меня изо рта и куда-то исчезли. Третий эксперимент заключался в том, чтобы сдвинуть ящик за границу. Когда Мешен начал это делать, то ящик начал исчезать у нас на глазах.

– Удивительно, они делали то, что делаем мы, – сказал Ник. – Жаль, нельзя поскорее узнать, что там было дальше.

– Уи, но полагаться только на дневник не стоит.

– Почему?

– Потому что может быть слишком поздно. Я же уже говорила.

– Ты права. «Клуб тех, кого нет» должен действовать, как действовали его основатели.

– Говоришь ты уверенно, а идеи-то у тебя есть, Лаплас?

– Да. Сначала мы запоем свои настоящие имена, а потом изменим прошлое. И тогда мы сможем спасти всех, кто исчез.

– Исчез?

– Да, я же говорил, что, когда появились сумеречные зоны люди, находившиеся в них, просто исчезли. Поэтому я и занялся экспериментами, чтобы вернуть их.

– Ясно. Но знаешь, твоя идея с изменением прошлого может сработать.

Флёр подняла руку вверх, растопырив пальцы, будто бы хотела схватить солнце, и посмотрела в небо.

– Так давай изменим миропорядок! – воскликнула она. – Начнем операцию «Георгины»!

– Гео... что?

– Цветы такие семейства астровые, не слышал?

– Слышал, но почему не подсолнухи?

– А должны быть? – Флёр приподняла левую бровь.

– Ну да, ты же помешана на них... а впрочем, знаешь, к черту, – Ник махнул рукой.

Элизабет усмехнулась.

– Ты чего? – спросил Ник.

– Вы всегда так весело ругаетесь, – ответила она.

– Может быть, этой ненормальной и весело, но мне...

– Нормальной быть глупо, Лаплас, – заметила Флёр. – Запомни это. Так что давай займемся изменением прошлого. Мне нужны данные, чтобы как-то повлиять на мое настоящее или твое прошлое.

– Я думаю, нужно начать с чего-то простого...

* * *

– Эй, старик, не спишь? – спросил Ник, подходя к Альфреду. Тот так укутался в пальто, что казалось, ему холодно.

– Чего изволите, господин Эрхарт? – ответил он в полудреме.

– Есть дело.

Альфред открыл глаза и бодрым голосом проговорил:

– Я принимаю наличные, безналичные платежи, с недавних пор даже акции. Чем вы хотите со мной расплатиться? Криптовалютой тоже не брезгую.

– Сколько?

– Двадцать долларов. Не зимбабвийских. Предпочитаю видеть президента Джексона на купюре.

– Какой же ты все-таки жадный, старый скупердяй. Откуда ты только такой вылез?

Альфред пожал плечами.

– Из влагилица моей матушки много десятилетий назад. Помню яркий свет и...

– Стоп! – воскликнул Ник. – Будет тебе двадцатка, только замолчи. – Он порылся в карманах джинсов и все-таки смог что-то найти.

– Не фальшивая? – насторожился Альфред.

– Да ты охренел, старик!

Ник еще некоторое время возмущался такой дерзостью, а потом все-таки перешел к делу. Он рассказал Альфреду все, что знал о сумеречных зонах, а заодно развеял все мифы и опасности, связанные с аномалией.

– Мы хотим изменить прошлое, это самый простой способ спасти моих родителей и всех, кто пропал из-за... – Ник запнулся, не зная, как назвать случившееся.

– Из-за этого вот, – сказала Элизабет. – О! Капелька падает!

– Да. Этого вот, – согласился Ник.

– Какую роль в этом представлении играю я? – спросил Альфред.

– Ты же живешь в этом городе со времен палеозоя?

– Да, господин Эрхарт. Удалось и неопротерозой застать. В привычном понимании это значит тридцать лет, если мне память не изменяет. А она изменяет.

– Значит, зимой 2003 года ты мог быть здесь?

– Совсем наверняка.

– Мы хотим изменить что-то незначительное, перед тем как менять что-то значительное.

– Хороший план. И что вы предлагаете?

– С тобой в прошлом свяжется девушка. Чудаковатая девушка. Немного ненормальная. Но кто без странностей. Она скажет, чтобы ты что-то сделал, что сквозь время донесется до настоящего.

– Например?

– Не знаю, если в то время ты делал себе татуировку на заднице, то она может предложить другой рисунок.

– У меня нет татуировок.

– Так, может, сделаешь в 2003-м на левой ягодице?

– Вряд ли.

– Может, у тебя есть что-то памятное? Цепочка, часы... не знаю... консервированный тунец? – Ник начал ходить из стороны в сторону как метроном. Это помогало думать.

– Нет у меня ничего такого... хотя...

– Что? – Ник остановился.

Альфред приподнял шляпу.

– Эту шляпу я получил в подарок 30 ноября 2003 года.

– Так-так-так, – Ник вновь замычал. – В прошлый четверг она говорила, что у нее было 24 ноября. У нас тогда было 19 мая, а сейчас 24 мая, выходит, у нее 29 ноября. Надо спешить...

– Что?

– Да ничего, трудно поверить, что ты смог запомнить, когда тебе подарили дурацкую шляпу.

– Она не дурацкая. Это английская шляпа фирмы «Кристис». Очень хорошая работа.

Ник ничего не ответил.

– Она черная, – заметил Альфред. – А могла быть белой.

– Отлично, значит, изменим цвет шляпы, – сказал Ник и протянул ему руку. – Поднимайся.

– Зачем?

– Пойдем в сумеречную зону.

– Но я не могу оставить сэра Достоевского одного.

– Потому что он утащил твою флягу?

– Нет, потому что он мой друг.

– Фляга у него?

Альфред поводил глазами из стороны в сторону, а потом сказал «Да» и вздохнул. Тогда он еще не знал, что она ему очень пригодится. А если бы знал, то выпил бы на дорожку.

Когда Альфред с собакой пересек границу сумеречной зоны, к ним тут же бросилась Флёр.

– Бонжур, где тебя носило, Неккер? – сказала она. – Я тебя давно ищу! Думала, ты погиб насовсем. Три ночи не спала, две спала, на шестую поела блинчики сюзетт. Было вкусно.

Альфред посмотрел направо, а потом налево, и тут до него дошло, что обращаются все-таки к нему. Он приподнял брови и указал на себя пальцем.

Дости рванул к Флёр.

– И тебе бонжур, барон Порталь, – она обняла собаку и начала чесать ей за ушком.

Ник прошел мимо Альфреда и похлопал его по плечу.

– Да, она тебе, да, она охренительно ненормальная, – заметил он. – И да, добро пожаловать в безумный цирк. Конкурсы у нас – закачаешься.

Следом прошла Элизабет и тоже похлопала Альфреда по плечу.

– Странненькая, – заметила она.

Альфред шмыгнул носом и сказал:

– Надо выпить.

Флёр вдруг зажмурилась, потрясла головой и еще раз посмотрела на новичков в сумеречной зоне.

– Обозналась, пардон. Мне показалось, Лаплас привел новых шевалье. Вы так похожи на министра финансов Жака Неккера. Я подумала, что вы его преемник.

– Ладно старик, а собака, по-твоему, тоже похожа на шевалье? – спросил Ник.

– А что? – возразила Флёр.

– Да ты готова взять первых встречных в клуб.

– С Мешеном это сработало.

– Даже удивительно.

– Нон, это чистая математика. Лаплас все рассчитал много лет назад. К тому же в письме сказано, что шевалье придут вслед за тобой.

– Да я кого угодно могу вслед за собой привести.

– Тогда мы проверим кого угодно.

– А если я приведу *его*? То и его проверишь?

– Тот, кто ищет находится в моем времени. Так что не приведишь.

Ник вздохнул.

– Ладно, черт с ним. Ты на полном серьезе предлагаешь проверить собаку и старика?

– Уи.

– По-твоему, бомж может быть преемником министра финансов?

– Уи, а по-твоему, собака может быть преемником врача?

Ник растерялся, открыв рот, и выдал из себя лишь протяжное «Эээээ».

– Поэтому проверим обоих, – подытожила Флёр. – На всякий случай.

– Ладно, – согласился Ник. – Лишь бы это поскорее закончилось.

– Что происходит? – спросил Альфред.

– Они решают, стоит ли загадывать загадки тебе и Дости, – ответила Элизабет.

– А зачем?

– Секрет, – Элизабет загадочно поводила глазами из стороны в сторону.

Альфред поднял флягу, которую обронил Дости, и сделал глоток. Немного подумав, сделал еще и второй на всякий случай. Он решил, что лишним не будет.

– Я готов, – сказал Альфред.

Флёр достала письмо из своего потрепанного портфеля и зачитала загадку шевалье Неккера:

– Ты дал мне три имени, но верно одно. В каждом из обликов скрыто оно. Кто я?

– Можешь подумать, – сказал Ник. – Никто сразу не угадывает.

– Вода, – не раздумывая ответил Альфред. – Что дальше? Если нужно платить взнос, то я пас.

Наступила тишина.

Никто не ожидал такого быстрого ответа.

– Ээ... – после паузы произнес Ник. – Если ответ верный, то ты должен принести предмет памяти, как-то связанный с ним.

– Альфред фон Зутнер взносы не платит! – воскликнул Альфред и покачал головой.

– Это не взнос, предмет останется у тебя.

Альфред почесал затылок, потом бороду и буквально через пару секунд достал флягу из кармана.

– Подойдет? – спросил он. – Это единственное, что у меня есть.

– Что за фарс?! – возмутился Ник и вскинул руки. – Так не бывает.

Альфред нехотя передал флягу Флёр. Она внимательно изучила ее, осмотрела буквально каждую деталь, заостряя внимание даже на царапинах.

– Выглядит очень старой. И совершенно точно она связана с разгадкой. Жаль, надписи уже стерты. А откуда она у вас?

– Этого я не могу сказать, юная госпожа. Это случилось несколько лет назад. Я вышел вечером на прогулку, а потом все как в тумане. Проснулся я уже с этой флягой. В ней был отличный шотландский виски.

– Возможно, алкоголь – это и есть ключ.

– Серьезно? – недоумевал Ник. – Давай еще собаку сделаем шевалье.

– Не понимаю твоего возмущения, Лаплас, – спокойно проговорила Флёр. – Разве плохо, что мы станем на шаг ближе к правде?

– Нет, но так не бывает!

– Почему?

– Да потому что собака не может быть шевалье!

– Тебе откуда знать?

– Да она даже не может разгадать загадку!

– Дости умный, – возразила Элизабет. – Не обижай его.

– Нехорошо это, господин Эрхарт, – согласился Альфред.

Ник вознес руки к небесам и сказал:

– За что мне все это!

А потом он выдохнул и продолжил:

– Загадывай уже загадку, ненормальная. И покончим с этим фарсом.

Флёр пробежалась глазами по письму, ее взгляд остановился на загадке шевалье Порталья.

– Без меня тебе не разгадать, кто я. Кто я?

– Гав-гав, – пролаял Дости.

– Он говорит, что ему нужно подумать, – перевела Элизабет.

– Зачем ты подыгрываешь этой ненормальной? – спросил Ник.

– Бьен, – сказала Флёр. – Пока месье Дости думает, нам нужно вернуться к делу.

– Аллилуйя! – воскликнул Ник.

– Шевалье Неккер, тебя уже ввели в курс дела? Лаплас должен был рассказать тебе все о необычном месте, в котором мы сейчас находимся.

– Стоп! – возразил Ник. – Почему он уже шевалье? Когда он успел вступить в «Клуб тех, кого нет» и получить тайное имя?

– Пока ты возмущался, я успела пробежаться по записи из дневника. Фляга оказалась ключом, точнее, алкоголь. Но на полную расшифровку уйдет время.

– Но у него нет клейма подсолнуха!

Флёр подняла указательный палец и замерла на секунду.

– Ты прав, Лаплас. Так не пойдет. Неккер, а ну давай сюда руку.

Пока Флёр рисовала секретный знак клуба на запястье Альфреда, он сказал:

– Люблю тайные общества. Ничего, что я уже состою в нескольких?

– Ничего, – ответила Флёр.

Рисунок был готов.

– Добро пожаловать в «Клуб тех, кого нет»! – воскликнула Элизабет. Она достала из рюкзака термос с зеленым чаем, стаканчики и несколько пирожных, а затем разложила все на лавочке. – Давайте отметим, что нас стало четыре.

Альфред не мог отказаться от такого предложения, только он подлил в свой чай шотландский скотч. А потом еще раз на всякий случай. Лишним не будет, уверял он себя и был прав.

Флёр тоже с радостью восприняла инициативу Элизабет, хоть и знала, что нет большого смысла в том, чтобы есть еду из настоящего, и все-таки она попробовала пирожное и чай.

Даже Дости попытался примазаться к празднику, и только Ник воспринял это как трату времени. Устроили тут, понимаешь, пир на лавке, думал он, отпивая чай из стакана.

Когда чаепитие закончилось, Флёр уставилась на Альфреда как-то уж слишком серьезно, а потом спросила:

– Чего бы ты хотел изменить в своей жизни, Неккер? Может быть, я смогу это сделать.

Альфред смотрел Флёр в глаза и молчал какое-то время. Отчего-то легкомыслие стерлось с его морщинистого лица и не вернулось даже тогда, когда он рассказывал о последнем дне ноября 2003 года, который провел с дочкой. Дочь тогда потащила его в магазин за подарком на Рождество, потому что боялась, что не успеет его купить. Одна шляпа была черной, а вторая – белой. Выбор пал на черную.

– Этого ты хочешь? – спросила Флёр.

Альфред кивнул.

– Так значит, если я первой возьму черную шляпу, затаюсь где-нибудь, то у тебя просто не будет выбора и в следующий раз мы увидим на твоей голове белую шляпу?

– Верно, юная госпожа.

Флёр вдруг зажмурилась, прикоснулась рукой к голове и начала тереть правый висок.

– Даже удивительно, что ты это помнишь, Неккер, – сказала она. – После всех приключений, которые мы все пережили, я боялась, что с мозгами у тебя стало совсем плохо. Помнишь перестрелку в парке, которую вы с Дюпюи устроили, чтобы спасти голого месье? Дюпюи еще ранили тогда, но ты вытащил его несмотря ни на что!

– Да, помню, словно это было вчера.

– Это как раз вчера и было. Кажется.

Флёр ударила себя по голове ладонью два раза, а потом закрыла глаза. По ее довольной ухмылке можно было понять, что теперь все в порядке.

– Старик, не подыгрывай ей! – вмешался в разговор Ник, а сам подумал: что это было? – Лучше скажи, ты помнишь, сколько было времени, когда твоя дочь подарила тебе шляпу? Это было до обеда или после?

– Примерно в 3:15 пополудни, – ответил Альфред. – Но юной госпоже следует затаиться в магазине как минимум до 3:30 и ни в коем случае не подходить ко входу.

– Ээ... но... а впрочем, плевать.

Флёр позвала всех встать поближе, чтобы образовался круг, как она уверяла, символ крепости тайного общества. Она сказала, что следующая встреча состоится завтра в пять пополудни в этом же месте, когда миссия будет выполнена.

Слова прозвучали, и все разошлись.

Ник был так воодушевлен, что всю ночь бродил по городу в размышлениях о том, что скажет родителям, когда увидит их вновь, и что скажет брату, который не верил в него.

* * *

Ровно в 5:00 пополудни из разрисованной кирпичной стены в сумеречной зоне на Тремонт-стрит вышла черно-белая девушка с подсолнухом в волосах. Она выглядела напряженной и потерянной. Нетипично для Флёр де Солей. Никаких ухмылок и дурацких выражений лица. Даже ее шаги к лавочке, где Ник и Элизабет коротали время за шахматами (Ник проигрывал уже в пятый раз), были короткими и нервными, словно она и идти не хотела.

Странно.

Когда Флёр подошла к лавочке, то ее беспокойство куда-то пропало. Выражение лица стало прежним – легкомысленным.

Странно.

– Что? – спросил Ник, не понимая, почему Флёр вдруг начала ухмыляться.

– Я думала, что ничего не вышло, но... – она указала рукой за спину Нику и Элизабет, – похоже, я могу управлять прошлым, Лаплас. А значит, мне подвластно все!

Ник и Элизабет обернулись и увидели Альфреда в белой потрепанной шляпе. Теперь он выглядел еще более по-дурацки, чем прежде. Шляпа совершенно не шла к его черному пиджаку и порванным брюкам, держащимся на веревке, завязанной бантом.

– Получилось, – сказал Ник, сам тому не веря, а потом воскликнул: – У нас получилось, Элизабет!

– Шах и мат, – сказала Элизабет, сдвинув ферзя.

Ник поднес телефон ко рту и под запись сказал:

– Эксперимент «Мечта» показал, что прошлое можно изменить. Мисс де Солей, поколдовав в 2003-м году, вынудила мистера фон Зутнера купить другую шляпу. А это значит, что уже скоро мы сможем спасти всех, кто исчез год назад!

– Ты-то кого собрался спасать, амбесиль? – Флёр указала на себя большим пальцем. – Шевалье де Солей здесь я. Перекрою время одним щелчком пальца и исправлю все! – Она сняла варежку и попыталась щелкнуть пальцем. Не получилось. – Уи. Я не умею щелкать пальцами, но смеяться запрещаю!

Элизабет хихикнула.

– Но тебе можно, Мешен.

– Ты даже не знаешь, кого нужно спасать, – сказал Ник. – А я знаю... знаю, где найти списки людей. К тому же ты вроде бы хотела побеждать неких *их*, кем бы они ни были. Это я хотел людей спасать.

– Кто же виноват, что все смешалось? Люди, кони, кеды, беды и мое обещание помочь тебе, пускай и не закрепленное мизинчиком.

Ник вдруг почувствовал, как на него нахлынула волна усталости. Нет, это было целое цунами. Он тяжело и протяжно вздохнул, а потом спросил:

– Ты можешь вести себя нормально?

Но вопрос был риторическим. И пока эти двое ругались, Элизабет обнаружила что-то действительно красивое. Она даже вытащила из рюкзака фотокамеру.

Альфред стоял рядом с Дости, когда Элизабет подошла к нему и навела объектив на белый потрепанный котелок.

– Странно, – сказала она. – Но красиво.

– О чем вы, госпожа Франк? – глаза Альфреда забегали.

Но Элизабет не пояснила.

– Хватит! – застонал Ник. – Я не могу больше спорить с тобой.

– У тебя здесь нет власти, Лаплас, – сказала Флёр. – Тем не менее мы можем отложить наш разговор на потом и сосредоточиться на наших дальнейших действиях по изменению прошлого, спасению исчезнувших людей и закупуриванию сумеречных зон.

– Согласен.

– Но прежде нужно что-то делать с этим, – Флёр провела рукой вдоль горизонта, а потом указала на тротуар, видневшийся в проходе между секциями строительного забора.

– О чем ты?

– Я не психолог, но, Лаплас, мне кажется, люди из настоящего не очень хорошо относятся к людям из прошлого.

Как раз в этот момент в сумеречную зону влетел пакет мусора, разбившийся как кегли небольшую горку из цветной упаковки, которая успела образоваться здесь за последние дни.

– Пламя загорается от искры, – заметила Флёр. – Это искра.

– Не понимаю, – сказал Ник.

– Видел того, кто бросил мусор?

– Да.

– Это не просто мусор, это целый пакет мусора. А это значит, что этот человек дотащил его от дома до сумеречной зоны, чтобы выбросить. Ненависть медленно поглощает твое настоящее, Лаплас.

Ник нахмурился.

– Но из прошлого тоже швыряются мусором! – возразил он.

– Нон. Мы же проводили эксперименты. Это невозможно. Так что люди из настоящего получают обратно свой собственный мусор.

Ник растерялся. Он знал, что Флёр права, но все равно пытался за что-то зацепиться, чтобы вина людей из настоящего не казалась такой однозначной.

– Ладно, в этом ты права, но землю вы все равно украли у нас.

Ник сходил с козыря. Ему бы быть довольным своим ответом, но что-то в этом разделении на «мы» и «вы» было неправильным.

– Я не буду спорить, Лаплас, – ответила Флёр. – Важно не это, а то, что люди в настоящем напряжены из-за сложившейся ситуации и ищут повод напакостить людям из прошлого. А это может привести к последствиям.

– А на что *вы* рассчитывали, когда забрали наши земли? Просто верните их, и все!

– Возвращаю. Забирай.

– Ээ...

– О том и речь. Это не зависит от меня.

– Ладно, о каких последствиях ты говоришь?

– Представь, что сумеречные зоны станут территориями для сведения счетов.

Ник задумчиво посмотрел на Флёр. Какого цвета у нее глаза, подумал он. Карие? Или может...

– Серые... – сказал он вслух.

– Что?

– Нет, забудь. Но, слушай, президент Байден заверил, что люди из сумеречных зон нам не враги. Никто никакие счета сводить не будет.

– Ты сам в недавнем прошлом назвал меня врагом, а у нас даже весовые категории разные. Ты правда думаешь, что проблемы нет?

Ник растерялся.

– Мой дедушка говорил, – сказала Флёр, – закрывая глаза, мы теряем больше, чем думаем, что обретем.

– Я не понял, что это значит, – проговорил Ник. – Но что ты предлагаешь?

– Прежде чем продолжать менять прошлое, я предлагаю опросить людей как в настоящем, так и в прошлом, чтобы выяснить, как они относятся к аномалии. Может, бояться преждевременно и от мусора до мордобоя еще далеко, а может, и нет. – После паузы Флёр продолжила: – Внезапная гражданская война может помешать всем нашим планам, и тогда мы будем думать не о том, как кого-то спасти, а как самим выжить.

– Война? – спросил Ник ошарашенно. – Не драматизируй.

– Напомню еще раз, только недавно ты назвал меня врагом.

Ник приоткрыл рот, но не смог ничего сказать.

– О том и речь, Лаплас.

– Ладно, согласен, твои опасения не беспочвенны. Опрос провести стоит. А что насчет дневника, тебе удалось расшифровать еще одну запись? Может быть, дневник подскажет что делать, если окажется, что худшего не избежать.

Флёр завела руки за спину и отвернулась.

– Не скажу, – сказала она.

– В смысле, – растерялся Ник.

– Встань на одну ногу.

Ник зачем-то послушался и встал.

– А теперь прыгни три раза, – сказала Флёр.

– Я не понимаю.

– Просто делай.

Ник прыгнул трижды.

– Зачерпни снег рукой и съешь, – Флёр обернулась, чтобы посмотреть.

– Что? – Ник встал на обе ноги. – Да что с тобой не так?

– Я просто хотела придумать тайное приветствие. У «Клуба тех, кого нет» было свое тайное приветствие. И у нас должно быть.

– Если для тебя это важно, может, будем просто чтить традиции и приветствовать друг друга как прежний клуб? Зачем придумывать свое?

– Они плевали друг другу на руки, а потом здоровались. Очень негигиенично и мерзко. Я, конечно, могу плюнуть тебе на руку, но вот если ты только подумаешь сделать то же самое, то шевалье Неккер за себя не ручается.

– Что?

– Я буду вынужден применить силу, господин Эрхарт, – встрял в разговор Альфред.

– Старик! Хватит подыгрывать ей, – огрызнулся Ник.

– Я хочу тайное приветствие, – сказала Элизабет.

– Давайте проголосуем. Кто за то, чтобы выбрать тайное приветствие? – спросила Флёр и подняла руку.

То же самое сделали Альфред и Элизабет. Ник в этом фарсе не участвовал.

– А кто за то, чтобы я читала дневник?

Только Ник поднял руку.

– Решено. Неккер и Мешен, подойдите ко мне.

Элизабет и Альфред послушно зашагали в сторону Флёр. Ник тоже направился к ней.

– А ты куда идешь, Лаплас? – спросила Флёр. – Иди на лавку позора! Бунтарь-революционер!

Ник махнул рукой и молча пошел к лавочке. Ему надоело сопротивляться глупости, которую творила Флёр. Он не мог понять принцип, по которому она расставляла приоритеты, и это его бесило. Сейчас она готова заниматься ерундой, а через пять минут будет с серьезным видом беспокоиться о какой-то надуманной гражданской войне и искать способ ее предотвратить.

«Странная», – подумал Ник.

Каждый из шевалье «Клуба тех, кого нет» предложил свой собственный вариант приветствия. Так, Элизабет показывала мотылька с помощью рук. Но кажется, у Альфреда был вариант поинтереснее. Он задирает нос и будто бы нес закуски на подносе, выглядя при этом как императорский пингвин. Элизабет подбегала к нему, подпрыгивала и хлопала по его ладони. Он смотрел на руку и таинственно кивал, словно получил неплохие чаевые.

Флёр нравились оба варианта, но особенно ей понравился вариант Дости, хоть он пока и не был шевалье, который она назвала «Найди свой хвост», но, к сожалению, вертеться на одном месте так долго никому из шевалье не удалось. Они все попадали на снег и рассмеялись.

Ник хмуро наблюдал за этим действием и ждал, когда же все это закончится. Но оно не заканчивалось еще как минимум полчаса, пока варианты приветствий не стали уж совсем абсурдными и в связи с этим не был выбран наиболее вменяемый способ из всех предложенных.

Флёр положила левую кисть на правую, оттопырив пальцы, и направила руки к небу. Это было похоже на цветок, тянущийся к солнцу. После этого она обеими ладонями отбила «пять» Элизабет и, склонив голову, приложила указательный палец к губам.

Это был салют подсолнуха.

К тому моменту как с отработкой приветствия было покончено, Ник успел задремать на лавочке. В те дни он часто засыпал где ни попадя.

– Рассказать тебе сказку на ночь? – сказала Флёр, ударив по козырьку бейсболки на голове Ника.

– Иди к черту, – огрызнулся Ник. – Я без тебя нормально сплю.

– Без сказки кошмары замучают.

– А вот и нет, – фыркнул Ник.

– А что тебе снилось? – не унималась Флёр.

Ник отвел взгляд и слегка покраснел.

– Ээ... допустим, кошмары, – ответил он. – Ты можешь быть серьезной?

– Маленький капризничает, – заметила Элизабет.

– Ути-пути, господин Эрхарт, – проговорил Альфред.

Ник вскочил со скамейки и указал пальцем на него.

– Хватит ей подыгрывать, старик! – сказал он. – Я не маленький!

Флёр смахнула снег с лавочки и села. Рядом с ней устроился Альфред с Дости на руках. Элизабет встала рядом с Ником.

– Сегодня я расскажу историю о том, как к шевалье де Солей присоединился Жак Неккер, – Флёр вынула из дневника листок с расшифровкой. – Это стало для нас обычным занятием – пару раз в неделю встречаться и проводить эксперименты в моем амбаре, – прочитала она. – В один из таких дней мы наконец-то застали крупного зверя – серого бродягу, но не того, которого я видела в прошлый раз. Он выглядел неряшливо и, кажется, был пьян. Мы следили за ним через наблюдательную щель в стене амбара, сменяя друг друга. И надо сказать, не все из его дел можно без стыда описать на бумаге. Пожалуй, я воздержусь от подробностей.

Он не заметил слежки. Позднее мы выяснили почему. Перед тем, как бродяга собрался уходить, мы отправили Мешена встретить его. Когда бродяга вышел из амбара, то даже не увидел, что перед ним стоял Мешен.

– И где же Неккер? – спросил Ник.

– Шевалье Мешен, будь добра, ударь Лапласа по кепке.

Элизабет подошла к Нику и сбила с его головы бейсболку.

– Зачем ты это сделала? – спросил он.

Элизабет указала пальцем на Флёр.

– Ладно, молчу, – проговорил Ник. – Продолжай.

– Сегодня к нам присоединился давний приятель Мешена по переписке Жак Неккер, бывший финансовый советник. Он приехал из Женевы по первому зову. Скучно ему там было без цифр. Когда Неккер вошел в гостиную моего дома, то первым делом спросил: «Что вы пьете, чтобы видеть серых людей?» – «Ничего», – ответила я, и он расстроился. Потом мы отвели его к амбару. Так четыре взрослых человека – я, Лаплас, Мешен и Неккер – поочередно подсматривали за бродягой.

– Хотел бы и я заглянуть во Францию восемнадцатого века, – заметил Альфред. – На пару бокалов.

– Мы устроили совещание у меня в гостиной, – прочла Флёр еще одну строчку из расшифровки дневника. – В тот же день с моей подачи мы объединились в клуб по интересам. Но наши интересы были слишком специфическими. Узнай о них церковь, у нас могли бы возникнуть проблемы. Не хотелось бы столкнуться с инквизицией. Едва ли кто-то из нас мог бы разумно объяснить, почему у меня в амбаре творится волшебство. Поэтому, чтобы обезопасить себя, наш клуб стал тайным обществом. А любому тайному обществу нужно было необычное название. Так появился «Клуб тех, кого нет».

На первом заседании мы сделали то, без чего не может существовать ни одно тайное общество. Мы разработали тайное приветствие. Было несколько вариантов, но в ход пошел

самый мерзкий. Его предложил Лаплас. Он подошел ко мне, плюнул себе на руку и попросил сделать меня то же самое, только со своей рукой. Потом мы пожали друг другу руки. А в конце он вытер ладонь о мое плечо, а я об его. Даже вспоминать мерзко.

Разобравшись с приветствием, мы обсудили следующие вопросы: как будет комплектоваться клуб в будущем? какими будут тайные слова клуба, чтобы тайно передавать информацию? каким будет тайный напиток клуба? какой будет тайная походка клуба?

В конце заседания мы вернулись к делам насущным. Неккер и Мешен практически одновременно предложили поговорить с серым бродягой. Операция была поддержана единогласно. Потом мы выпили тайный напиток клуба. Мне не понравилось.

– Как мы, – сказала Элизабет. – Но у нас нет тайной походки.

– Зато есть тайный напиток, – Альфред постучал по карману пальто, в котором лежала фляга.

– Да плевать на эти глупости, что было дальше? – спросил Ник.

– На сегодня сказка окончена, – ответила Флёр.

– Как так?

– Это все, что я расшифровала.

– Если бы ты не занималась ерундой, то давно бы уже все расшифровала.

– Кто это у нас опять капризничает? Неккер, у тебя есть бутылка молока для нашего плаксы?

– Увы, госпожа де Солей. Только тайный напиток. Но господин Эрхарт маловат для него.

И тут вдруг зарычал корги, а потом и громко залаял, то ли в знак солидарности, то ли по какой-то иной причине. Но Ник подпрыгнул от неожиданности и назвал собаку глупой. При этом он почему-то подумал, что не стоило при Дости зачитывать дневник. Мало ли что.

– Дости говорит «Ум», – перевела собачий язык Элизабет.

Все переглянулись.

– Что? – спросил Ник.

Тишина.

– Разгадка! – воскликнула Флёр.

– Нет-нет-нет! – тут же возразил Ник.

– Что тебе не нравится?

– Собака не может быть шевалье!

– Господин Эрхарт, почему вы так предвзяты к животным? – спросил Альфред.

– Дости не виноват, что он собачка, – заметила Элизабет.

Корги повернулся к Нику и заскулил, а потом убежал из сумеречной зоны, быстро перебирая своими маленькими мохнатыми лапками.

– Ты обидел его, Лаплас! – сказала Флёр. – Извинись!

– С меня хватит! – вспыхнул Ник. – Я не буду извиняться перед собакой! Элизабет, пойдем из этого дурдома. – Он взял Элизабет за руку и повел к выходу из сумеречной зоны. По пути в настоящее им под ноги кто-то швырнул мусор.

* * *

Было около восьми вечера, когда Ник перешагнул порог сервисного центра «Доктор Рок» – там как всегда гремела тяжелая музыка – он сразу же повернул налево, где стоял столик с печеньем, и рухнул на диван для посетителей.

– Эй! – возмутилась Рокс. – Проваливай отсюда, у меня тут не приют для бездомных животных.

– Спасибо, Рокс, – пробубнил Ник и уснул.

Джаред наблюдал за сценой, но никак не мог понять, почему его начальница не вышвырнет Ника из сервисного центра, как вышвырнула его в недавнем прошлом. Было в этом что-то несправедливое.

– Как будто ты у него в долгу, а не он у тебя, – предположил Джаред.

– Как будто... – тихо проговорила Рокс.

– Хэштег «афоризмы Фриза».

– За работу, болван! Хватит снимать сторис!

* * *

На следующее утро по пути в «Букер» Ника ждала необычная встреча. Он так погрузился в себя, что чуть не прошел мимо своих бывших одноклассников и не лишился теплого ностальгического разговора за чашкой кофе. А впрочем, Ник сбежал из школы не потому, что хорошо ладил с людьми. Так что кофе не было и приятных разговоров тоже.

– Эй, журнашлюшка, – послышался неприятный скрипучий голос позади Ника.

Знакомый голос.

Ник закрыл глаза и тяжело вздохнул. Нет. Успокоиться ему не удалось, как и почувствовать ностальгию по школе. В его голове вертелись лишь неприятные воспоминания, которые подсказывали ему, что сейчас произойдет.

– Я к тебе обращаюсь, Капитан Менструальный цикл!

Ник на мгновение сжал кулаки, а потом расслабился и обернулся. Перед ним стояли трое подростков в одинаковой одежде – черные брюки, черный пиджак и красная гавайская рубашка. У каждого из них над правой бровью красовалась татуировка – три черные точки.

Левее всех стоял высокий лысый парень. Такой мог сильно ударить, но главным он не был. Правее него находилась девушка с красными волосами. Она жевала жвачку и глупо улыбалась, как будто обкурилась. Главарем этого трио был парень в солнцезащитных очках, стоявший по центру. Тот самый обладатель неприятного голоса, который, судя по прическе, слишком часто смотрел фильм «Бриолин» с Джоном Траволтой в главной роли.

– Что тебе нужно, Фрэнки? – спросил Ник.

– Твоя сумка, безмозглый, – Фрэнки выхватил сумку у Ника и тут же бросил девушке справа. – Что там, Джесс? – спросил он.

– Как обычно, носит трусы своей покойной мамы, – Джесс передала сумку лысому парню, стоявшему рядом. – Посмотри, Дик, может, найдешь что-то интересное.

– Ого! – Дик изобразил удивление, но актером он был паршивым. – Да тут огромный черный дилдо. Я всегда знал, что ты из этих.

Ник закрыл глаза и глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

– Верните сумку, – произнес он. – В ней только мой рабочий ноутбук, к вашему сожалению.

– Тебя родители не учили говорить «пожалуйста»? – спросил Фрэнки все тем же противным голосом. – Ах да, у тебя же их нет!

Он рассмеялся.

Ник сжал губы и готов был врезать обидчику. Но травля в школе научила его тому, что против троих из-за обид идти не стоит. Причина должна быть посерьезнее. Пяти избиений в прошлом из-за вспыльчивости ему хватило, чтобы это понять.

– У тебя тоже, Фрэнки, – заметил Ник.

Наступила неудобная пауза.

– А теперь, пожалуйста, верни мне сумку, – продолжил он.

– Нет! – возразил Фрэнки, но как-то неуверенно. – Мало ли что у тебя в ноутбуке. Говорят, ты водишься с серыми. А они наши враги.

– Да! – поддержала Джесс. – Похоже, ты им сливаешь информацию.

– Крыса, – заметил Дик. – Подлая крыса!

– Послушайте, просто верните мне сумку, а то... – недоговорил Ник.

– А то что? – спросил Фрэнки.

– Посмотри туда, – Ник указал пальцем на камеру видеонаблюдения. – Я позвоню в полицию, и вас троих посадят за кражу.

После его слов Дик тут же бросил сумку на тротуар и отстранился. Послышался хруст. Он поднял руки вверх, словно бы и хватать ими ничего не умел, что уж говорить про сумку с ноутбуком.

– Я не хочу сидеть, – проговорил он. – У меня и так условное, Фрэнки.

– Ну ты и трус, Дик, – заметила Джесс и, сложив руки, изобразила цыпленка.

– Еще увидимся, лузер, – усмехнулся Фрэнки.

Он зашагал вперед по тротуару и, конечно же, не забыл наступить на сумку. Его друзья сделали то же самое.

«Черт, – подумал Ник. – Рокс меня убьет. Или уже убила и я просто попал в ад».

Но прежде чем Ник встретил разъяренную Роксану Гамильтон в сервисном центре на Тремонт-стрит, ему предстояла не менее приятная встреча с Кристиной Ковалевской в «Букере», на смартфон которой начали приходить странные сообщения. И это как раз совпало с тем моментом, когда Ник дал ее номер телефона своему знакомому Джареду Сендлеру.

– Давай сделаем вид, что это... – Кристина показала Нику экран телефона, где висело сообщение. – Всего лишь совпадение.

– Давай, – бодро согласился Ник и развернул бейсболку эмблемой назад.

– Не знаю, в чем дело, но за тобой должок.

– Подумаешь, кто-то тебе пишет: «В классике докачался до девятнадцатого уровня» и ставит смайлик. О чем он вообще?

– Об успехе в видеоигре World of Warcraft Classic, – Кристина закатила глаза. – Ники, если бы ты сказал сразу, в чем дело, то мне было бы все равно, но ты умолчал о последствиях. А это очень не красиво.

– Не было времени объяснять. Мне очень нужно было, чтобы Джаред кое-что сделал для меня.

– Это связано с сумеречной зоной?

– Ага, Крис. Именно с ней.

– Как я уже сказала, за тобой должок.

– Проси что хочешь, кроме Dragon Age 4. Тут я бессилён.

Кристина усмехнулась, а потом задумчиво посмотрела вверх, коснувшись пальцем губ. Сегодня она облачилась в черную кожу подобно Селин из фильма «Другой мир». Уж очень ей нравилось кино начала двухтысячных. Костюм придавал девушке мрачный вид, а ее улыбка с этими вампирскими клыками нагоняла страх на Ника. Особенно в тот момент, когда она прищурилась и посмотрела ему прямо в глаза.

Ник сглотнул и был готов, что сейчас ему прокусят шею, но случилось другое.

– Знаешь, моя мама приболела, я стала чаще ее навещать. Давно не виделись. Хотелось бы побыть с ней еще какое-то время, но в «Букере» сейчас столько дел, что я ничего не успеваю.

– Ты о чем?

– Меньше чем через две недели у нас проходит тематический фестиваль. Но проблема не в этом, а в том, что мне не хватает времени на крафт собственного костюма.

– Это ты к чему клонишь?

– Я подумала, что ты можешь помочь мне с костюмом.

– Скажу так, я не из тех, у кого сразу все получается. Я из тех, кто влипает в историю, а потом думает, как из нее выпутаться с наименьшим позором.

– Я знаю, но с этим ты справишься.

– Если ты уверена, что я справлюсь, то мне не о чем беспокоиться.

* * *

В проулке Чапман Плейс послышался какой-то ритмичный звук. Что-то билось о брусчатку.

Стук-стук-стук.

Ник посмотрел вглубь проулка и заметил Дости, который что-то тащил за собой. Он часто что-то приносит – в основном то, что люди теряли, – но обычно для Альфреда. Однако в этот раз собака пробежала мимо старика. Когда она приблизилась к Нику, то стало понятно, что у нее в зубах мешок. Ник с подозрением взглянул на мешок, а потом и на Дости, который остановился перед ним, оставив подарок, – корги радостно вывалил язык изо рта и начал бегать вокруг него.

Странно.

Ник присел, взял мешок и просунул в него руку. На ощупь предмет, лежащий там, был жестким, и у него прощупывались две большие дырки.

– Твою мать! – перепугался Ник и отбросил мешок в сторону.

– Что там, господин Эрхарт? – спросил Альфред, лежа на картонке.

– Череп!

– Ой, – сказала Элизабет, прикрыв пальцами рот.

Дости побежал за мешком и вновь принес его Нику.

– Отнеси это туда, где взял, – сказал Ник, но собака не послушалась и заскулила. Да и черт с тобой, подумал он.

Ник повернулся к Альфреду и спросил, узнал ли тот, как местные жители относятся к серым. Чтобы это выяснить, Альфреду пришлось полдня ходить по разным районам Бостона и подслушивать разговоры.

– Те, кто победнее, говорят прямо о ненависти к серым, – рассказал он. – Средний класс старается завуалировать свою неприязнь в более благородную форму.

– Они боятся.

– Не только. Они винят серых в том, что случилось. Некоторые винят их в своих финансовых проблемах. Кто-то обвиняет их в пандемии коронавируса, случившейся два года назад.

– Не мы же вторглись в прошлое. Конечно, они будут винить их.

– Местные ищут повод для драки: подкидывают мусор, камни, а иной раз даже используют сумеречные зоны как уборную. Им кажется, что таким образом можно что-то решить. Кто-то утверждает, что если дать знать серым, что мы будем сражаться за свои земли, то они уберут сумеречные зоны и вернут тех, кого они похитили.

– Черт. Значит, это все-таки искра.

Придя в сумеречную зону на Тремонт-стрит, Ник надеялся узнать, что на самом деле не только люди из настоящего пытаются разжечь конфликт. Было в этой мысли что-то неправильное, но принять тот факт, что агрессия исходит только от настоящего, он не мог.

– Это прозвучит удивительно, но в прошлом мало кто знает об аномалии, – сказала Флёр. – А те, кто что-то видел или слышал, предпочитают помалкивать, чтобы их не сочли за сумасшедших. Потому что встретить серого, значит встретить странного человека в гриме, а не совершить контакт третьей степени. Хотя уфологи развернули кампанию в связи с этим, но их никто всерьез не воспринимает.

– Ты хочешь сказать, что вы захватили нашу землю и даже не знаете об этом? – возмутился Ник.

– Ты серьезно думаешь, что кто-то в Бостоне прошлого нашел способ, как отнять землю у Бостона настоящего?

– Почему нет?

– Например, потому, что это бы значило, что людям из настоящего ничего не мешает отнимать земли у людей из 2039 года. В 2003 году, значит, есть технология вторжения в чужое время, а в 2022 году она утрачена?

- А ты не думала, что нет никакого 2039 года, потому что вы вторглись в наше время?
- Не люблю тебя хвалить, Лаплас, но иногда ты задаешь слишком правильные вопросы.

Ты точно не бурундук?

- Нет.
- Поэтому у тебя и нет девушки.
- Иди к черту.

Флёр задумалась на несколько секунд, а потом сказала:

– Что в итоге? Люди из настоящего злятся на людей из прошлого, но те даже не подозревают об этом.

- Значит, конфликт надуман, – предположил Ник.
- Нон. Ты не прав. Все гораздо хуже.
- Почему?
- Помнишь, я ударила тебя ногами в спину?
- Да, было неприятно.

– Потому что ты этого не ожидал. Внезапный удар всегда неприятен. Когда люди из настоящего перейдут к реальным действиям, это станет таким ударом. Трудно будет объяснить людям из прошлого, что люди из настоящего пришли с миром.

- Трудно объяснить и обратное.
- Вот именно!

Все это время, пока Флёр спорила с Ником, Дости пытался обратить на себя ее внимание. Он и лаял, и рычал, и за хвостом своим бегал, но не удостоился даже взгляда. Наконец он начал бегать вокруг Флёр с мешком в зубах. Она посмотрела на него. Даже погладить хотела, но заметила, как из мешка вывалился человеческий череп.

- Что за мерд! – вскрикнула Флёр и подскочила на месте.

Элизабет подбежала поближе к находке.

- Только не говори, что это красиво, – сказал Ник.
- Это череп, – заметила Элизабет. – Старый череп хомо сапиенса.

Флёр осмотрела череп, взяла его осторожно, покрутила на вытянутой руке, сделала два шага вперед и хотела уже бросить его как шар для боулинга напрямиком в Ника, но в последний момент передумала.

- Быть или не быть, – сказала она, смотря в глазницы в черепе.
- Что? – спросил Ник.
- Гамлет, Лаплас. Стыдно не знать.
- Книга, что ль?
- Уи.
- Я не очень люблю читать.

– Оно и видно.

Ник фыркнул, а потом сказал:

- Только не говори, что это предмет памяти.
- Разгадкой был ум, – напомнила Флёр. – И это правдоподобно. А череп – это то, где он находится.

– Ты хочешь сказать, что собака – новый шевалье?

– Месье Дости, как и ты, отгадал загадку и принес артефакт. Что тебе не нравится?

– Во-первых, за него отгадала Элизабет. А во-вторых, он притащил череп! Совсем наверняка в этом мешке когда-то была чья-то голова! Отрубленная голова!

– Может быть, и нет, может быть, это череп Антуана Портала. Он был врачом. Вполне мог после своей смерти отдать свой череп хранителю.

- Ну очень правдоподобно! – саркастично заметил Ник и похлопал в ладоши.

Чтобы доказать ему, что сэр Достоевский все-таки может быть шевалье, Флёр расшифровала с помощью ключа Портала слово одной из записей в дневнике.

– Так не бывает, – сказал Ник, но уверенности в его голосе совершенно не было.

– Бывает, если на нашей стороне демон Лапласа. Это не слепая вера и не судьба, это наука. Точный расчет. Тебе бы следовало радоваться, ведь чем быстрее мы узнаем историю «Клуба тех, кого нет», тем скорее ты сможешь выполнить свою миссию, а я – свою.

– Ладно, ты права... Вчера ты закончила читать дневник на моменте, когда Неккер должен был вступить в контакт с серым бродягой. Что было дальше? Тебе удалось расшифровать еще что-то?

– Уи, – Флёр взяла листок из дневника со своими записями и начала читать: – Неккер вошел в амбар, где сидел серый бродяга на пеньке. Он поприветствовал его. Бродяга предложил Неккеру выпить. Неккер согласился. А что ему оставалось? Жертва ради науки. Когда бродяга ушел, Неккер лежал на стог сена пьяный.

– Похоже на нашего Неккера.

– А чего он не пришел сегодня?

– Ну... Я дал ему двадцатку за сведения. Скорее всего он сейчас валяется на стог сена. Пьяный.

– Ясно. Бьен, продолжим. На следующий день вместо Неккера на переговоры пошел Мешен. Он тоже выпил с бродягой, но не сразу, поэтому ему удалось выяснить важную информацию. Бродяга утверждал, что сейчас якобы 2020 год. Мы не поверили ему. И тогда я с ним выпила. Когда я сказала, что сейчас 1785 год, он рассмеялся и назвал меня сумасшедшей, а потом сказал, что принесет в амбар что-то, что докажет его правоту.

Спустя два дня бродяга принес небольшую бутылку странной формы. Он сказал, что это шампунь и он его украл ради нас, точнее, ради науки. Шампунь нужен, чтобы мыть волосы. Мешен стал первым испытуемым и воспользовался этим средством. Удивительно, но его волосы стали невероятно чистыми. Это какая-то магия. Но это не магия, хотя бродяга не мог объяснить, как это работает.

Сегодня серый бродяга предложил нам провести эксперимент. Это стало неожиданностью для нас, потому что ученым он не был и не проявлял особого интереса к науке, если не нужно было ничего красть. И все же мы согласились. Бродяга сказал, что рано или поздно в нашем времени наступит 2020 год, поэтому было бы интересно попробовать передать что-то через время. Мы заинтересовались его идеей. И тогда он предложил нам закопать какую-нибудь монету, а он бы ее раскопал в своем времени. Мы сопоставили местность, и оказалось, что недалеко от амбара растет дуб как в 1785 году, так и в 2020-м. Под ним-то мы и закопали шкатулку с монетой.

– Они тоже пытались повлиять на время! – воскликнул Ник. – Правда, похоже, серый бродяга просто хотел подзаработать на продаже старой монеты, но все равно это невероятно. Мы идем по их пути. Это и пугает, и обнадеживает одновременно.

– Бродяга сказал, что нашел монету и потратил ее на виски, – продолжила читать Флёр. – Мы распили эту бутылку. Мне не понравилось: очень уж похоже на наш тайный напиток. Неккер начал приставать к курам. Мешен свалился после двух глотков. Лаплас предположил, что это было ожидаемо, и сам отключился.

– Все?

– Уи.

– Точно?

Флёр посмотрела в сторону.

– Шарль, точно? – спросила она. – Шарль говорит «Точно». А ему я доверяю как самой себе. Но только не по субботам. По субботам он какой-то странный. Знаешь, эти постоянные подмигивания, будто он на что-то намекает.

– Ты ненормальная, – заметил Ник в очередной раз.

– Быть нормальной скучно! У нормальных теории заговора даже идиотские. Взять тебя, по-твоему, кто-то в 2003 году придумал способ, как украсть землю из 2022 года. Seriously? Я что-то не заметила новых земель. Да никто не заметил. Ау! Где вы, земли?! Даже если вся твоя планета будет украдена моей, Лаплас, то люди из 2003 года вообще ничего не получают. Ничего!

Это звучало слишком логично, чтобы не согласиться. И Ник согласился, что в случившемся не все так просто.

– В любом случае, – сказала Флёр. – Мы не знаем, сколько уйдет времени на то, чтобы вернуть исчезнувших людей и закупорить так называемые сумеречные зоны. И лучше бы нам им запастись. Потому что если конфликт между прошлым и настоящим разгорится слишком быстро, то будет поздно что-то делать.

– Но если мы поспешим, то...

– А если мы не успеем, то...

– То жертв будет больше, чем мы спасем.

– Вот именно, наконец-то ты начал это понимать. Нам нужно не только отсрочить конфликт, но и снизить градус возможного противостояния. Мы должны рассказать людям из настоящего, что в прошлом живут не обезличенные чудовища.

– Пришельцы.

– Что?

– Люди настоящего думают, что в сумеречных зонах живут пришельцы из далеких миров, которые не первый раз посещают Землю.

– Ясно. Им нужно объяснить, что это не так. Что до людей из прошлого... я даже не знаю. Хорошо бы, чтобы они узнали об аномалии. Тогда возможное нападение настоящего на прошлое будет прогнозируемым, а не внезапным.

– И что ты предлагаешь?

– Не знаю.

– Тоже мне предводитель секретного общества.

– Эй, – Флёр обратилась к Элизабет. – А ты что думаешь об этом, Мешен?

Элизабет в это время подбирала мусор возле границы, складывая его в мешок из-под черепа. Дости бегал рядом и помогал ей. Она оглянулась, посмотрела на Флёр, а потом указала на себя пальцем.

– Праздник объединяет людей, – робко проговорила она.

Ник ждал, когда Флёр что-то скажет. Подкинет идею, сформулирует план действий. Да хоть что-нибудь. Но она сказала лишь «Оревуар» и ушла из сумеречной зоны, махнув рукой.

* * *

– Она все время так делает, – Ник ударил кулаком по полу. Звук получился глухой.

Но, похоже, этот эмоциональный всплеск совсем не заинтересовал продавца из «Комикопии», он лишь лениво перевернул очередную страницу комикса «Блэксэд» с изображением антропоморфного кота на обложке. А вот посетители начали перешептываться.

– Трудно понять, насколько она вообще серьезна. И я говорю «она», потому что она даже имени своего не назвала. Глупо. Трудно доверять человеку без имени, и уж тем более серому.

Джим поправил очки, а потом бросил взгляд, полный презрения, на Ника.

– Эй, нытик, ты покупать что-то будешь? – спросил он. – Или пришел сюда только поплакаться?

– Я же купил «Нюка-Колу».

– Здесь не кафе.

– Ладно, дай мне магнит с Черной Вдовой.

– С тебя пять баксов.

– Дороговато.

– Ты просто мало зарабатываешь.

Ник нехотя положил купюру на прилавок.

– Но проблема не в ней, – продолжил он. – А в людях, которые могут помешать мне... точнее, нам вернуть исчезнувших. Общество напряжено, и кто знает, во что это выльется.

– Ксенофобия – часть человеческой сущности.

– Но даже у нее должны быть пределы.

Джим усмехнулся, то ли потому, что прочел смешной момент в комиксе, то ли потому, что услышал что-то забавное.

– Однажды мудрец спросил у злого человека: «За что ты ненавидишь евреев?» – произнес он, не отрываясь от комикса. – И тот перечислил все стереотипы, которые знал, и несколько только что придуманных. Мудрец улыбнулся и ответил, что это не точные данные, что их нельзя применить на всех евреев, а потому это глупо, ненавидеть кого-то на национальной почве. Потом мудрец спросил: «За что ты ненавидишь черных?» – и вновь услышал неточную информацию, стереотипы и выдумки. Злой человек почувствовал себя глупым.

– Ты о чем вообще? – Ник сделал глоток из бутылки. – Я бы на твоём месте установил здесь кофемашину.

– Но ты не на моем месте. Тебе повезло.

– Что?

– Мудрец сказал: «Наука научила нас читать, и как мы этим распорядились? Разучились видеть». Он был добрым человеком, который не испытывал ненависти, мудрецом, который мог рассудить любой спор. Но однажды в деревне появился человек с обожженным лицом. Этот человек был добр ко всем, но из-за внешнего уродства его поначалу обходили стороной. Мудрец сочувствовал ему, даже помог найти жилье и работу.

– Слушай, Джим, я не понимаю, зачем ты мне это рассказываешь. – Ник взял вторую бутылку со стеллажа и положил деньги на прилавок.

Джим продолжил рассказывать историю даже тогда, когда к нему подошел клиент с книгой комиксов в руках.

– Человек с ожогами со временем стал своим в деревне. (Оплата картой?) Ежедневно убирая улицы, он много общался с местными жителями, рассказывал им о хороших поступках, которые совершал в прошлом, говорил, как решал чужие проблемы и так далее. (Пакет нужен?) А позже люди и сами начали обращаться к нему за советом. Прямо на улице. (Всего доброго, приходите еще). Это было удобнее, чем ходить к мудрецу, который принимал нуждающихся только у себя дома в определенные часы. Так в деревне появилось два мудреца. И жили они долго и счастливо. Конец.

– Подожди, разве так бывает? – Ник наконец-то начал улавливать смысл истории.

– Конечно же, нет. Мудрецу стало некомфортно жить в деревне, где есть конкурент. Но он был добрым и мудрым, а потому ничего плохого сделать не мог. Он решил сам поговорить с человеком с ожогами, обсудить морально-этические вопросы, да подумать о сотрудничестве на благо деревни. Когда они поговорили, то мудрец кое-что понял о своем оппоненте. И хоть лицо у него было обожжено, но по анатомическим признакам он оказался точной копией мудреца. У них были одинаковые голоса, одинаковая походка, одинаковая артикуляция. Глаза, и те одинаковые. И конечно же, идеи. «Ты – это я», – подумал мудрец. Они оба это поняли и объединили усилия, чтобы деревня жила счастливо. Конец.

Ник допил бутылку «Нюка-Колы» и взял следующую.

– Мне почему-то кажется, что у этой истории тройное дно, – сказал он.

– Верно, – ответил Джим. – Мудрец подумал: разве хорошо, когда у тебя есть копия? Ведь копия появляется лишь для того, чтобы отобрать у тебя половину жизни. Копия не уникальна, копия не привносит ничего уникального в мир. Наоборот, копия вредит миру, копия создает парадокс.

Мудрец долго думал об этом и в конце концов нашел решение. Он пригласил на чаепитие человека с ожогами. Тот отпил из чашки и умер. В чай был подмешан яд. Мудрец подумал, что скоро все вернется на свои места, ведь парадокс разрешен. Теперь вся деревня вновь будет ходить только к нему за советом. Но минутой спустя он сам умер. Человек с ожогами обдумывал это убийство так же, как и мудрец. Они были одинаковые. Как тебе такая ксенофобия?

– Ээ... Ты намекаешь на то, что люди настоящего и люди прошлого дойдут до убийств?

Но Джим не ответил.

– Расслабься. Никто не умрет, исчезнувшие вернуться, а сумеречные зоны, наоборот, исчезнут задолго до возможной катастрофы. А если и нет, то уж найти способ примирить людей не составит труда.

– И как ты собираешься предотвратить возможное столкновение людей?

– Ну я пока не придумал, – пожал плечами Ник. – Нужно как-то донести до них, что по ту сторону – мы из прошлого, а не клингоны.

– Президент Байден сразу сказал, что враждовать не с кем и незачем. Там друзья. Это не очень помогло.

– Да, только факт в том, что мы лишились своей земли, а президент ничего с этим не сделал и ничего не объяснил, породив кучу слухов. Думаешь, это успокаивает кого-то?

– Вряд ли.

– Вот именно. Нельзя просто приказывать дружить, тем более так, инициатива должна возникать снизу.

– Ты работаешь в желтой газетенке. Как раз в самом низу. Может, попробуешь использовать это?

– Эй! – возмутился Ник. – А вообще-то неплохая мысль. И вот еще что...

Джим вопросительно приподнял бровь.

– Где мой магнит?

* * *

Ник больше не ночевал в сумеречной зоне, в кафе, на автобусных остановках и не шлялся по городу до утра. Правда, и домой он не вернулся. Да и как тут вернуться, когда возможность спасти родителей стала осязаемой? Казалось, теперь это вопрос времени. Ник уже представлял, как идет вместе с отцом и матерью к дому №10 на Дегаутьер-уэй, стучится в дверь и ждет, когда выйдет Тони. И вот Тони выходит и понимает, как сильно он ошибался. Но пока этого не произошло, Нику приходилось ночевать в сервисном центре на диване для гостей.

Рокс вскрывала корпус очередного смартфона, какого по счету, она и думать не хотела. Закончив менять дисплей, она обернулась, чтобы посмотреть, как там Ник. Он тихо спал на диване.

Взгляд Рокс опустился ниже – на полу лежала сумка, из которой виднелся ноутбук с вмятиной на корпусе. Она зажгла сигарету и затянулась, а затем тут же ее затушила и бросила в практически пустую пепельницу.

– Опять сломал, – тихо проговорила Рокс. Она встала из-за стола и зашагала к Нику, стараясь не наступать на металлические контейнеры с запчастями, которые сама же и раскидала по полу.

– Ау, – прошептала Рокс, случайно наткнувшись на один из контейнеров.

Ник выглядел совсем измотанным, как будто не спал несколько дней.

«Бедняга», – подумала Рокс. Она взяла плед с полки одного из стеллажей, а потом накрыла им Ника.

– Сладких снов.

* * *

Продрав глаза ранним утром, Ник оглянулся и увидел, что Рокс спит за столом.

– Не стоит из-за работы убиваться, Рокс, – усмехнулся он, а потом улыбка исчезла с его лица, оставив место для печальной гримасы.

На столе лежал его исцарапанный ноутбук.

– Ты мне ничего не должна. Я просто сделал то, что сделал...

* * *

Придя после работы в сумеречную зону на Тремонт-стрит, Ник совершенно не рассчитывал, что вместо того, чтобы заниматься делом, будет смотреть, как Флёр и Элизабет катают снежные комки под веселый лай сэра Достоевского, чтобы сделать подружку для снеговика.

– Твою же мать, – выругался Ник.

Флёр перестала катать ком как раз рядом со снеговиком. Первый готов. Она указала Элизабет, чтобы та катила свой ком к ней. Они вместе его закинули. Второй готов. Остался последний.

– Эй, ну нельзя же так, – сокрушался Ник. – В мире беспокойно. Как можно тратить драгоценное время на... на это?

В ответ Флёр швырнула снежок Нику в голову, он попятился и шлепнулся на землю.

– Нет смысла спасать мир, если это, – Флёр указала на Элизабет, катающую маленький ком снега, – незначительно.

– Не говори глупости, – Ник стряхнул снег с лица и поднялся с земли. – Ты серьезно считаешь, что снеговик не может подождать?

– Когда придут *они*, то ты иначе заговоришь.

– Как снеговик может защитить нас от *них*?

– Снеговик не сможет, но его дети и дети его детей выстоят против зла. Поэтому у нас два снеговика. Они будут спариваться, когда мы уйдем.

– Что. За. Чушь?!

Но Флёр промолчала. Она еще некоторое время улыбалась, смотря, как Ник злится, а потом побежала к Элизабет вносить последние штрихи в их творение.

«Какого черта?» – подумал Ник.

– Это объединяет, – сказала Флёр, когда подружка снеговика была готова.

И все равно Ник сидел на лавке и упрямо не понимал, о чем идет речь. Ему требовалось пояснение. И он его получил.

– Скоро Рождество, Лаплас. Все в этой стране любят Рождество, даже те, кто не верит. Такие, как ты.

– И что с того?

– У нас есть сцена и хорошее настроение.

Ник развел руками.

– Мы пригласим сюда людей из настоящего и прошлого. И я для них спою! – сказала Флёр и сжала руку в кулак. – Все услышат, какая я очаровашка, и тогда оба президента Америки пожмут друг другу руки и наступит мир.

Элизабет завороченно смотрела на Флёр, словно увидела своего кумира вживую.

– Хочу услышать, – сказала она.

– Услышишь, – усмехнулась Флёр.

Ник откинул голову и посмотрел в небо, а потом сказал:

– Если ты поешь так же, как делаешь все остальное, то люди, забыв о различиях, пережут друг друга, лишь бы больше не слышать твой голос.

На этот раз ему в голову прилетело аж два снежка, а Дости громко залаял.

– Ладно, это хорошая идея, – согласился Ник. – Только на этот концерт никто не придет. Нужен кто-то, кто знаменит своей музыкой, а не проблемами с головой.

* * *

Мистер Келлерман протер защитное стекло хоккейного шлема на своей голове, а затем несколько раз поморгал, прежде чем высказать замечание.

– Такой пафосной пропагандистской херни я не читал уже давно, Ники-малыш, – сказал он. – А я работаю редактором уже пятнадцать лет. Даже слабоумный Билли так не писал, а он, на секундочку, играл целыми днями в Dota 2. Надеюсь, ты не играешь в нее?

– Нет, сэр, – Ник замотал головой.

– Жаль, а то я подсел на нее недавно.

– Ээ...

Мистер Келлерман зажег сигару, затянулся, а затем поджег от нее листок бумаги с распечаткой статьи и бросил ее в пепельницу.

– Перепиши! – рявкнул он. – И чтобы не было этого бреда про дружбу, равенство и братство. Ты коммунист, что ли?! То-то ты носишь красный браслет на руке. С серпом и молотом, небось? И где, кстати, твоя помощница? В Гулаге?

– Сэр, сейчас суббота.

– У нее шабат?

– Нет, у нее выходной. Как и у меня, кстати.

– Что? А что ты тут делаешь тогда?

Мистер Келлерман осмотрел свой кабинет, он все больше походил на комнату студента. Кругом были мусор, упаковки от готовой еды и бутылки.

– Вы позвонили мне вчера посреди ночи и сказали, чтобы я пришел и сдал статью.

Мистер Келлерман виновато почесал щеку, заросшую щетиной.

– Не помню, – сказал он. – Но утром бутылка была пуста. Кто-то ее выпил, но кто?

– Вы бы прекращали жить в офисе, пить коньяк, играть в Dota 2 и возвращались бы уже к семье, – проговорил Ник.

Мистер Келлерман ударил рукой по столу.

– *Никогда!* – прокричал он.

Ник остолбенел. Похоже, тема, которую он поднял, была слишком болезненной для редактора. И лучше было поскорее ее сменить.

– Я могу переписать статью, сэр, но разве вы не видите, что напряжение в обществе растет. Мы обязаны делать все, чтобы подавить это, иначе не избежать катастрофы.

Мистер Келлерман залился смехом, откинувшись на спинку кресла. От хохота у него чуть сигара не выпала изо рта. А потом он вновь стукнул рукой по столу, чтобы это все-таки прекратить. Но удар получился слишком сильным, отчего стакан с коньяком завалился набок и все его содержимое разлилось.

– Смешная шутка, сынок.

Ник озадаченно смотрел на своего начальника, совершенно не понимая, почему тот смеется.

– Мы живем в быстром, токсичном мире, Ники-малыш, где общество само создает конфликт даже там, где его никогда не было. С этим бороться бессмысленно. Что до СМИ, то мы просто удовлетворяем спрос. Если ты думаешь, что журналистика прогнила, то просто оглянись по сторонам. Кругом лицемеры.

– Вы не понимаете! – повысил голос Ник. – Я знаю, как вернуть исчезнувших!

– Если бы это было возможно, то это бы давно сделали.

– Кто? Военные? Президент Байден? Да им плевать на людей. Для них мы всего лишь статистика в отчетах. И вы это знаете лучше меня.

– Может, и так, но ты серьезно думаешь, что ты избранный, который всех спасет?

Ник пожал плечами.

– Это не кино, Ники-малыш. В кино у меня была бы сексуальная секретарша, с которой я бы изменял жене, и из-за этого мой брак развалился бы, а дети меня возненавидели. А в жизни из-за сраной работы я ночую на сраной работе. И секретарша не очень.

Мистер Келлерман аж вздрогнул от этой мысли.

– Я перепишу статью, – безразлично проговорил Ник. – Всего доброго. – Он развернулся и направился к выходу.

Ник думал, что мистер Келлерман поможет ему. В конце концов, тот был пьян. Попытаться стоило. Но, очевидно, на газету полагаться было нельзя. Оставалось надеяться, что идея с концертом окажется куда более удачной.

* * *

– Нам нужно затащить на сцену кого-то очень крутого, чтобы привлечь как можно больше людей, – сказала Флёр и задумалась. – Кого-то вроде Linkin Park, они сейчас очень популярны, – продолжила она. – Везде слышу их песни. Особенно в своем плеере.

– Из прошлого или из настоящего? – уточнил Ник.

– Я думаю, нужны обе группы.

– Ладно. Но во-первых, они не станут выступать на улице перед десятком человек, а во-вторых... – Ник сделал паузу. – Тебе они сильно нравятся?

– Я их обожаю, это лямур⁹ с первой ноты, а что? – ответила Флёр.

– Ну... – Ник отвел взгляд в сторону. – В 2017 году их фронтмен покончил с собой. Группа фактически распалась.

Флёр приоткрыла рот и так бы, наверно, и сидела, если бы Ник не начал щелкать пальцами перед ее лицом. И все-таки зря он ей это сказал.

– Ты врешь! – воскликнула Флёр.

– Увы, но нет, – осторожно проговорил Ник. Он хотел похлопать ее по плечу, даже занес руку, но тут же отвел ее.

– Грустно теперь. Надо поплакать, но при тебе не могу этого делать.

– Почему не можешь?

– Потому. И да, у нас проблема.

– Да, на музыкантов нельзя положиться.

– Бьен, тогда, может, Evanescence?

– Ээ... – Ник опять отвел взгляд.

– Только не говори мне, что Эми Ли умерла! Не смей!

Флёр приблизилась к Нику так, что их носы чуть не столкнулись. Ник смутился и начал отстраняться. Уж очень сердитый взгляд был у Флёр. Ему даже показалось, что она думает, что это от него зависит, кто умрет в будущем, а кто нет.

– Нет-нет, она жива. Расслабься. Но как же сильно удивятся все участники Evanescence, когда увидят, что в 2022 году они уже не участники группы. Очень неудобно получится.

– Они, что ли, все погибли?!

– Нет.

– А Бен вернулся?

– Кто?

– Бен Муди – первый гитарист группы.

– Последний раз, когда я писал о них заметку, у них на гитаре играла какая-то девушка.

– Он погиб?!

Ник достал смартфон, а потом вышел из сумеречной зоны, чтобы ловила сеть.

– Бен жив, – вернувшись, сказал он.

– А они играли вместе хоть раз с 2003 года? – спросила Флёр.

---

⁹ Любовь [L'amour] (пер. с франц.).

- В Википедии на счет реюниона ничего не видел, так что вряд ли.
- Лез-амбесиль, – подытожила Флёр, скрестив руки на груди.
- Пожалуй, – согласился Ник, догадываясь, что это значит что-то плохое.
- Ну серьезно. Лез-амбесиль. Как можно дуться девятнадцать лет подряд? Ну как?
- Упрямо.

– Это глупо. Основателям группы нужно держаться вместе. Как делают Туомас, Эмппу и Тарья из Nightwish.

- Тарья? Это та, у которой уже сто сольных альбомов вышло?
- Ты на что намекаешь?
- По-моему, ее выгнали из Nightwish много лет назад.
- Ты мне врешь!

Разговор о музыке продолжался еще какое-то время, а количество отбракованных Ником групп лишь увеличивалось и увеличивалось. В конце концов он заявил, что рок-музыканты – не самые надежные люди и, может быть, стоит присмотреться к кому-нибудь еще.

- Как же ты достал! – возмутилась Флёр. – Сам хоть что-нибудь предложи!
- Все мои мысли сейчас о том, как вернуть сотни исчезнувших людей, – попытался оправдаться Ник.

– Если мы не найдем группу, то, возможно, спасти придется самих себя, а не кого-то еще. Об этом не забывай.

– Ты права, конечно, но я даже не знаю, кто бы нам подошел, я не слушаю такое старье вне работы.

- Тогда вернемся к первоначальной задумке и петь буду я одна.
- Во-первых, это бессмысленно. А во-вторых, зачем тебе это нужно?
- Нам.

У Ника расширились глаза от удивления.

- Что значит нам? – спросил он.
- Ты тоже будешь петь, – ответила Флёр. – Разве я не говорила?

Ник поднял руки и покачал головой.

– Нет-нет-нет.

– А ты как хотел? Если мы хотим объединить людей, то на сцене должны быть представители как прошлого, так и настоящего. Как звезды, которые привлекают толпу, так и простые люди вроде тебя и меня, которые донесут до них мысль, что проблема существует, но мы не враги и нам незачем ссориться.

– Ого! – Ник замолчал на секунду. – А ты реально все продумала. Так вот зачем тебе нужны были группы из разного времени. Но в любом случае я не пою, давай я просто найду какого-нибудь певца, который согласится.

– Отвечать за него тоже ты будешь?

Ник не понравился этот вопрос. До этого момента он как-то не думал, что концерт может и не сработать, а последствия для того, кто выйдет на сцену, могут оказаться плачевными. Вспомнить хоть его недавнюю встречу с бывшими одноклассниками. Не сильно-то они были рады интересу Ника к сумеречной зоне.

- Ты права, но пойми, я не умею петь. Совсем.
- Да расслабься, мне нужен всего лишь бэк-вокалист.
- Ты, кажется, не расслышала, я совсем не умею петь!
- У тебя есть время научиться.
- Не думаю, что это возможно сделать за... у тебя сейчас какое число?
- Третье декабря.
- За три недели с небольшим нельзя научиться петь!

Флёр ободряюще похлопала Ника по плечу и зашагала в сторону разрисованной кирпичной стены. Одна из надписей на ней гласила: «Ее королевство грез», чтобы это ни значило.

– Расслабься, Лаплас, Байи тебя научит, – сказала она. – Он мастер в таких делах.

– Кто? – спросил Ник.

– Что кто?

– Кто такой Байи?

– Мне откуда знать?

– Ээ... Ты сказала, что он меня научит петь?

– Совсем амбесиль? Я сама тебя научу.

– Ээ... Я могу отказаться?

– Не можешь. И ты это знаешь.

– А если меня стошнит на сцене?

Флёр махнула рукой на прощание.

– Тогда ты опозоришься не только в настоящем, но и в прошлом. Приходи завтра после работы.

– Я не работаю завтра.

– Но прийти все равно можешь. Буду ждать тебя в девять вечера. И не забудь найти крутую группу, которая бы и в прошлом, и в настоящем была актуальна. Оревуар.

Флёр прошла сквозь стену и исчезла.

– И как я это сделаю? – спросил Ник и почувствовал себя очень маленьким и беспомощным человечком. У него же ни связей не было, ничего. Но разве спасти людей будет проще, чем затащить старую группу на сцену?

* * *

Следующим утром Ник поднялся с дивана после очередного беспокойного сна, потянулся и зевнул. Он посмотрел направо, Рокс не сидела за рабочим столом, но ему все равно было немного стыдно, что он ее обременяет. С этим нужно было что-то делать. Но кроме этого...

– Работа, тайный клуб, пение, косплей, поиск группы, спасение людей и, конечно же, помочь ненормальной победить их, – проговорил Ник себе под нос. – Как так вышло?

* * *

В связи с проведением летнего фестиваля «Букер» превратился из милого косплей-кафе в место средоточия хаоса, суматохи и бесконечных возгласов «Я не успеваю» среди всех работников заведения.

Войдя внутрь, Ник заметил, что помещение начало меняться, где-то в мелких деталях, а где-то в крупных, как, например, в том месте в углу, где всегда сидел он. Теперь там стояли массивный деревянный стол и стул, взятые из интерьера старой-старой таверны.

– Что в этом году? – спросил Ник, встретив Кристину по пути к своему столику.

Она все еще была в образе Селин из «Другого мира». Ей так шел этот костюм. И все еще фальшиво улыбалась.

– Ван Хельсинг, – ответила Кристина.

– Звучит как Ван Хален.

– Кто?

– У меня тот же вопрос.

– Старенький фильм про вампиров и оборотней, который я обожаю.

– Ясно.

– Теперь ты.

– Старенькая музыкальная группа про наркотики, секс и рок-н-ролл, которую я не слушаю.

– Ясно.

Когда Ник уселся на привычном для себя месте, его внимание сразу же привлек швейный набор, лежавший на краю столика, и, как ему показалось, какая-то ткань, а может быть, и элемент одежды. Точно сказать он не мог.

– Это что такое?

– Просто бархатный пиджак, – ответила Кристина. – Видишь контур рисунка на нем?

– Ага.

– Я начала делать вышивку... Но как же это утомительно, поэтому ее продолжишь ты.

– Что?

– Я, может быть, и не просила бы тебя, но Ники, твой дружок мне начал писать сообщения двоичным кодом. Он сказал, что нам пора перейти на новый уровень. А за это кто-то должен расплатиться.

– Он просто восхищается тобой. Джаред ни с кем больше не общается так, будь уверена.

Кристина нахмурилась.

– Да расслабься, Крис, – Ник сплел пальцы вместе и улыбнулся. – Я сделаю то, что ты хочешь. И в конце скажу спасибо.

– Это вряд ли, – сказала Кристина.

– Почему?

– Узнаешь, когда будешь делать.

Улыбка исчезла с лица Ника.

– Короче, слушай. – Кристина указала пальцем на вышивку. – Смело прошиваешь дальше по рисунку. Но имей в виду, что при загибе некоторой ленты требуется меньше, чем в центре, а другой, на краю, наоборот, больше. Так и дается сгиб.

– Я понял, а ничего, что я никогда не делал ничего подобного?

– Ничего. Здесь трудно сделать что-то не так. Да и не выглядишь ты человеком, у которого из рук все валится.

– Я раньше рисованием и оригами занимался, – заметил Ник с некоторой гордостью. Это были одобренные «Планом жизни Ника Эрхарта» увлечения. Поэтому он их в конце концов и бросил.

– О! Это тоже пригодится. Но не сейчас.

Ник поднял указательный палец вверх и приоткрыл рот, чтобы что-то сказать, но одумался.

Кристина показала ему, как делать вышивку – у нее это так ловко получалось – а потом ушла по делам.

Ник остался наедине с иглой и пиджаком. Он попробовал повторить то, что делала его подруга пару минут назад, но несколько раз укололся и ему это не понравилось.

«И зачем я это делаю?» – подумал Ник, как вдруг его телефон зазвонил.

«Кому я нужен в такую рань, да еще и в воскресенье?»

На экране смартфона горела надпись «Редактор».

Ник цокнул языком и застонал.

«Опять напился, – подумал он. — Да сколько можно?»

– Да, – Ник все-таки ответил на звонок в надежде, что он ошибался.

– Срочно! – прокричал мистер Келлерман. – Одна нога здесь, другая там! Какая нога? Что я несу, короче, выезжай в «Таверну Буковски»!

– Послушайте, сэр, я не поеду покупать вам пиво с вашими любимыми куриными тендерами. Больше никогда!

Ник услышал, как его начальник вздохнул. В этом было что-то приятное.

– Ладно, – сказал мистер Келлерман. – Попробовать стоило.

– Всего доброго, – ответил Ник и уже собирался сбрасывать вызов, как...

– Постой, – вдруг опомнился мистер Келлерман. – Я не затем звонил. О «Таверне Буковски» можно сделать хороший материал.

– Сейчас воскресенье, сэр. У меня выходной.

– Формально ты прав, Ники-мальш, но я думаю, тебе будет интересно, что этот бар находится в сумеречной зоне и там случилось кое-что между нами и ими.

– Уже еду, – без капли иронии сказал Ник.

– Отлично. Я всегда говорил, что ты лучший сотрудник «Бостон Дей».

– Вы никогда такого не говорили, сэр.

– Но думал именно так! Ты точно лучше Престона.

– Он уборщик.

– Лучший уборщик! И ты лучше него.

– Но, сэр, вы уволили его две недели назад.

– Оу. Неудобно вышло.

– Увидимся в понедельник.

– Постой, можешь по пути захватить «Будвайзер» и куриные тендеры? Только темный, оригинал не бери...

Ник сбросил вызов. И его взгляд переместился на ткань с вышивкой. Недалеко он продвинулся в новом увлечении. Недалеко. Но нужно было бежать.

Ник встал из-за стола и направился к выходу. Мимо него прошла одна из официанток в костюме Триш из видеоигры Devil May Cry.

– Эй, Эмилия, – сказал он.

– Да?

Ник указал пальцем на столик.

– Ничего не трогай там, я скоро вернусь.

Эмилия пожалала плечами и зашагала к столику, где сидело какое-то уж очень упитанное семейство. Стулья под ними нехорошо себя чувствовали.

* * *

Возле бара на Далтон-стрит, более известного как «Таверна Буковски», собралось человек двадцать. Люди стояли на проезжей части и выкрикивали «Бей их!» и «По морде за свободу!», проезжающие мимо автомобили одобрительно сигналили.

Ник прибыл к заведению через пятнадцать минут после того, как вышел из «Букера». На его глазах из бара вылетел человек.

Хорошее начало.

На табличке, которая стояла возле входа, было написано мелом: «Придуркам вход нежелателен, но если есть деньги, почему бы и нет».

Через открытую дверь было видно, как в узком коридоре несколько человек из настоящего дерутся с десятком из прошлого. Совсем наверняка они представляли себя спартанцами, заманившими в ущелье персидскую армию. Шансов у них было немного. Особенно учитывая, что уличная толпа, вопящая «Бей их», никак не помогала.

– Эй, что здесь происходит? – спросил Ник, конкретно ни к кому не обращаясь.

Мужчина в синей бейсболке с надписью «Бостон Ред Сокс» ответил:

– Они начали швырять свой мусор на наш тротуар. Мы ответили за дерзость.

– Но... – сказал Ник, однако решил, что пускаться в объяснения будет глупо. Да и сам он был глуп, потому что говорил ту же чушь в прошлом, но Флёр в тот день напомнила ему, что в настоящее можно выбросить только мусор из настоящего. Это значило, что люди из прошлого вернули то, что принадлежало людям настоящего, не более того. И возможно, это произошло совершенно случайно.

«Пламя загорается от искры».

Ник пробрался сквозь толпу, как делают это в фильмах, повторяя одну фразу: «Пропустите, пожалуйста», словно это какой-то пароль. Он думал, что войдет в бар и сможет всех успокоить, но, оказавшись у двери, увидел, как последние три бунтаря вылетели из коридора напрямик на тротуар. В СМИ их назовут – побитые, но не сломленные.

Когда Ник сделал шаг в направлении бара, его кто-то схватил за руку. Он обернулся и увидел того самого мужчину в бейсболке.

– Лучше не ходи туда, пацан, – предупредил он и сплюнул на ту часть тротуара, которая находилась в сумеречной зоне.

– Но я просто хочу объяснить, что это все недоразумение, – проговорил Ник.

– Если не хочешь получить по лицу, то мой тебе совет, подожди пару дней.

Ник подумал, что незнакомец прав. Не говоря уже о том, что своим вмешательством он сам мог спровоцировать новый конфликт, который мог перерасти в тот самый внезапный удар, о котором предупреждала Флёр.

– Они вернули наш мусор, – сказал он.

– Это неважно, – ответил мужчина в бейсболке. – Они отняли у нас землю.

– Возможно, у них не было выбора.

– Возможно, у нас тоже его нет.

Постепенно толпа начала расходиться, и только Ник стоял до последнего. Он смотрел в открытую дверь – в коридор, где случилась драка, и понимал, что это только начало и что он ничего не смог сделать. Как же он собирался спасти людей, исчезнувших непонятно куда, если даже это ему не под силу?

– Черт, – выругался Ник и закрыл глаза на секунду, а когда открыл, то увидел, что в коридоре появился человек в шляпе.

Ник усмехнулся, вспомнив Флёр и ее рассказы про некоего преследователя.

– А вот и твой Тот, кто ищет, ненормальная.

Но чем ближе этот светловолосый мужчина приближался к выходу, тем менее абсурдной становилась озвученная Ником мысль.

Человек в шляпе был облачен в плащ, и все бы ничего, если бы воротник его рубашки не выглядывал из-под... бронежилета.

Он не мог видеть Ника, хотя стоял в трех футах от него. Зато Ник мог внимательно рассмотреть незнакомца. На его уставшем лице виднелись шрамы, возможно, от ножей. Сказать было трудно, но создавалось впечатление, что этот человек вернулся с войны.

Мужчина достал пачку сигарет, вытащил из нее одну сигарету и закурил.

– Я найду тебя, – тихо сказал он перед тем, как уйти.

И тут Ника пробрала дрожь. Он вдруг понял, что нужно было сделать снимок.

* * *

Наступил вечер. Часы показывали 9:03.

– А где Мешен? – спросила Флёр. Она приложила руку ко лбу, сделав козырек, и начала осматривать всю сумеречную зону в поисках девочки, которая почему-то носила разноцветные гетры – на правой ноге – белого цвета, а на левой – голубого.

– Дома, – ответил Ник.

– Дай угадаю, – Флёр ехидно улыбнулась. – Ты боялся опозориться, Лаплас, и решил отвезти ее домой пораньше.

– Нет, просто мы редко видимся в выходные. Так уж привыкли. Вчера ее тоже не было.

– Ну конечно. Какой стеснительный месье.

– Ой, думай что хочешь. И не стеснительный я.

Ник уже хотел уйти.

«Зачем я на это согласился?» – думал он, но знал, что выбора не было.

Флёр встала напротив Ника. Посмотрела ему в глаза, а потом рассмеялась.

– Ой, не могу смотреть на тебя, де Траси, – сказала она и закрыла глаза. – Вот так лучше. Готов?

– Ээ... Нет, – ответил Ник.

Флёр открыла глаза.

– А ты здесь откуда? – спросила она с нотками удивления в голосе. Вид у нее был ошарашенный.

– Ээ... Мы договорились встретиться сегодня вечером...

– Точно.

Флёр достала из кармана какое-то устройство. Ник не мог понять, что это. Какая-то прямоугольная пластиковая коробочка с кнопками.

– По твоему взгляду понятно, что тебе ничего непонятно.

– Ага.

– Это диктофон. Он нужен для...

– Я знаю, для чего он нужен, но выглядит он странно.

– Диктофон как диктофон. И не перебивай меня. Не люблю, когда так делают особи с не слишком большим интеллектом.

– Эй!

– Я записала для тебя мелодию, – Флёр протянула диктофон Нику. – Послушай несколько раз и запомни слова. Эту партию ты будешь петь на Рождество.

– Но я смогу слушать ее только здесь, не проще будет, если ты напоешь на камеру? Я запишу видео на смартфон и буду в тепле слушать.

– Во-первых, сейчас холодновато, чтобы петь в полную силу. А во-вторых, я не хочу, чтобы я была у тебя в телефоне. Это, знаешь ли, негигиенично.

– Как же тогда мы устроим концерт, если будет холодно?

– Попытаемся сделать это место теплее. Да и вообще, если нам удастся привлечь классную группу, то их техники сами сделают все как надо. А сейчас слушай запись.

Ник взял наушники, которые были воткнуты в диктофон, и вставил их в уши. Он посмотрел на устройство и не понял, что с ним делать.

– Ээ... – замялся он.

– Жми «плей» и не говори мне, что впервые видишь эту кнопку.

Ник надавил на клавишу с треугольником. Сначала послышались шумы, а потом знакомый голос проговорил: «Труа, де, ан¹⁰» и зазвучала мелодия. Она была простой, но в то же время емкой и красивой. Ник слушал ее, приоткрыв рот, жадно ловя каждую ноту. И если раньше от мысли, что ему придется петь, его бросало в дрожь, то сейчас где-то в глубине его мозга засела крохотная мысль: «Я хочу попробовать».

Музыка затихла.

Ник еще какое-то время молча стоял, словно бы находясь в другом месте, а потом вернулся в гнетущую реальность. И тут он сразу вспомнил о драке в баре и еще о кое-чем неприятном, о чем нужно было поговорить с Флёр. Момент был как раз подходящий, и он им воспользовался.

Флёр достала чизбургер из пакета и устроила себе ужин. Она часто приносила сэндвичи с собой. Если приглядеться к ее одежде, то под пальто можно было заметить, что ее брюки точь-в-точь как те, что выдают сотрудникам «МакДональдс».

– Хочешь? – Флёр взяла второй сэндвич из пакета и протянула Нику.

– Ээ... – замялся он.

– Ну как хочешь, больше не предложу.

– Есть твою еду – бессмысленно для меня.

---

¹⁰ Три, два, один [Trois, deux, un] (пер. с франц.).

– Как грубо, Лаплас. Тебя не учили вежливости? Ну знаешь, правила приличия?
Ник вздохнул.

– Так что ты думаешь о драке в баре? – спросил он.

Флёр пожала плечами.

– Поэтому мы и устраиваем концерт, – сказала она.

– Я не думал, что люди реально дойдут до драк, – ответил Ник.

– Какой же ты все-таки наивный амбесиль, – Флёр рассмеялась. – Послушай, но не удивляйся. Плохие парни из Бостона все-таки нашли повод подраться с другими плохими парнями из Бостона. То же мне новость. Это было неизбежно, но не стоит преувеличивать трагедию, вряд ли это был внезапный удар, впрочем, не стоит и приуменьшать. Как журналист ты еще хуже, чем... Стоп! А кто ты? Дворф?

Ник фыркнул в ответ, а потом его осенило. Он как бы завис на несколько секунд.

– Ты чего? – спросила Флёр и ткнула ему указательным пальцем в кончик носа. – Забыл, как дышать? Я тебе искусственное дыхание рот-в-рот делать не буду. И не мечтай.

Ник поднялся с лавочки и направил указательный палец прямо в лицо Флёр.

– Плохие парни из Бостона! – воскликнул он.

Но Флёр, кажется, совсем не заинтересовалась, она уставилась на его палец и молчала.

– Ты же хотела крутую группу, которая актуальна и в прошлом, и в настоящем? – спросил Ник.

– Уи, но при чем здесь плохие парни из Бостона? И кстати, палец у тебя кривой.

– Это прозвище получили Aerosmith, хоть они и не из Бостона. Но здесь они начали свой путь. Я писал про них заметку для «Бостон Дей». Эта группа важна для этого города. И эта группа все еще выступает в том же составе, что и пятьдесят лет назад. И кстати, не кривой.

– Это может сработать, Лаплас! Точно работает! И кстати, кривой.

– Ага, только Aerosmith не станут выступать на... – Ник посмотрел на сцену. – На этой засыпанной снегом сцене посреди улицы. И кстати, иди к черту.

– Думаешь, они откажутся сыграть с самими собой из 2003 года, чтобы спасти город от потенциальной гражданской войны?

– Думаю, да.

– Уи, ведь такое каждый день происходит. Вчера, например, Limp Bizkit играли с самими собой, вход был бесплатный. Я не пошла, подумала: «Да чего я там не видела?»

– Окей, согласен, такого никогда не было. Это и правда хорошая причина для них. Но есть проблема: как мне до них достучаться?

– Ты же журналист, Лаплас. У тебя должны быть связи с крупными газетами, типа «Таймс», «Вашингтон Пост», «Дейли Бьюгл» и так далее.

– Я занимаюсь этим не так долго, чтобы иметь какие-то связи... Хотя я знаком с редактором «Дейли Бьюгл» мистером Джеймсоном.

– Вот и отлично, позвони ему!

Ник без какого-либо выражения смотрел Флёр в глаза. Так продолжалось около минуты.

– Что? – спросила она наконец.

– В «Дейли Бьюгл» работал Питер Паркер, – сухо ответил Ник.

Флёр открыла рот, но кажется, забыла как произносить слова.

– Ты знаком с Человеком-пауком? – спросила она после паузы.

– Ну конечно, а по выходным выпиваю с Тором. А моя девушка Скарлетт Йоханссон.

– Кто?

– Проехали.

– Бьен. В любом случае ты что-нибудь придумаешь. Я верю в тебя, Лаплас, – сказала Флёр и встала с лавки. – Нам пора продолжить тренировки, чтобы ты не опозорился перед Aerosmith и Скарлет Йонсенс.

– Йоханссон, – поправил Ник.

– Без разницы. Послушай еще несколько раз мелодию. Скоро тебе придется ее спеть.

– Разве я не должен знать музыкальную грамоту, прежде чем начать петь?

– Нон. У нас нет времени на это.

– Ты точно знаешь, что делаешь?

– А ты веришь мне?

– Почему-то да. Хотя не стоит, ты же странная.

Сказав это, Ник посмотрел в сторону, на кирпичную стену с граффити, и почесал затылок. Он вспомнил другого странного человека – Того, кто ищет.

– Слушай, – сказал он. – Ты правда считаешь, что за тобой кто-то охотится?

– Пора бы уже перестать сомневаться в моих словах, Лаплас. Я давала повод усомниться в себе?

– Да ты несешь какой-то бред. Постоянно!

– Уверен?

– Да! Но драка в «Таверне Буковски» – это не все, о чем я хотел тебе рассказать. Там был человек в шляпе. У него на лице были шрамы, и он носил бронежилет. Станный тип.

Флёр прикрыла рот рукой и удивленно посмотрела на Ника.

– Он сказал «Я найду ее» перед тем, как уйти, – продолжил Ник.

– Это *он!* – воскликнула Флёр. – У него светлые волосы, ходит в армейских ботинках?

– Да.

– Надеюсь, он тебя не видел.

– Нет, я был за границей. Но послушай, «Таверна Буковски» в полутора милях отсюда. Если это Тот, кто ищет, то тебе следует быть осторожней.

– Это место – крепость, окруженная строительным забором, мало кто знает, что мы здесь собираемся. Это у вас – в настоящем – еще можно заметить границы, а у нас – в прошлом – нельзя. Поэтому об аномалиях почти никто не знает.

– Да, но ты хочешь выступить на сцене на Рождество вместе с Aerosmith. Если этот тип опасен, то ты нарисуешь себе мишень на голове. Потому что в интернете и на телевидении этот концерт обязательно покажут.

Флёр резко отвернулась и замолчала. Она склонила немного голову и начала тереть правый висок рукой.

– Ты чего? – поинтересовался Ник. Она уже не первый раз это делает, подумал он.

– Ты... ты уже говорил это, – голос Флёр дрожал. – Прекрати, хватит...

– Эй, что с тобой?

Флёр потрясла головой, как будто стояла в толпе на рок-концерте и вроде бы наконец-то пришла в себя.

– Со мной все в порядке, просто приступы мигрени. Когда я встретила тебя, они участились, так что, я думаю, на мой юный организм твои бесцеремонные слова действуют не лучшим образом. И вообще, тот факт, что я выступлю на сцене, не говорит о том, что здесь – на стройплощадке – я постоянно нахожусь. Но если ты так сильно обеспокоен, то я надену маску.

– Надеюсь, без подсолнухов.

– Какой же ты все-таки амбесиль. Бьен, пора заняться делом! Хватит отлынивать.

* * *

Говорят, бездна смотрит в тебя, когда ты смотришь в нее, но в случае Ника Эрхарта это делал бархатный пиджак, лежавший на столике в кафе.

– Я ненавижу тебя, – застонал Ник, но все-таки продолжил делать вышивку из десяти лент. Он уже начал забывать, что были времена, когда «Букер» у него ассоциировался с хорошим кофе и прекрасной атмосферой, а не с текстильной фабрикой.

Ник не сразу заметил, что Кристина подошла к нему, да и как тут заметишь, когда бархатный демон отнимает все твое внимание и немного крови. У нее в руках была небольшая стопка какой-то бумаги с глянцевым покрытием. Нехороший знак.

Увидев тень, Ник отвлекся. Он вопросительно посмотрел на подругу и спросил:

– Это еще что такое?

– Ты говорил, что умеешь рисовать? – ответила вопросом на вопрос Кристина.

Ник повернул бейсболку козырьком назад и словно бы преобразился.

– Я врал, – уверенно сказал он. – Я конченный лжец, Крис, тебе ли не знать. Все ради того, чтобы подкатить к тебе.

Кристина рассмеялась и положила листы на столик.

– За то, что рассмешил меня, кофе за счет заведения.

– И все же, что это такое? – Ник указал исколотым пальцем на стопку бумаги.

– Никогда не догадаешься.

– Оригами?

– Как я уже сказала, никогда не догадаешься.

– Оригами?

– Нет.

* * *

Ник думал, что мистер Келлерман может знать людей, которые помогут ему связаться с менеджментом Aerosmith. Возможно, так оно и было, но для начала кто-то должен был заставить редактора «Бостон Дей» связаться с реальностью, от которой он с каждым днем удалялся все дальше и дальше.

Когда Ник и Элизабет уходили из кабинета с табличкой «Самый главный редактор», их начальник спал на диване в обнимку с клюшкой. Рассчитывать на него не стоило.

– Я знаю! – сказала Элизабет по пути из офисного здания.

– Что? – спросил Ник.

– Дости может найти то, что ты ищешь!

Ник усмехнулся.

– Это вряд ли, – сказал он и потрепал подругу по голове. – Но попытка неплохая.

– Сможет, он же приносит Альфреду всякие полезные вещи.

Ник посмотрел на воодушевленное лицо подруги и пожал плечами. Была не была. В конце концов, работы на сегодняшний день у них не было, так что можно было и подурачиться, а заодно и подумать, как достучаться до Aerosmith.

Найти сэра Достоевского друзьям не составило труда, он почти всегда ошивался возле Альфреда как сторожевой пес. Возможно, так и было, только он охранял не старика, спящего на картонке, а его флягу с самым дорогим.

– Что дальше? – спросил Ник, видя, как резво бежит к нему Дости. Он уже думал вернуться, но, к счастью, Элизабет перехватила собаку до того и начала ее гладить, чтобы успокоить.

– Нужно дать ему понюхать что-то, – сказала она. – Собачки нюхают и берут след.

– У меня нет ничего, что было бы связано с Aerosmith.

Элизабет опустила взгляд и слегка расстроилась.

– Впрочем, можно дать ему послушать пару их песен, – предложил Ник, чтобы ободрить подругу. – Должно сработать, почему нет?

Он нажал на «плей» в приложении «Плей Музыка» на своем смартфоне и заиграла приятная мелодия. Корги лишь подергал ухом. Ожидаемо. Но когда Стивен Тайлер запел: «*Мечтай, мечтай, мечтай*», то собака вдруг сорвалась с места и куда-то побежала.

– Не может быть, – проговорил Ник и побежал за корги, ухватив за руку Элизабет.

– Дости найдет Aerosmith! – воскликнула она.

После бесконечной беготни по торговому району Даунтаун Кроссинг собака забежала в проулок Чапман Плейс, где спал Альфред. Дости буквально врезался в синий мусорный бак, и тот свалился, создав много шума.

Альфред вскочил с места.

– Что, где, зачем? Я не ел эту крысу, мой господин! Она сама попала мне в рот.

Ник и Элизабет забежали в проулок и остановились. По их виду было ясно, что они чертовски устали и ожидали иного финала. Друзья практически синхронно положили руки на колени, пытаясь отдышаться.

– Расслабься, старик, – сказал Ник.

– Что вы здесь делаете? – спросил Альфред.

Не успел Ник ответить, как вмешалась Элизабет:

– Искали Aerosmith!

Ник посмотрел куда-то в сторону, явно смущаясь.

– Нашли? – спросил Альфред.

– Как видишь, тупая собака привела нас к тебе, старик. Но мне кажется, ты не Стивен Тайлер.

– И даже не Джо Перри, – заметил Альфред, а потом он сказал «Но» и таинственно замолчал.

Ник смотрел на него, ожидая продолжения.

– А это красиво, – произнесла Элизабет.

– Что именно? – спросил Ник.

– Надежда – очень красивая леди. Приходит и тьму превращает в свет. Но не надолго.

Ник повернулся к Альфреду. К тому подбежал Дости и что-то выплюнул прямо перед ним – что-то похожее на ожерелье. Альфред погладил собаку по голове и сказал:

– А вот и наказание! Хороший мальчик, сэр Достоевский.

– Что значит «но»? – спросил Ник.

– Возможно, я знаю, как связаться с Aerosmith, господин Эрхарт, – пояснил Альфред.

– Ага, – с сарказмом произнес Ник и усмехнулся.

– Не верите мне?

– Нет, конечно. Ты бомж, а они мировые знаменитости. У вас мало общего.

– Но я не всегда жил на улице, господин Эрхарт.

– Ладно. Допустим, я тебе поверю. И что же нужно сделать, чтобы связаться с Aerosmith?

– Написать бумажное письмо.

Ник вскинул руки от досады.

– А я уж подумал, ты действительно знаешь, что делать. А ты опять напился и отправился в алкогольное турне сквозь время. К твоему сведению, старик, мы сейчас в двадцать первом веке и у нас бумажные письма никто никому не отправляет.

– Но они и не из двадцать первого века, – заметил Альфред.

– Да плевать, я как-то пробовал писать группе In This Moment, даже бумажные письма слал им. Все без толку.

– Марие Бринк, – уточнила Элизабет.

– Да, – подтвердил Ник.

– Любовные.

Все переглянулись, и Альфред с Элизабет начали смеяться.

– Дураки, – пробормотал Ник себе под нос. – Вы ничего не понимаете! Она супердевушка!

Когда смех все-таки стих, Альфред сказал:

– Вы просто не знаете, кому нужно отправлять письма, господин Эрхарт. Зная правильного человека, можно достучаться до кого угодно. Даже до Марии Бринк.

– А ты, можно подумать, знаешь? – спросил Ник.

– А я знаю.

После паузы Альфред продолжил:

– Слышали про теорию о шести рукопожатиях?

У Ника отвисла челюсть. Он взял Элизабет за руку и повел в сторону.

– Пойдем, Элизабет. Этот старик невменяем.

Альфред окликнул друзей:

– 1968 год, Рэд Кволек работал поваром в клубе «Энкорейдж» в маленьком городке Санэйпи в Нью-Гэмпшире.

Ник остановился.

– И что? – спросил он.

– Угадайте, кто мыл посуду в этом клубе в то время? – сказал Альфред.

– Не знаю.

– Джо Перри – будущий гитарист Aerosmith.

Ник повернулся к Альфреду лицом и заинтересованно посмотрел на него.

– Этот Рэд поможет передать письмо группе? – спросил он.

– К сожалению, господин Кволек мертв, – ответил Альфред.

Ник закатил глаза.

– Пойдем, Элизабет. Этот старик не в себе. Я думаю, он выпил тормозной жидкости с утра и теперь набивает себе цену.

– Не надо грязи, господин Эрхарт. Я пью исключительно скотч!

– Да плевать.

– Что до господина Кволека, он умер пять лет назад, но в 2003 году он все еще жив, – сказал Альфред. – Разве вам не подойдет Aerosmith из прошлого?

Альфред вновь заставил Ника остановиться и повернуться к нему лицом.

– Продолжай, – заинтересовался Ник.

– Рэд Кволек был знаком с господином Перри, но они не были друзьями. Я вам больше скажу, господин Кволек не сможет отдать письмо нужному человеку, который бы смог передать его Aerosmith.

– Надеюсь, в этой истории есть «но» и не одно.

– Конечно. Но! – Альфред поднял указательный палец, а потом продолжил: – Рэд знает того, кто знает того, кто знает того, кто знает того, кто знает того, кто передаст письмо Aerosmith.

– Получается шесть рукопожатий.

– Именно!

Альфред хлопнул в ладоши, а затем начал судорожно рыться в своем потрепанном пиджаке. Что-то нашел. Он достал из внутреннего кармана перстень.

– Мне нужны лист бумаги, конверт и воск, – сказал Альфред.

– Но мы хотим пригласить обе группы, – уточнил Ник.

– Обе? Куда пригласить? Зачем?

– У нашей ненормальной появилась нормальная идея. Она предложила провести концерт, который бы сплотил людей из настоящего и прошлого. Но нужна была группа, которую хорошо знают в городе. В итоге выбор пал на Aerosmith. Но нужны обе группы, как из 2003 года, так и из 2022 года. Потому что если они выступят на одной сцене вместе, то это что-то да будет значить для людей в этом городе.

– Оу, так вы хотите попросить их об одолжении. Это усложняет задачу.

– Какая разница?

– Они могут быть заняты, ну знаете, мировые турне ради мальчика из Бостона не отменяют.

– А ради мира в Бостоне и возможности сыграть с самими собой на одной сцене?

– Пожалуй, таким они могут и заинтересоваться.

– Ладно, – сказал Ник. – Допустим, Aerosmith 2003 года мы можем пригласить через письмо и шесть рукопожатий. Допустим, к 2022 году они забудут, что мы их уже просили об одолжении, но в настоящем, возможно, мертв не только Рэд. И как ни посмотри, а доставить второе письмо будет в несколько раз сложнее.

– Верно.

– И все же этот путь – единственная зацепка.

Ник посмотрел на кольцо, которое держал Альфред.

– А это что? – спросил он.

– А это, господин Эрхарт, причина, по которой Стивен Тайлер и ребята станут читать письмо.

– Стоп. А этой причиной можно воспользоваться дважды?

Альфред покачал головой.

– Не думаю. Это, господин Эрхарт, перстень воздушного кузнеца. Редкая штука. Его мне подарил господин Тайлер, когда я помог ему в одном щепетильном деле. Сказал, что за ним должок. Если он увидит отпечаток перстня на конверте, то непременно прочтет письмо и, я уверен, сделает то, что вы хотите. Но только один раз.

– Думаешь, он поверит, что есть место в Бостоне, где он может встретить себя из будущего? К сведению, в прошлом об аномалиях практически никто не знает.

– Поверит.

– Потому что он наркоман?

– Нет. Потому что я всегда был с ним честен.

– Ладно, а он не дал тебе адрес, по которому нужно отправить письмо с просьбой?

– Это было в восьмидесятых, господин Эрхарт. К тому же тот человек, контакт которого дал мне господин Тайлер, умер от передозировки наркотиков в 1998 году. Поэтому нужно идти в обход через шесть рукопожатий.

– Ясно. Думаешь, Стивен помнит об этом? Не получится так, что мы отправим письмо, а он его выбросит?

– Помнит, почему нет?

– Ну, алкоголь, наркотики, ну знаешь, все эти рок-н-рольные штучки. Они плохо влияют на мозг в целом и на память в частности.

– Он помнит, – уверенно сказал Альфред.

– И конечно же, он не забудет, что отдал тебе долг в 2003-м?

– Не забудет.

– Он точно был наркоманом и алкоголиком?

– Еще каким!

Ник прикусил нижнюю губу и посмотрел в сторону – вглубь проулка. Там никого не было – только компания мусорных баков на брусчатке, но она вряд ли могла подсказать какую-нибудь стоящую идею.

– Что же нам делать? – пробормотал он себе под нос.

Наступила тишина, но не та, что в космосе, а та, в которой слышно, как учащенно дышит собака, с которой играет белокурая девочка, и та, в которой отчетливо слышно, как старик делает два глотка из фляги.

– Фродо Бэггинс! – вдруг сказала Элизабет, разбив тишину.

Ник и Альфред переглянулись. И тут у Альфреда аж глаза округлились.

– Точно! – прохрипел он.

– Что? – спросил Ник.

– Перстень... вы... она...

– Говори яснее.

– Когда ваша цветочная подружка...

– Она мне не подружка!

– Хорошо, когда ваша не подружка отдаст конверт нужному человеку, а тот отдаст его тому, кто передаст его мистеру Тайлеру, то долг будет выплачен.

– И что?

– А то, что вы можете вернуть перстень владельцу. Тогда, возможно, человек, который знает, кому нужно отдать письмо, выслушает вас и передаст перстень тому, кто передаст его господину Тайлеру. Но...

– Но?

– Но возможно, и нет, потому что из-за одного не столь благородного поступка, который я совершил, однако еще не успел совершить в 2003-м, господин Тайлер может быть зол на меня. Будет проще, если вы скажете, что я мертв. Тогда через хитрость и жалость вместе с перстнем, может, удастся доставить сообщение до Aerosmith. Если, конечно, человек, который знает, кому передать письмо, чтобы тот передал письмо Aerosmith, все еще жив. Впрочем, это касается всех в этой схеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.